

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ, ДВАЖДЫ МАРШАЛ

К.К. Рокоссовский,
Н.Н. Воронов, Ф.И. Толбухин,
М.С. Громадин
Москва, 1943 г.

К.К. Рокоссовский

Г.К. Жуков
и К.К. Рокоссовский
(в форме польского маршала)
1950-е годы

К.К. Рокоссовский
1931 г.

Портрет Маршала
Советского Союза
К.К. Рокоссовского
Художник
К.Д. КИТАЙКА,
1948 г.

К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского

КОНСТАНТИН Константинович Рокоссовский родился на Псковщине в г. Великие Луки*. Военную службу начал в 1914 году, участвовал в Первой мировой войне.

За победы, одержанные в Великой Отечественной войне, Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский был дважды удостоен звания Героя Советского Союза и награжден высшим советским военным орденом Победы. Полководец удостоился и еще одной высокой чести — 24 июня 1945 года он командовал Парадом Победы в Москве.

После войны Рокоссовский был назначен главнокомандующим Северной группой войск. В 1949 году по просьбе правительства Польской Народной Республики с разрешения Советского правительства выехал в Польшу и был назначен министром Национальной обороны и заместителем председателя Совета министров ПНР. Рокоссовскому было присвоено воинское звание Маршал Польши.

В 1956 году Константин Константинович возвратился в Советский Союз и был назначен заместителем министра обороны СССР, с июля 1957 года — главным инспектором — заместителем министра обороны СССР. С октября того же года командовал войсками Закавказского военного округа. В 1958—1962 гг. он вновь был заместителем министра и главным инспектором Министерства обороны СССР, а с апреля 1962 года — генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

К.К. Рокоссовский похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Публикацию подготовила А.Н. ЧАБАНОВА

* По другим данным — в г. Варшаве.

Иллюстрации из кн.: Летопись ратной славы. Студия военных художников имени М.Б. Грекова / Сост. Д.А. Белокин, Т.К. Скоробогатова. М.: Белый город, 2005.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2007 года — 31 рубль. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел. редакции для справок:
(495) 157-84-50

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и интернет — приложения «Военно — исторического журнала» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ноябрь
№ 11
2006 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Военные
воздухоплаватели
на страже рубежей
Отчизны

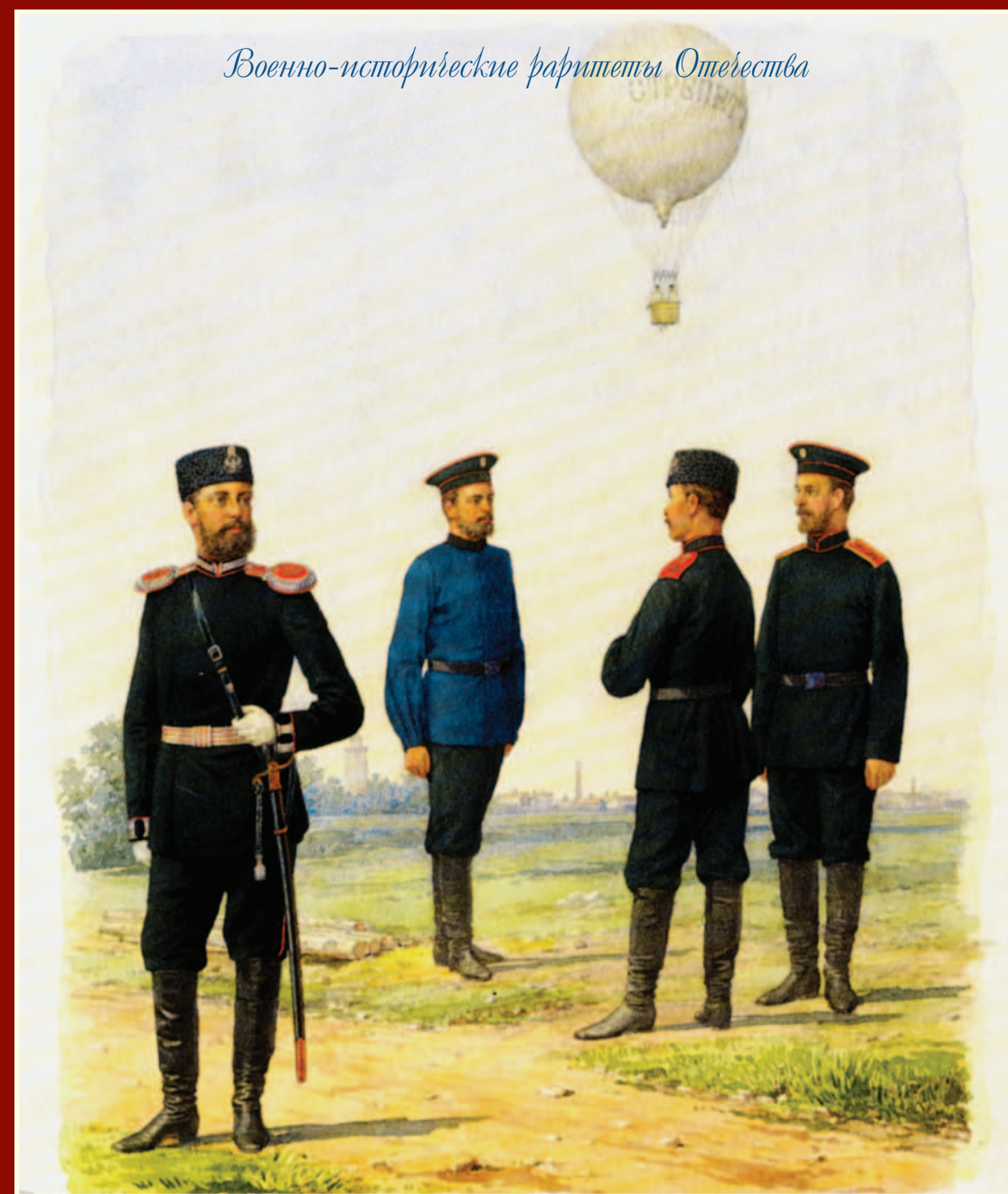
История Великой
Отечественной
войны:
предотвратить
ее искажение
и фальсификацию

Секретная миссия
российских
корабелов
С.И. Плещеева
и А.С. Катасанова
в Швецию
в 1777 году

Вклад военных
разведчиков
в создание
отечественного
атомного оружия.
1941—1949 гг.

Мемориальный
кабинет-музей
маршала Победы
Г.К. Жукова

ISSN-0321-0626

Обер-офицер и рядовой учебного воздухоплавательного парка (слева), рядовые крепостного (Варшавского) воздухоплавательного отделения и учебного воздухоплавательного парка
1890 г.

Военно-исторический журнал 2006 № 11 ноябрь

16 ноября — День ракетных войск и артиллерии

В ПАМЯТЬ

К 110-летию со дня рождения
Маршала Советского Союза
Г.К. Жукова и 10-летию
Мемориального
кабинета-музея Г.К. Жукова

Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский на Красной площади.
24 июня 1945 года

Художник С.Н. ПРИСЕКИН, 1985 г.

**Читайте
в номере**

Здание на Знаменке, в котором расположен Мемориальный кабинет-музей четырехжды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Г.К. Жукова

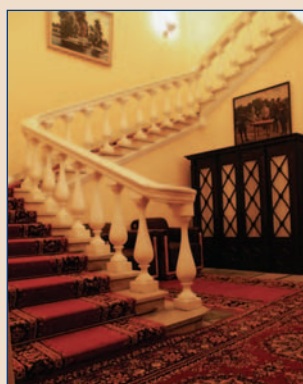
Фрагмент экспозиции музея, находящейся в бывшей приемной министра обороны СССР

Рабочий кабинет министра обороны СССР

Иллюстрации из архива Мемориального кабинета-музея Маршала Советского Союза Г.К. Жукова; кн.: Сметанников И.С. и др. Под знаком Золотой Пчелы: Всероссийское геральдическое общество. 1991—2005. М.: Всероссийское геральдическое общество; ООО «Лидер», 2006; Летопись ратной славы. Студия военных художников им. М.Б. Грекова / Сост. Д.А. Белокин, Т.П. Скоробогатова. М.: Белый город, 2005.

Лестница, ведущая в кабинет Г.К. Жукова

Комната отдыха

Публикация А.Я. КОЛОМИЙЦЕВА

За этим столом работал Г.К. Жуков

ВЫДАЮЩИЙСЯ полководец XX века Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков родился в 1896 году в деревне Стрелковка Малоярославецкого уезда Калужской губернии.

Свой воинский путь Георгий Константинович начал 7 августа 1915 года во время Первой мировой войны. В городе Малоярославце он был призван в армию и зачислен в 5-й запасной кавалерийский полк, располагавшийся в городе Балаклее Харьковской губернии.

В апреле—мае 1945 года советские войска под командованием Жукова успешно провели Берлинскую стратегическую наступательную операцию, разгромив крупнейшую группировку гитлеровцев и овладев Берлином.

8 мая 1945 года Г.К. Жуков принял в Карлсхорсте капитуляцию фашистской Германии, позже — Парад Победы на Красной площади.

После войны Г.К. Жуков занимал ответственные посты в руководстве Вооруженных Сил СССР, а с 1955 по 1957 год был министром обороны СССР.

В преддверии 100-летия со дня рождения Георгия Константиновича Жукова в прежнем здании Генерального штаба в Москве был создан Мемориальный кабинет-музей выдающегося полководца. Г.К. Жуков работал здесь с января по июль 1941 года в должности начальника Генерального штаба Красной армии, с марта по июнь 1946 года — был главнокомандующим Сухопутными войсками, с марта 1953-го — заместителем министра обороны СССР. С февраля 1955 по октябрь 1957 года кабинет занимал министр обороны СССР Г.К. Жуков. Экспозиция представляет собой кабинет-музей и размещена в трех залах — это бывшие приемная, рабочий кабинет и комната отдыха. Все это является филиалом Центрального музея Вооруженных сил. Работники музея и дочери полководца Эра Георгиевна, Элла Георгиевна, Мария Георгиевна приняли активное участие в подборе экспонатов.

Нереализованные проекты российского военного мундира

**Читайте
в номере**

Проекты военной формы одежды:

1 — генералиссимуса (1945 г.); 2 — Маршала Советского Союза (1945 г.); 3 — генерал-лейтенанта (1956 г.); 4 — младшего сержанта (1956 г.)

СИМВОЛЫ ЧЕСТИ И ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

ВСОВРЕМЕННОЙ армии России неизменной остается традиция почитания военного мундира — символа чести и воинской славы. Многие виды военной формы одежды стали символами не только Российской армии, но и отдельных исторических периодов нашего Отечества. Такую знаковость приобрел темно-зеленый мундир Преображенского полка времен Петра I, униформа русского солдата Отечественной войны 1812 года, офицерский мундир в годы Первой мировой войны, советская военная гимнастерка солдата-победителя в Великой Отечественной войне. Однако мало кто знает сегодня, сколько интересных предложений по усовершенствованию военной формы одежды так и остались на бумаге. Об этом читайте в статье полковника Н.С. Бардыго «Российский военный мундир. Нереализованные проекты».

• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

ВКНИГЕ* рассказывается о становлении клана Кеннеди — одной из самых влиятельных американских семей. Основное внимание уделено президенту и верховному главнокомандующему США Джону Кеннеди, дается его портрет не только как политика, но и как обычного человека. Авторы анализируют и версии

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

его гибели. Не исключено, что за выстрелом в Далласе стоит тайный союз мафии и политической реакции. Правоохранительные органы и специальные правительственные комиссии, расследовавшие убийства лидера черных американцев Мартина Лютера Кинга, президента Джона Кеннеди, мини-

стра юстиции, а затем кандидата в президенты Роберта Кеннеди, утверждали, что во всех трех случаях действовали убийцы-одиночки. В эту версию не верят не только специалисты-юристы, но и подавляющее большинство американцев.

Эту книгу получит в подарок победитель конкурса (условия см. на с. 76).

* Гевеский И.А., Иванов Р.Ф. Клан Кеннеди и убийство XX века. М.: Вече, 2003. 448 с., ил.

Основан
в августе 1939 года

Учредитель
Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ноябрь
№ 11 (559)
2006 год

- ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ** 3 **AGAINST LIE AND FALSIFICATION**
М.А. ГАРЕЕВ — История Великой Отечественной войны: предотвратить ее искажение и фальсификацию
M.A. GAREEV — History of the Great Patriotic War: to prevent its misrepresentation and falsification
- ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА** 9 **LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF XX CENTURY**
[В.М. ЖУРБЕНКО] — Приднестровье: июль—август 1992 года
[V.M. ZHURBENKO] — Dnestr-side region: July — August of 1992
- ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЫСЛИ** 12 **HISTORY OF MILITARY THOUGHT**
В.Т. ИМИНОВ — Военные теоретики — известные и забытые
V.T. IMINOV — Military theorists: well-known and forgotten
- ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 19 **ART OF WAR**
Д.Ю. КОЗЛОВ — Флот Балтийского моря в кампании 1914 года
D.Yu. KOZLOV — Navy of the Baltic Sea in the campaign of 1914
- ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНАЯ РАБОТА** 25 **MILITARY MEMORIAL WORK**
О.В. ВИНОГРАДОВА — Мемориальный кабинет-музей маршала Победы
O.V. VINOGRADOVA — Memorial office-museum of the Marshal of Victory
- ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО** 30 **MILITARY CONSTRUCTION**
В.И. СТУПНИКОВ, Ф.Т. ЛЕОНОВИЧ — Военные воздухоплаватели на страже рубежей Отчизны
V.I. STUPNIKOV, F.T. LEONOVICH — Military aeronauts on the watch of the Fatherland's border-lines
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.** 35 **THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945**
А.И. КОВАЛЬЧУК — Войсковая зенитная артиллерия в первый период Великой Отечественной войны
A.I. KOVAL'CHUK — Field antiaircraft artillery in the first period of the Great Patriotic War
- ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ** 40 **FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT**
В.И. ЛОТА — Вклад военных разведчиков в создание отечественного атомного оружия. 1941—1945 гг.
V.I. LOTA — Contribution of military intelligence servicemen to creation of the atomic weapon of this country. 1941—1945
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РАБОТА** 46 **MILITARY HISTORIC WORK**
С.Л. КОРОБИЦЫН — Изучение военной истории — задача государственной важности
S.L. KOROBITSYN — Studying the military history is the task of the state importance
- В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ** 51 **IN FOREIGN ARMIES**
С.Л. ПЕЧУРОВ — Вооруженные силы Германии: от «прусской» к «англо-саксонской» модели
S.L. PECHUROV — The Armed Forces of Germany: from the "Prussia" to "English-Saxon" pattern
- ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА** 55 **MILITARY SYMBOLISM**
Н.С. БАРДЫГО — Российский военный мундир
N.S. BARDYGO — Russian military full-dress uniform
- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 58 **DOCUMENTS AND MATERIALS**
Д.Ю. ХОХЛОВ — История оккупации в архивных документах органов государственной безопасности. Лето 1941 — зима 1941/42 г.
D.Yu. KHOKHLOV — History of the occupation in the archives documents of the state security service's organs. Summer 1941 — winter 1941/42
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 62 **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
В.В. САВИНКОВ — Революция и армия (Публикация В.А. АВДЕЕВА)
V.V. SAVINKOV — Revolution and Army (Publication of V.A. AVDEEV)
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** ★ ★ **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ** 67 **UNKNOWN FROM THE SPECIALSERVICES LIFE**
А.Г. КУЧИРЬ — Секретная миссия российских корабелов С.И. Плещеева и А.С. Катасанова в Швецию в 1777 году
A.G. KUCHIR — The secret mission of Russian shipbuilders S.I. Pleshcheev and A.S. Katananov to Sweden in 1777
- ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА** 73 **MILITARY ANNALS OF THE FATHERLAND**
В.В. ШИГИН — Трагедия брига «Фальк»
V.V. SHIGIN — Tragedy of the brig of "Falk"
- К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 76 **TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE"**
А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Викторина «К 150-летию окончания Крымской войны»
A.S. ZHDANOVSKY — Quiz "To the 150th anniversary of the Crimean war finishing"
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 78 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
С.М. БОРЗУНОВ — Становление полководца Г.К. Жукова
S.M. BORZUNOV — Formation of military leader G.K. Zhukov
- Я.И. БУРЧАК — Сборник документов о советской политике в Австрии 78
Ya.I. BURCHAK — Collected documents about Soviet policy in Austria
- А.И. КОМИССАРЕНКО — «Доблесть никогда не исчезнет, она бессмертна» 79
A.I. KOMISSARENKO — "Valour will never vanish, it is undying"
- ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 8; НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 29; СПРАШИВАЕТЕ—ОТВЕЧАЕМ — 45; ХРОНОГРАФ — 48, 52, 64; ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ — 72; СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА — 80**
FROM THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL" — 8; SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 29; ANSWERS TO OUR READERS' QUESTIONS — 45; CHRONOGRAPH — 48, 52, 64; THE MEMORABLE DATES — 72; INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE — 80

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

11

(559) 2006 November

The Journal of Military History

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

К 65- летию Битвы
под Москвой.
На Подмосковных
рубежах

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Создание
и оборудование
обороны военно-
морской базы Ханко.
1940—1941 гг.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Русские солдаты
в Северной Африке
в 1940—1945 гг.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

За что пострадал
генерал-лейтенант
авиации П.И. Пумпур
в мае 1941 года

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕ- ДЕНИЕ

Самосуды
на Балтийском флоте
в первые дни
Февральской
революции 1917 года

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Великие князья
Московские
и праздник
Преображения
Господня

ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ

Строгоновы
и русская армия.
1745—1814 гг.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛТЫКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооруженных сил, полковник запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Румынии (Бухарест)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
В.Г. КИКНАДЗЕ, капитан 3 ранга, кандидат военных наук;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса, кандидат исторических наук;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, лейтенант;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
А.Н. ЧАБАНОВА

секретариат:
Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря);
К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса;
А.С. ФИЛИПОВА

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРЕДОТВРАТИТЬ ЕЕ ИСКАЖЕНИЕ И ФАЛЬСИФИКАЦИЮ

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении 9 мая и в послании Федеральному собранию 2006 года еще раз подчеркнул нетленность памяти о Великой Победе и важность извлечения уроков из опыта Великой Отечественной войны. 22 июня 2001 года, в день, когда наша страна, народы бывших советских республик отмечали 60-летие нашей скорбной даты в своей истории, он заявил, что «мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал». Да, к величайшему сожалению, по прошествии стольких лет со времени «сороковых роковых» нам все чаще приходится обращать внимание, причем на самом высоком уровне, на необходимость более активно и действительно противостоять фальсификации истории Второй мировой войны и дискредитации Победы, принявших в последние годы беспрецедентные масштабы.

ДЛЯ ОТСТАИВАНИЯ правды о войне и патриотического воспитания молодежи особое значение имеют выступления ветеранов войны в различных аудиториях. Издаются новые добротные книги, публикуются содержательные статьи в газетах и журналах, среди которых можно было бы отметить журнал «Новая и новейшая история» под руководством академика РАН Г.Н. Севастьянова, «Военно-исторический журнал», газеты «Красная звезда», «Ветеран», «Военно-промышленный курьер», «Независимое военное обозрение» и другие. Заслуживают внимания такие фундаментальные издания, как «Мировые войны XX века» Института всеобщей истории РАН; военно-исторические очерки «Великая Отечественная война. 1941—1945» и очерки о командующих армиями и командирах корпусов Института военной истории; «Документы внешней политики России», издаваемые МИД РФ; сборник документов «Органы госбезопасности в Великой Отечественной войне»; серия «Русский архив» и т.д. Полезную работу проводит Координационный совет по военно-исторической работе, возглавляемый заместителем начальника Генерального штаба генерал-полковником А.С. Скворцовым. Есть и некоторые другие достижения. Вместе с тем надо признать, что, несмотря на все это, положение дел в сфере

освещения истории Великой Отечественной войны и вообще истории нашего Отечества явно неблагоприятно.

Нельзя не видеть, что искажается не только история войны. Для дискредитации Великой Победы и придания этому процессу исторической опоры пересматривается и переиначивается, выворачивается наизнанку вся отечественная история. Ставятся под сомнение победы и заслуги Александра Невского на Чудском озере и Дмитрия Донского на Куликовом поле. Объявляются реакционерами К. Минин и Д. Пожарский, поскольку, оказывается, они еще 400 лет назад сорвали возможность присоединения России к Западу. И последующее любое противодействие иноземной экспансии — это де реакция, непростительная ошибка, в том числе и в годы Великой Отечественной войны. Восхваляется так называемая гатчинская военная школа императора Павла I, которая якобы стояла выше суворовской «Науки побеждать».

Много сенсационных и легковесных суждений об Отечественной войне 1812 года, Крымской (Восточной) 1853—1856 гг., Русско-японской 1904—1905 гг. и Первой мировой 1914—1918 гг. войнах. В сугубо негативном плане изображается весь советский период истории Отечества. Присоединение США и Великобритании во время Второй мировой войны к антигитлеровской коалиции считается ошибочным, а победа над фашизмом — злом. Пишут даже, что «было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер Сталина и освободил нас»¹. Вот такая историческая концепция и «национальная идея» навязываются сегодня России.

В.В. Путин в свое время отмечал, что «распад Советского Союза стал крупнейшей геополитической катастрофой столетия». С этим не согласен директор Московского центра Карнеги Эндрю Качинс. «Для Запада, — считает он, — крах СССР... означал величайший триумф XX века... Отказ от суверенитета ради безопасности является признаком Европы эпохи постмодерна, будучи сегодня основополагающим принципом Евросоюза»². Таким образом, согласно этой теории все страны и народы должны жить под эгидой одной сверхдержавы.

В дни, когда прошло 65 лет после начала Великой Отечественной войны, есть смысл задуматься: почему все это происходит? Почему извращается наша история?

Вполне понятно, что для оправдания названной выше концепции нужна переиначенная история, которая призвана внушить людям, что, если в прошлом у России ничего, кроме поражений и позора, не было, она не может рассчитывать ни на что путное ни сегодня, ни в буду-

щем. Причем вся эта информационная диверсия осуществляется под предлогом поиска «правды» о войне. Но вместо этого плодятся ложь и новые мифы.

СССР обвиняют в сговоре с гитлеровской Германией в 1939 году, хотя еще до этого, в 1938-м, был Мюнхен, и все прибалтийские страны, а также Польша заключили с Германией различного рода пакты и соглашения, в том числе секретные. Советский Союз объявляют виновником и зачинщиком Второй мировой войны. Извращаются подлинные причины наших неудач в начале отражения германской агрессии. А по мнению, например, Г.Х. Попова и Курской битвы вообще не было, так как после высадки союзников в Сицилии А. Гитлер увел все свои танковые дивизии на Западный фронт. Даже выдающиеся наступательные операции 1944—1945 гг., в том числе Берлинская, объявляются бездарными, а вооружение и военное искусство Красной армии никудашными.

Приводятся надуманные данные о военных и гражданских потерях СССР во время войны (называются подлинные причины наших неудач в начале отражения германской агрессии. А по мнению, например, Г.Х. Попова и Курской битвы вообще не было, так как после высадки союзников в Сицилии А. Гитлер увел все свои танковые дивизии на Западный фронт. Даже выдающиеся наступательные операции 1944—1945 гг., в том числе Берлинская, объявляются бездарными, а вооружение и военное искусство Красной армии никудашными.

В ПЕРЕЛОМНЫЕ периоды исторического развития всегда возникали обостренное внимание к прошлым событиям, стремление толковать их с учетом нового видения и приспособления к интересам решения назревших социально-политических проблем. В свое время даже говорили, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. Во всяком случае, все крупные историки не только описывали прошлое, но и стремились делать из него выводы и извлекать уроки для современности и будущего, размышляя о судьбах Отечества, задачах государства, историческом сознании граждан. Например, Н.М. Карамзин в знаменитой «Истории государства Российского» ставил своей целью раскрыть смысл русской истории, роль России в мировой истории, подводя все к единению Церкви и государства, Бога и царя и в целом к единению страны, которое спасало ее в наиболее трудные годы. Но жизнь корректировала заветы даже такого умнейшего историка. Идеи незыблемости самодержавия или крепостничества не могли существовать вечно, но идеи единения России будут всегда востребованы.

Н.М. Карамзин оставил потомкам и весьма полезные методологические советы, к которым не грех прислушаться и в наше время. «Историк, — писал Николай Михайлович, — должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие; он должен быть прежде всего правдив, но может, даже должен, все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью...»³.

Что-то оказалось жизненным, а что-то безвозвратно ушло в небытие и из наследия других известных историков — В.О. Ключевского, С.М. Соловьева и других более поздних прорицателей. Не во всем жизненным оказался и марксистский сугубо классовый подход к историческим событиям, а прямолинейная школа М.Н. Покровского только дискредитировала его. Все

это говорит о том, что, с одной стороны, ни один историк не может исследовать прошлое в полном отрыве от интересов общества, в котором он живет, с другой — совершенно очевидно и то, что излишние идеологизация и политизация исторической науки, как правило, носят конъюнктурный характер и не могут поколебать фундаментальных основ этой науки, базирующихся на объективных фактах и логике исторических событий.

Иногда ставится вопрос: можно ли и нужно ли «переписывать» историю? Переписывать по конъюнктурным политическим соображениям — дело бесплодное. Ведь придут другие и опять переписут. Но когда появляются новые источники, факты, доказательства, то, безусловно, что-то придется уточнять. Так, например, рано или поздно придется корректировать некоторые выводы, относящиеся к Крымской (Восточной), Русско-японской, Первой мировой войнам или к Гражданской войне и военной интервенции в России 1917—1922 гг.

В 2005 году во время пребывания российской делегации ветеранов Второй мировой войны в Китайской Народной Республике, в Порт-Артуре (китайское название Люйшунь), местные власти настойчиво рекомендовали членам делегации не посещать кладбище, где похоронены русские воины, погибшие в Русско-японской войне. Причем, по словам местных жителей, это кладбище находится в запущенном состоянии. Мэр города пытался обосновать такое положение тем, что Россия в 1904—1905 гг. была империалистическим государством и осуществляла экспансию против Китая. Но это обычный классовый подход, который не всегда объективно объясняет исторические реалии. Как показал последующий ход развития событий, национальные геополитические интересы России и Китая уже тогда требовали совместного противодействия японской агрессии. Даже при неудачном для Российской Империи исходе войны Япония по Портсмутскому мирному договору 1905 года должна была уйти из Северо-Восточного Китая.

События 1930—1940-х годов только подтвердили необходимость участия нашей страны в дальневосточных делах. Как оказалось в последующем, политика США, Великобритании и других стран, способствовавших (финансовой помощью и вооружением) возвышению военного могущества Японии, обернулась в конечном счете (для США особенно наглядно в Пёрл-Харборе) против этих же государств. И именно по настойчивой просьбе западных союзников Советский Союз в августе 1945 года вступил в войну против милитаристской Японии. Да и в 1904—1905 гг. российская армия проиграла отдельные сражения, но войну в целом Россия не проиграла и была способна успешно завершить ее.

Н ЕЛЬЗЯ бросаться из одной крайности в другую и в освещении истории Гражданской войны и военной интервенции в России. Когда ставили памятник А.В. Колчаку в Иркутске или занимались перезахоронением останков А.И. Деникина в Москве, в речах организаторов этих мероприятий звучали нотки какой-то виновности россиян перед ними. Едва ли это справедливо. Еще до октября 1917 года, сверг-

нув царя, «русскую смуту» затеяли именно такие генералы, как А.И. Деникин (в апреле 1917 г. он был назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего) и «демократы» типа А.Ф. Керенского. М.В. Фрунзе, С.М. Буденный, В.И. Чапаев сражались не только за советскую власть против белогвардейцев, но и не на словах, а на деле за «единую и неделимую Россию» против интервентов, стремившихся расчлениить ее. Генерал-лейтенант Деникин, адмирал Колчак и их сподвижники воевали, по существу, в одном лагере с последними. Однако независимо от того, кто где и на чьей стороне сражался, — это наши соотечественники, которые выполняли свой воинский долг, как они его тогда понимали.

С научной точки зрения необходимо объективно, критически рассматривать и советский период, но неправомерно только чернить или вовсе перечеркивать его. Заместитель руководителя Администрации президента — помощник Президента РФ В.Ю. Сурков в своем программном выступлении перед активом партии «Единая Россия» говорил: «Ни в коей мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения: это все наши ближайшие родственники, это все фактически мы сами... Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало сделали сами».

Это часть нашей общей истории. При описании советского периода некоторые авторы забывают о том, что, несмотря на все имевшие место репрессии, притеснения и бедствия, народ не только продолжал жить, творить, но являлся и хранителем устоев духовной жизни, ее патриотических традиций.

Кстати, зарубежные ученые признают вклад советских историков в мировую историографию в том отношении, что они отошли от традиции, когда вся история сводилась к описанию деятельности царей, полководцев, вообщем верхушки общества, и впервые серьезно занялись изучением деятельности народных масс, революционного и народно-освободительного движения, что дало более полную и объективную картину исторического развития. Правда, кое-кто сегодня и от этого начинает отходить. В Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ выпущена книга «Стратегия духа», где, например, Е.И. Пугачев, как и во времена царского самодержавия, изображен бродягой и бандитом и ни слова не говорится о том, что же заставило руководимых им крестьян и казаков поднять восстание.

РОССИЙСКИЙ государственный гуманитарный университет не так давно издал курс отечественной истории, в котором она сведена, по существу, к показу в основном того, что происходило в верхах общества, к интригам и личностным отношениям политических и государственных деятелей. Из этой книги невозможно получить представление о глубинных процессах жизни российского общества и деятельности народных масс, что опять-таки обедняет историю. Выходит, что мы сами отказываемся от собственных приобретений в историографии.

Надо сказать, что выдающиеся, мыслящие люди России отрицательно относились к нигилистическому подходу к отечественной исто-

рии. В свое время Л.Н. Толстой критиковал односторонность исследований знаменитого русского историка С.М. Соловьева, принижение им роли народа, который не только управлялся сменявшимися друг друга государями, но и созидал, воевал, жил своей жизнью. Такой подход, по мнению великого писателя, не позволял ученому постичь главную суть и самую тайну истории. «Читаю историю Соловьева, — писал Лев Николаевич. — Все, по истории этой, было безобразно в допетровской России: жестокость, грабеж, грубость, глупость, неумение ничего сделать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство? Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли?»⁴.

Что касается советской историографии, то в ее адрес высказывается много нелепых наветов, необоснованных обвинений, но немало и справедливых нареканий. Случались и парадоксы. Иногда это были не просто какие-то ошибки или безосновательные суждения, а просто самый обычный произвол, когда история писалась или переписывалась в угоду тем или иным вышедшим наверх политикам и военачальникам. Отсюда, как всегда, меткая, остроумная реакция народа: «Воевал ли ты на Малой Земле или отсиживался в окопах Сталинграда?»; «Великая Отечественная война — это эпизод в битве за Малую Землю?» и т.д.

Достаточно напомнить, что в одном из многотомных изданий истории Великой Отечественной войны 12 раз упоминается начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер и ни разу — начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии Г.К. Жуков, как будто его совсем не было на этой войне. Или о хрущевских баснях, что И.В. Сталин по глобусу управлял военными операциями. И такие, а также подобные им глупости до сих пор продолжают тиражировать.

Порою изображают дело таким образом, что мы, ветераны войны или историки, стоящие на объективных позициях, возмущаемся по поводу всех этих фальсификаций только из-за того, что сами лакируем историю и не хотим видеть ее неприятные стороны и события, в том числе и в годы военного лихолетья. Но дело не в этом. Просто невозможно согласиться с заведомой ложью и фальсификацией истории, выхватыванием только отдельных, удобных кому-то фактов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ фонд «Демократия» издал сборник важнейших документов за 1941 год. В предисловии к первому его тому сказано, что никакой внезапности не было, И.В. Сталин имел точные данные о готовившемся нападении, но преступно ими пренебрег. Но для тех, кто все же хочет по-настоящему разобраться в прошлых событиях и докопаться до истины, такого объяснения недостаточно. Все равно остается вопрос: почему так поступил Сталин? Ведь, несмотря на все свои ошибки, он не был врагом своей страны, не хотел ее поражения, что подтверждается последующей его деятельностью в ходе войны.

Это говорится не для оправдания И.В. Сталина. Оправдать все произошедшее в начале войны невозможно. Просто обстановка накануне нацистской агрессии была значительно сложнее, чем это зачастую изображается. Шли разведданные и документы не только о возможном нападении, но и о том, что это провокационные слухи, дезинформационные сведения. Но о таких документах в упомянутом сборнике фонда «Демократия», как и в ряде других книг, не упоминается. Вроде бы они вовсе не существовали. Такой односторонний подбор лишь укладывающихся в концепцию составителей или авторов фактов искажает историю.

Посол СССР в Великобритании И.М. Майский буквально накануне войны сообщал в Москву подробные сведения о военных приготовлениях Германии и в конце донесения делал вывод, что она сможет напасть на СССР только после того, как покончит с Англией. Как уже неоднократно отмечалось в различных публикациях, начальник Главного разведывательного управления Ф.И. Голиков и нарком внутренних дел Л.П. Берия представляли И.В. Сталину доклады о развертывании германских вооруженных сил у границ Советского Союза и завершали их выводами о дезинформационном характере этих сведений. Назывались сроки гитлеровского нападения — 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня. Сроки проходили, а нападения все не было. Много поступало и другой противоречивой информации. Однако сегодня нередко судят об этих противоречивых сообщениях и складывавшейся обстановке слишком упрощенно и в отрыве от конкретной действительности.

Заведомой неправдой является то, что самый трудный для страны 1941 год изображается как сплошное паническое бегство Красной армии, когда будто бы ее войска целыми соединениями без сопротивления сдавались в плен. Были, конечно, и тяжелые поражения, и горестные отступления, и паника, и массовая сдача в плен, но многие части, соединения и объединения и в 1941, и в 1942 годах самоотверженно сражались, упорно отстаивали занимаемые рубежи, наносили контрудары, отчаянно дрались в окружении и выходили из него. Иначе невозможно было бы обескровить, остановить продвижение врага и перейти в контрнаступление на ленинградском направлении, под Москвой и Сталинградом.

Если же говорить о войне в целом, то не может быть так, чтобы гитлеровское командование и войска все делали правильно, отменно воевали и в итоге потерпели поражение. А советские полководцы и солдаты действовали бездарно и вдруг каким-то чудом одержали победу.

Ведь исторически — победой или поражением закончилась война — определяется прежде всего тем, какие цели преследовали воюющие стороны и были ли они достигнуты. Нацистская Германия стремилась поработить советский и другие народы, установить мировое господство. СССР имел целью отстоять свою свободу и независимость, освободить от немецких захватчиков другие страны, сокрушить фашизм в Европе. Как известно, планы Гитлера потерпели полный провал, а Советский Союз и его Вооруженные Силы выполнили свою историческую миссию. И не фашисты пришли в Ленинград, Москву или Лондон, а войска стран анти-

гитлеровской коалиции вошли в Рим, Берлин и Токио. И в этом состоит главный свершившийся исторический факт.

Разговоры насчет того, что Красная армия завалила противника трупами, тоже несостоятельны. Советские военные потери соотносятся с германскими как 1,3 : 1 и то в основном за счет истребления более 2 млн. военнопленных красноармейцев в фашистских лагерях. Несусветной глупостью являются и заявления о том, что народ победил в войне вопреки сталинскому руководству. Во-первых, не то что вопреки, а без ведома И.В. Сталина ни один мало-мальски важный вопрос не решался и не мог решиться. Во-вторых, почему этот же народ не только не одержал побед, но и потерпел поражение в Крымской, Русско-японской или Первой мировой войнах? Ни один, даже самый самоотверженный, народ без твердого руководства, без руля и ветрил не может не только одержать победу, но и действовать элементарно организовано.

ПЕРЕСМОТР итогов Второй мировой войны, попытки принизить всемирно-историческое значение разгрома фашизма, решающую роль Советского Союза в достижении Победы начали давать о себе знать сразу после ее окончания (тогда, как правило, за рубежом). Определенный и, надо признать, довольно значительный вклад в дело извращения истории Великой Отечественной войны внес и доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Однако в последующие годы ее объективная история была в основном восстановлена. В тот период на более или менее объективных позициях стояли все государственные средства массовой информации (СМИ), театры, кино, большинство историков, практически все общество, и только отдельные так называемые диссиденты выступали с противоположных позиций. Однако, начиная с времен перестройки и особенно в последние годы, все перевернулось вверх дном. Подавляющее число СМИ, историческая и публицистическая литература, авторы школьных и вузовских учебников, и прежде всего телевидение почти полностью переключились на искажение важнейших событий Второй мировой войны и пересмотр ее итогов в целом. В этих условиях отстаивать подлинную правду о войне становится все труднее. Какой-нибудь журналист, возомнивший и называющий себя историком, может изо дня в день вещать по государственному (!) каналу телевидения, рассказывая всякого рода небылицы и сплетни о войне. Профессиональные историки или ветераны войны практически лишены возможности выступить и сказать свое слово. Книги В. Суворова (В.Б. Резуна) и других псевдоисториков и фальсификаторов издаются миллионными тиражами, а различные западные и, к сожалению, российские спонсоры этому способствуют. Издание же, а тем более распространение честных книг о войне крайне затруднительно.

Очень часто (особенно в юбилейные дни) делаются правильные заявления об итогах войны. В то же время создается впечатление, что отдельные представители государственных органов сами не очень-то заинтересованы в создании правдивого фундамента истории войны. Или, что еще хуже, подвергаются нажиму со

стороны определенных сил как в собственной стране, так и из-за рубежа и не в состоянии занять до конца самостоятельную, принципиальную позицию по этим вопросам.

Отчего это происходит? В чем причина? Здесь, надо, видимо, рассматривать комплекс разных причин. Оглядываясь на прошлое, нетрудно заметить, что по различным как объективным, так и субъективным причинам после Отечественной войны 1812 года военная история России складывалась не лучшим образом. Достаточно вспомнить поражения в Крымской (Восточной), Русско-японской войнах, неудачи в Первой мировой войне. И вот впервые за сто с лишним лет одержана величайшая за всю отечественную историю победа над сильнейшим в военном отношении государством, без особых проблем покорившим до этого многие европейские страны, в том числе и Францию, и претендовавшим на завоевание в недалеком будущем мирового господства. При этом нельзя не учитывать, что антисоветская составляющая идеологии фашизма имела немало сторонников среди влиятельных политических, финансовых, промышленных и высших военных кругов ведущих западных держав, стремившихся с начала 1930-х годов «канализировать» агрессивные устремления А. Гитлера на восток и его руками расправиться с «общим врагом» — Советским Союзом. Однако история рассудила иначе, и этим державам, чтобы спасти себя, отстоять свою независимость, пришлось совместно с СССР противостоять гигантской военной машине агрессора, участвовать в ее разгроме, причем играя в этом процессе далеко не решающую роль. Именно эти обстоятельства до сих пор и выводят из себя всех тех, кто не хотел триумфа Союза ССР, его Вооруженных Сил, кто желал им поражения.

ИЗВЕСТНЫ высокие оценки усилий советского народа и его Вооруженных Сил во Второй мировой войне, высказанные Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем, Ш. де Голлем, другими видными политическими деятелями. В то же время существовали и существуют влиятельные круги и за рубежом, и в нашем Отечестве, которых такие оценки никак не устраивают. Генеральная Ассамблея ООН призвала все страны достойно отметить День Победы во Второй мировой войне как день примирения между народами. Однако около ста депутатов Европарламента подписали обращение к главам государств мира не праздновать его в Москве 9 мая. Ясно, что для зарубежных недоброжелателей нашей страны признание всемирно исторического значения Победы означает признание и решающей роли Союза ССР в ее достижении. А это в свою очередь предполагает незыблемость итогов Второй мировой войны и требует соответствующего места России как правопреемницы СССР в Европе и мире, что больше всего не устраивает тех, кто пытается сегодня определять судьбы человечества. Но все же когда-нибудь и на Западе люди должны сделать для себя вывод: хорошо это или плохо, что народы антигитлеровской коалиции при активном участии антинацистов Германии разгромили фашизм в 1945 году. И если будет решено, что одержанная Победа — благо, то тогда не останется и никаких сомнений, как к ней относиться, как оценивать те или иные события в минувшей войне.

Что же касается своих, доморощенных «новопрочтенцев» истории Великой Отечественной войны, коих в последние годы развелось изрядное количество (так конъюнктура политическая складывалась), то для многих из этих людей Победа — как кость в горле. Стремясь в своей ангажированности вообще перечеркнуть весь советский период отечественной истории, они считают, что память о Победе, преклонение перед ней — последний плацдарм, который еще удерживают «консерваторы», а отсюда и ставят перед собой задачу: ликвидировать его. Один из известных публичных политиков так и заявил: «Без развенчания этой Победы мы не сможем оправдать все, что произошло в 1991 году и в последующие годы». Вот почему в последнее время вновь развернута широкая кампания лжи и фальсификаций истории Великой Отечественной войны. Многие небылицы, сплетни, клеветнические наветы на полководцев, особенно в адрес Г.К. Жукова, разоблачены, на неопровержимых фактах показана их несостоятельность. И тем не менее изо дня в день их продолжают тиражировать. За последние 10—15 лет не показано ни одного нового фильма (кроме некоторых старых, как, например, «Горячий снег» или документальный фильм «Мифы и факты»), где бы правдиво и доброжелательно по отношению к участникам войны отображалась ее история. А такие «киноподелки», как «Штрафбат», «Последний миф», «Враг у ворот» и ряд других, ничего, кроме ненависти к прошлому страны, породить не могут.

Шестидесятилетие Курской битвы одна уважаемая газета озаглавила «сенсационным» сообщением: оказывается, немцы в знаменитом Прохоровском сражении потеряли 5 танков, а советские войска — 334⁵. Возникает резонный вопрос: почему же после этого гитлеровцы, вместо того чтобы наступать, вдруг начали отходить, а соединения и части Красной армии, преследуя их, вышли к Днепру и с ходу форсировали эту крупнейшую водную преграду?

Таскают, например, с экрана на экран байку о том, будто бы Г.К. Жуков сказал Д. Эйзенхауэру, что советское командование во время войны специально посылало пехоту на противотанковые поля противника, чтобы она своими телами проделала проходы для танков (пехотные мины для танков не помеха). Но хорошо известно, что для подрыва противотанковой мины нужно давление весом не менее 200—250 кг. Так что пехотинец, наступая на противотанковую мину, не мог ее подорвать.

Не менее десятка известных писателей и историков высказали мнение о том, что Ленинград не следовало оборонять, а надо было сдать его. Но ведь известен приказ А. Гитлера, требовавший сровнять Москву и Ленинград с землей, а их жителей полностью уничтожить. Защищая названные города, несмотря на связанные с этим огромные лишения, Ставка ВГК сумела сохранить не только войска, но и большую часть мирного населения, которая в случае их сдачи была обречена на гибель. Так что же лучше?

ГРУППА российских и немецких историков и литераторов выпустила в 2005 году сборник статей о Второй мировой войне под названием «Память о войне: 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа». С одной стороны, в

нем приводится высказывание германского федерального президента Рихарда фон Вайцеккера: «С каждым днем становилось все яснее то, что мы сегодня должны высказать все вместе: 8 мая было днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистического деспотизма». В других статьях сборника пишется об оккупации Красной армией Польши, Венгрии, стран Балтии. Почему же для одних ее приход — освобождение, а для других — оккупация, если во всех этих странах господствовал германский фашизм, и цель советских войск состояла в изгнании фашистских оккупантов с их территории?

Если бы прибалтийские страны в 1940 году не были в составе СССР, Гитлер заставил бы их воевать на стороне нацистской Германии, и они оказались бы в стане побежденных со всеми вытекающими отсюда последствиями. По крайней мере Литва сегодня не владела бы ни Вильнюсом, ни Клайпедой.

Гросс-адмирал Карл Дёниц в конце войны заявил, что германский вермахт сражался «героически», «с честью», «изо всех сил», принося большие жертвы, всегда оставаясь верным военной присяге, а «результаты его военных действий забываемы»⁶. К сожалению, в таком же духе пишут о вермахте и некоторые отечественные авторы. А про армию, которая сокрушила этот вермахт, говорят, что она воевала из рук вон плохо и чуть ли не проиграла войну. И вот уже один из авторов сборника, Вольфрам Ветте замечает: «Германский вермахт, конечно, проиграл Вторую мировую войну, зато добился победы после 1945 года, а именно в борьбе за представление о себе в глазах общественности — немецкой и международной»⁷.

Американцы после войны засадили гитлеровских генералов писать мемуары, обобщать опыт войны. Эта литература распространялась по всему миру, формировала соответствующее общественное мнение. И теперь американский историк Джозеф Най растолковывает нам, «неразумным россиянам», что «в информационный век побеждает тот, чья история убедительнее, чья история способна привлекать людей»⁸.

Убедительность нашей истории — в объективных свершившихся исторических фактах, но ее пытаются извратить и оплевать, сделать непривлекательной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Московский комсомолец. 2005. 22 июня.

² Цит. по: Профиль. 2005. 9 мая.

³ См.: Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 49, 50.

⁴ Цит. по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 48, 49. С. 124.

⁵ См.: Известия. 2003. 12 июня.

⁶ Память о войне: 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 541.

⁷ Там же.

⁸ См.: Коммерсантъ. 2006. 6 марта.

Генерал армии М.А. ГАРЕЕВ

(Окончание следует)

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

«КАК ЖЕ МОЖНО ОСУЖДАТЬ БЛАГОРОДНЫЕ ПОСТУПКИ?»

Когда статья генерала армии М.А. Гареева готовилась к публикации, в редакцию журнала пришло письмо от нашего читателя из Москвы, подтверждающее злободневность избранной автором статьи темы.

В первой половине текущего года по Центральному телевидению (3 канал ТВЦ) был показан многосерийный документальный фильм «Вторая мировая. Русская версия». Смотрелся он с интересом, однако вызвал много вопросов и сомнений. Так, в нем говорится, что Сталин зря начал войну с Японией, поскольку ее главным результатом явилось возвращение СССР Южного Сахалина и Курильских островов, в то время как Япония якобы предлагала нашей стране в 1945 году отдать те же территории за обязательство не начинать против нее военных действий. Нигде и никогда ранее ничего подобного не публиковалось, поэтому очень уж смущает на подлго.

Дана в фильме и негативная оценка деятельности во время Великой Отечественной войны маршала Жукова и адмирала Трибуца: Жуков, дескать, обвешал себя наградами, а Трибуц бездарно командовал Балтийским флотом. Но ведь Жуков сам себя не награждал, а Трибуц за войну получил высшие военно-морские награды: два ордена Ушакова 1-й степени (один из них, кстати, № 1) и орден Нахимова 1-й степени. Мемуары Жукова «Воспоминания и размышления» создателями фильма названы самой фальсифицированной книгой о войне. Разве это не наговор? Разве это не самая настоящая фальсификация?

Говоря об итогах Битвы под Москвой, на экране показываются только четыре фотографии командармов (их-то было значительно больше!), в том числе и портрет бывшего советского генерала А.А. Власова, изменившего воинскому долгу и Родине. Да и по сравнению с другими командармами, добывавшими победу под Москвой, мягко говоря, очень уж скромными силами руководил он короткое время в ходе Битвы под Москвой. Скорее всего эти силы можно назвать стрелковым корпусом неполного состава, чем армией. К тому же Власов вступил в командование 20 А после того как наши войска, освободив Красную Поляну и Солнечногорск, вели бои за г. Волоколамск. Надо иметь в виду и моральный облик этого человека, предававшего до перехода к врагу свои с мы, а в плену женившегося на вдове видного эсэсовского бонзы, чтобы втереться в доверие к Гиммлеру и подороже продать запятанное звание советского генерала. Разве не умаляется вот такой экранной подменой истинных победителей на лжегероя великий подвиг защитников Отечества?

Очень негативно и резко оценивается в фильме советское руководство, которое, по надуманному утверждению постановщиков, заставляло женщин участвовать в сражениях на переднем крае. И ничего не говорится о самоотверженном порыве патриоток защищать Родину. А ведь сколько было добровольцев среди девушек и женщин! Вспомним хотя бы, что М.М. Раскова сформировала три женских авиационных полка из их числа. Есть немало и других примеров. Как же можно осуждать благородные поступки?

Работа женщин в тылу, их героический труд показаны, по сути дела, каторжными. Да, он был тяжелым, порой невероятно тяжелым, но как мы могли добиться превосходства в боевой технике над врагом, если бы не самоотверженный труд женщин в тылу? Тыл ковал победу, и вся страна напрягала силы. Как же не восхищаться этим подвигом народа?

В заключение хочу сказать, что я не историк, а военный инженер (кандидат технических наук, старший научный сотрудник), который просто интересуется военной историей России и всякие публикации на эти темы лишь внимательно изучает. Словом, любитель истории. Но все же отличать подделку от настоящих исследований научился. Этому, спасибо редакции, помогает и «Военно-исторический журнал», который я читаю с 1959 года, а выписываю с 1962-го и до сего времени. Мне он нравится, и я ему доверяю. На его страницах вижу, как правило, объективность и уважение к отечественной военной истории.

Полковник в отставке В.И. МИХАЙЛОВ
(Москва)

ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ИЮЛЬ — АВГУСТ 1992 ГОДА

ЖУРБЕНКО Владимир Михайлович, генерал-полковник в отставке. В 1992 году — генерал-лейтенант, заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, руководитель миротворческой операции в Приднестровском регионе Молдовы. С 1993 по 1996 год — первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ.

Из воспоминаний руководителя МИРОТВОРЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

ЛЮБАЯ война, будь она даже по прежней марксистской терминологии справедливой, является для народа величайшим испытанием, ибо несет с собой смерть и разруху. В этом отношении так называемые локальные войны и вооруженные конфликты мало чем отличаются от «большой» войны, а если и отличаются, то даже в худшую сторону: столько в них ожесточения и порой беспричинной взаимной ненависти.

Говорю это с полным основанием, так как летом 1992 года самому довелось гасить подобный конфликт в Приднестровье: на меня, как на заместителя начальника Генерального штаба ВС Российской Федерации, было возложено общее руководство операцией Миротворческих сил по урегулированию военного конфликта между Кишиневом и Тирасполем. Чтобы читатель лучше понял логику развития событий, расскажу о предыстории конфликта, опираясь на поступавшую тогда в Генштаб информацию.

В июне 1990 года Молдавская ССР провозгласила себя суверенным государством, а в августе 1991-го — независимой Республикой Молдова (РМ). Молдавский язык был объявлен единственным государственным, поползли разговоры о возможном объединении с Румынией. Однако жители русскоязычного

Приднестровского региона и Гагаузии с этим не согласились. Начались акции протеста с требованием отделения от Молдовы. Сначала была провозглашена Гагаузская Республика, затем — Приднестровская Молдавская Республика (ПМР).

Конфликт расширился, противостояние нарастало, а в декабре 1991 года в Приднестровском регионе начались боевые действия. В марте на территории РМ было введено чрезвычайное положение, в ответ Приднестровье также объявило о проведении чрезвычайных мер. Конфликт разрастался. Командующий 14-й российской армией генерал-майор А.И. Лебедь в этих условиях был вынужден ввести в район боевых действий без разрешения Министерства обороны РФ подразделения своих войск, передав при этом часть вооружения, боеприпасов и боевой техники армии Приднестровья.

В последующем боевые действия приняли позиционный характер. Обе стороны несли потери в людях, вооружении и технике. Появились пленные, заложники, беженцы.

Учитывая сложность момента, президент РМ М. Снегур 3 июля 1992 года обратился к Президенту РФ Б.Н. Ельцину с просьбой оказать содействие в урегулировании приднестровского воору-

женного конфликта. Просьба обсуждалась сначала на заседании Совета безопасности РФ, затем на совещании глав стран СНГ в Москве. Было решено просьбу удовлетворить. Был подготовлен проект межгосударственного соглашения «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова», которое 21 июля 1992 года было подписано Б.Н. Ельциным и М. Снегуром. Генеральный штаб ВС РФ получил задание разработать план проведения в Молдове миротворческой операции с привлечением к урегулированию вооруженного конфликта российских миротворцев. Мы в Генеральном штабе согласовали план миротворческой операции с представителями министерства обороны РМ и военного руководства ПМР. Договорились о квотах выделения сторонами воинских контингентов в состав Совместных миротворческих сил (от РФ — шесть отдельных батальонов, от Молдовы и Приднестровья — по три батальона, все без тяжелого вооружения численностью по 400 человек), а также о необходимости прекращения огня в течение 7 суток с момента подписания соглашения, отводе воинских формирований и создании зоны безопасности. Договорились также о формировании военно-политического органа по руководству миротворческой операцией — Объединенной контрольной комиссии (ОКК), подчинив ей трехсторонние Совместные миротворческие силы. Местом работы ОКК был определен г. Бендеры.

От Российской Федерации в состав СМС общей численностью 3100 человек были включены два отдельных батальона 433 мсп 27 гв мсд (ПриВО), один батальон от 129 мсп 45 гв мсд (ЛенВО), три батальона 137 пдп 106 гв влд (ВДВ), вертолетная эскадрилья (МИ-8 — 6 ед., МИ-24 — 4 ед.), мобильная группа 138 опс ВГК. Их пере-

группировку в район конфликта намечалось осуществить комбинированным способом: по воздуху и железнодорожным транспортом. Командующим Миротворческими силами РФ был назначен заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками по боевой подготовке генерал-полковник Э.А. Воробьев, руководящий подразделениями ВДВ возглагалось на заместителя командующего ВДВ генерал-майора В.И. Сорокина. Общее руководство проведением операции было возложено на меня. Дальнейшие события, в основных своих чертах, развивались в такой последовательности.

27 июля 1992 года вылетели в Молдову. В Кишиневе и Тирасполе состоялась встреча с министром обороны РМ генерал-майором П.С. Крянгэ, командующим 14 А генерал-майором А.И. Лебедем, начальником штаба армии генерал-майором В.В. Тихомировым, представителем военного командования ПМР генерал-майором С.Ф. Кицаком. К вечеру прибыли в г. Бендеры, где к исходу дня началось первое заседание ОКК с участием представителей всех трех сторон. На нем были назначены сопредседатели: от РФ — автор этих строк, от РМ — представитель президента полковник Н.С. Киртоакэ, от ПМР — представитель президента В.М. Рыляков. Установили регламент работы ОКК, утвердили границы зоны безопасности в районе конфликта общей протяженностью 225 км и шириной от 4 до 15 км. Для этого были определены три участка: Северный (Рыбницкий) протяженностью 80, шириной от 4 до 12 км; Центральный (Дубоссарский) протяженностью 60, шириной от 12 до 15 км, и Южный (Бендерский) протяженностью 80, шириной от 9 до 14 км. Определили также состав СМС: от РФ — 6 батальонов; от РМ и ПМР — по три численностью 1200 человек. В общей сложности СМС насчитывали 5500 человек. На этом, как помнится, согласованность в работе ОКК застопорилась. Представители РМ предлагали разместить свои батальоны на захваченной ими территории — в Варнице, Кошнице и Кочиерах, представители ПМР против такой дислокации возражали.

Во второй половине дня 28 июля ОКК продолжила работу по согласованию дислокации МС. С боль-

шим трудом удалось договориться о районе размещения Миротворческих сил РФ, но дальше дело снова не пошло. И тогда я решил изменить тактику переговорного процесса: попробовал припугнуть стороны, заявив, что мы вынуждены покинуть заседание. Как я и рассчитывал, это возымело действие. В течение 10 минут был достигнут консенсус по всем вопросам, и к 21.00 протокол о дислокации СМС в зоне безопасности был подписан. Однако разрешения на пролет российской военно-транспортной авиации (ВТА) над территорией Молдовы тогда получить не удалось. Министр обороны РМ генерал-майор П.С. Крянгэ сообщил, что правом такого разрешения пользуется только президент РМ, а его на рабочем месте уже нет. Таким образом, «добро» на перелет было получено только в 10.30 29 июля, о чем сразу же было доложено в Генеральный штаб ВС РФ. В 16.30 транспортные самолеты ВВС РФ начали садиться на аэродром в Тирасполе. Руководил перелетами, посадкой и разгрузкой самолетов первый заместитель главнокомандующего ВВС РФ генерал-лейтенант В.С. Кот. С этими транспортниками прибыли один парашютно-десантный батальон (пдбн), подразделения связи и разведки. Члены ОКК за их прибытием в Бендеры наблюдали, находясь у моста через Днестр. Весь берег был заполнен местным населением. Женщины забрасывали наших солдат цветами, плакали от радости и целовали борта БМД. Как говорится в таких случаях, комментарии излишни.

30 июля завершилось прибытие всего воинского контингента МС РФ в район конфликта, и войска заняли назначенные им пункты дислокации. Личному составу выдали памятки, в которых объяснялся порядок действий в миротворческой операции.

31 июля 1992 года работа ОКК началась в 11.00. Был создан объединенный штаб СМС во главе с генерал-майором ВС РФ Н.Н. Лосевым, его заместителями назначены представители от РМ и ПМР, выделены силы оперативного реагирования, определены задачи военным наблюдателям, принято решение о привлечении к ведению расследований и следствия по уголовным делам сил правоохранительных органов конфликтующих сторон. Особое внимание уделялось механизму отвода воинских формирований сторон из зоны безопасности и стаби-

лизации обстановки. Представители РМ и ПМР предлагали осуществить отвод одновременно во всей зоне безопасности под руководством военного командования в течение двух суток. Нам пришлось отклонить это предложение и внести свое: управление отводом воинских формирований конфликтующих сторон и вводом в зону безопасности СМС возложить на членов ОКК, для чего активную фазу операции провести сначала в Бендерах, затем на дубоссарском участке и завершить на южном участке зоны безопасности, а до начала операции провести встречу с командованием противоборствующих сторон с целью согласования порядка отвода их воинских формирований из зон безопасности, определения районов их разоружения и времени ввода в зоны безопасности Совместных миротворческих сил. Наше предложение было принято. Миротворческую операцию было решено начать 1 августа 1992 года. Казалось бы, надо радоваться, но у меня на сердце все же было не спокойно. Серьезное опасение вызывала возможность неподчинения отдельных командиров решению ОКК. Мы предложили ввести на линию соприкосновения сторон свой парашютно-десантный полк, принудив тем самым всех к отводу своих войск из зоны безопасности, но молдавская сторона тогда нас не поддержала. Однако вскоре выяснилось, что мои опасения были не напрасны: представители Приднестровья вдруг заявили, что если они отведут свои силы из зоны безопасности, то молдавская полиция не уйдет из Варницы. Тогда ОКК приняла специальное решение о выводе молдавской полиции из Варницы и установлении в ней комендантской службы силами 137 пдп РФ. Для осуществления же правоохранительной деятельности оставили в Бендерах по 50 полицейских от Молдовы и ПМР.

К 15.00 137-й парашютно-десантный полк занял центральную улицу Бендер. Дистанция между БМД в колонне 40 м, нечетные номера машин развертывают башни в одну сторону, четные — в противоположную. Все это наглядно показывало: полк находится в готовности, так сказать, к принудительному отводу враждующих войск. И все же их командование продол-

жало сомневаться, решатся ли десантники применить силу. Пришлось членам ОКК от РМ и ПМР основательно поработать со своими сомневающимися, разъяснить им, что в случае неподчинения ОКК десантники выполнят поставленную задачу по принудительному отводу враждующих формирований. Иными словами, могут открыть огонь. К счастью, до этого не дошло. К исходу дня, хотя и с большим трудом, все же удалось развести противостоящие силы и обрывать в Бендерском районе зону безопасности. Комендантская служба и совместные миротворческие посты приступили к выполнению своих задач.

2 августа на заседании ОКК был разработан и утвержден план действий по отводу противоборствующих сил на дубоссарском направлении. Решено 3 августа с 7.00 до 10.00 выставить совместные посты в нейтральной полосе, с 11.00 начать и к 19.00 завершить под контролем военных наблюдателей отвод воинских формирований сторон из зоны безопасности с кочирского и кошницкого плацдармов. Помнится, все опасались террористических актов в Дубоссарах, которые якобы могли организовать некоторые жители деревни Коржово. Тогда было решено выставить у Дубоссар дополнительные посты СМС. Но власти Приднестровья, не надеясь особо на эти посты, все же настояли на том, чтобы их воинские формирования в Дубоссарах продолжали оставаться на занимаемых позициях.

Что касается северного участка зоны безопасности в районе Рыбница — Каменка и южного в районе Кицканы, то сюда для изучения обстановки были направлены члены ОКК в сопровождении военных наблюдателей и военных разведчиков. Инженерные подразделения проводили здесь разведку минных полей.

К исходу дня 4 августа основные силы молдавской бригады с кочирского плацдарма переправились на правобережье Днестра. На левом берегу оставались часть техники и имущество ряда складов с их охраной. Однако на юге боевые действия продолжались, поэтому 6 августа на заседании ОКК было принято решение о проведении заключительного этапа операции по прекращению военных действий на южном участке зоны безопасности. Большим вопро-

сом оставалось разминирование. Расчеты показывали, что если вести его силами миротворцев, то на это потребуется до трех месяцев, что, естественно, никого не могло устроить. Выход один: обратиться за помощью к командованию 14 армии, что и было сделано.

В населенных пунктах Кицканы и Копанка командование противостоящих сторон и руководство местных органов власти с удовлетворением восприняли решение ОКК о прекращении военных действий. Отвод войск намечалось начать с 7 августа, после ввода в нейтральную полосу российских миротворческих сил. Они были введены к исходу дня 6 августа в нейтральную полосу и сразу же выставили свои посты.

7 августа на заседании ОКК официально было объявлено об урегулировании военного конфликта в Приднестровском регионе. И все же, несмотря на то, что очаг войны удалось загасить, обстановка в зоне безопасности оставалась непростой. Во многих населенных пунктах по ночам еще гремели выстрелы. Особенно беспокойно было в населенных пунктах Хаджимус, Гыска и Фырладяны. Дестабилизации обстановки способствовала и агитационная деятельность молдавской оппозиции.

Работа ОКК в этот период носила напряженный характер. Ее заседания проводились теперь не только в Бендерах, но и непосредственно в беспокойных районах (13 августа — в Криулянах, 18 августа — в Дубоссарах). Выработывались и принимались меры по стабилизации положения в зоне безопасности и срыву намечавшихся оппозицией провокаций, по совершенствованию деятельности наблюдателей и совместных миротворческих сил, а также правоохранительных органов. ОКК руководила операцией по изъятию оружия у населения в зоне безопасности, в том числе в деревне Коржово, занималась поиском без вести пропавших и возвращением беженцев, восстановлением железнодорожного сообщения через Бендеры, руководила действиями Миротворческих сил и правоохранительных органов.

Сопредседатели ОКК часто проводили встречи с жителями и руководителями местных органов власти. 15 августа члены ОКК и военного командования СМС приняли участие в пресс-

конференции в кишиневском Доме правительства РМ, на которой обратились к властям с призывом об отмене чрезвычайного положения, ибо оно весьма затрудняло работу СМС. В эти трудные дни Совместные миротворческие силы обеспечивали поддержание мира в зоне безопасности, несли боевую службу на односторонних, двусторонних и трехсторонних постах, патрулировали территорию на боевых машинах и автомобилях, осуществляли пропускной режим населения и транспорта через зону безопасности трехсторонними КПП на мостах и переправах через Днестр. Российские подразделения несли комендантскую службу в Бендерах и Дубоссарах, охрану и оборону наиболее важных объектов. Совместные группы оперативного реагирования (до взвода) принимали участие в стабилизации обстановки в населенных пунктах, вели разведку и разминирование, обеспечивали устойчивое управление силами и средствами.

Военные наблюдатели осуществляли контроль за соблюдением сторонами обязательств по размещению воинских формирований и боевой техники на установленных расстояниях от зоны безопасности и их деятельностью, вели наблюдение с вертолетов за обстановкой на Рыбницком участке зоны безопасности, выявляли места оставшихся складов с оружием и боеприпасами, другим военным имуществом, помогали правоохранительным органам в разоружении населения.

Благодаря этим мерам к 19 августа удалось в основном стабилизировать обстановку во всей зоне безопасности и предотвратить ряд провокаций. В этот день президенты РМ и ПМР отменили введенное ими ранее чрезвычайное положение, хотя остались очаги напряженности в населенных пунктах Кицканы, Копанка, Леонтьево, Кременчуг, Хаджимус и Фырладяны. Все же главное — прекратить боевые действия и гибель мирного населения — сделать удалось, и в Москву я возвращался с чувством выполненного долга. И хотя точка в приднестровских событиях еще не поставлена, 14 прошедших мирных лет говорят о том, что наша работа там летом 1992 года оказалась не напрасной.

Генерал-полковник в отставке

В. М. ЖУРБЕНКО

ВОЕННЫЕ ТЕОРЕТИКИ — ИЗВЕСТНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ

из истории становления теории военной стратегии

В 1846—1847 гг. капитан Н.Д. Неелов опубликовал серию статей, посвященных различным вопросам стратегии, а в 1849 году выпустил их отдельной книгой¹. Проанализировав предшествовавшее развитие «стратегической» литературы с точки зрения требований современной практики, молодой способный исследователь сумел достаточно четко отделить устаревшие и изжившие себя правила «больших военных действий» от важнейших принципов стратегии. Цель его книги — на базе опыта современных войн «сколько возможно, пополнить самую науку и придать ей истинное ее значение, которое она должна иметь в ряду других наук политических и военных»².

В исследованиях Неелова ставились и решались такие актуальные для 40-х годов XIX столетия проблемы военной стратегии, как выбор объекта и способа действий на театре войны, соотношение сражения (боя) и маневра на войне, составление плана войны и др. Он подверг острой и убедительной критике получившие широкое распространение как за рубежом, так и в России взгляды прусского военного теоретика, профессора Берлинской военной школы (академии) генерала В. фон Виллизена³, который считал главными объектами стратегических действий крупные административные центры, порты, богатые провинции и т.д. По мнению Неелова (здесь он, как представляется, впадает в другую крайность), не только в наступлении, но и в обороне предметом действия может быть «одна только неприятельская армия, а отнюдь не какой-либо пункт, который она прикрывает от нападения наступающего»⁴.

Рассуждая о соотношении маневра и сражения (боя), Н.Д. Неелов вплотную подошел к установлению внутренних, органических связей между многочисленными подготовительными событиями, предшествующими сражению, и самим сражением, их завершающим⁵. Что касается плана войны, вопрос о необходимости составления которого был поднят еще в начале века, то, по мнению Неелова, он должен был включать мероприятия по подготовке войны и ее ведению, хотя бы на начальном этапе. Исходными данными для научной разработки такого плана, как считал теоретик, должны были служить поставленная правительством цель и выделенные для ее достижения силы и средства; вероятное сопротивление, которое будет оказывать противник на различных направлениях военных действий и этапах войны⁶.

торы)⁸, уточнения ряда других существовавших стратегических понятий (база действующей армии, или операционная база, операционная линия, операционное направление* и т.д.). На некоторые из этих вопросов и попытался дать ответы в своем труде капитан Н.Д. Неелов. Им, в частности, было положено начало теоретической разработке таких больших и важных проблем, как определение пространственных и временных рамок планируемых военных действий (при составлении плана войны), емкости театра войны (ТВД) или отдельных его направлений, стратегического значения железных дорог и возможного их влияния на характер и способы ведения войн в будущем.

В 1849 году свое видение задач стратегии, соотношения ее и тактики выразил полковник Ф.И. Горемыкин. В труде «Руководство к изучению тактики» он писал, что «стратегия дает войскам общее направление, соответственно с принятым планом вой-

РАССУЖДАЯ о соотношении маневра и сражения (боя), Н.Д. Неелов вплотную подошел к установлению внутренних, органических связей между многочисленными подготовительными событиями, предшествующими сражению, и самим сражением, их завершающим

В связи с этим возникли проблемы выделения возможных этапов войны, установления их внутренней связи, а также необходимость более четкого разграничения содержания введенных в научный оборот еще А. Жомини понятий «театр войны» и «театр военных действий»⁷, выявления различных факторов, определяющих их стратегическое значение (по Неелову, — это политический, географический и экономический фак-

ны, решает, где и с какой целью они должны вступить в непосредственное столкновение с неприятелем..., тактика же составляет в общей науке войны часть, которая имеет в виду исследования лучшего состава войск, их устройства, вооружения, строя, движения и действий в бою, как в частях, так и в совокупности»⁹.

* Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 10.

* Новое по тому времени понятие — «операционное направление» было введено в научный оборот П.А. Языковым.

Ф.И. Горемыкин решительно выступал против шаблона и догматизма в военном деле. Говоря, правда, о тактике, он подчеркивал, что на ее правила «надобно смотреть не как на законы, всюду и неизменно исполняемые, а только как на общие мысли, как на указания, в духе которых должны быть на самой практике делаемы соображения: исполнение же этих соображений, смотря по различию случаев, может и должно изменяться до бесконечности»¹⁰. Это высказывание Горемыкина в полной ме-

личных случаях на военные действия¹³. Автор статьи, посвященной в данном издании стратегии, М.И. Богданович утверждал, что «теория стратегии не в состоянии научить, каким образом должно действовать в различных случаях, на войне встречающихся», поскольку «искусство стратегии дается в удел немногим избранным»¹⁴.

В целом же, надо сказать, что передовые русские теоретики смотрели на военное дело, в том числе и на его тео-

чения за границу направлялись десятки русских генералов и офицеров. Так, «с 1828 по 1838 год, — указывалось в отчете по этим командировкам, — сообщено Генеральному штабу около 100 более или менее занимательных и полезных открытий по разным отраслям военной науки»¹⁶. Вместе с тем, основной вклад в становление и развитие военно-теоретической мысли в России вносили все же отечественные ученые, опиравшиеся в первую очередь на национальный военный опыт.

В эволюцию теории военной стратегии во второй половине XIX века заметный вклад внесли А.И. Астафьев, Д.А. Милютин, А.Н. Петров и другие¹⁷. Они смело отбрасывали отжившие теоретические концепции и выдвигали новые, настойчиво преодолевали косность и рутину, царившие в официальных военных кругах, отстаивали решительные способы ведения войны (сражения, боя), пропагандировали стратегическое искусство выдающихся русских полководцев, ставили вопрос, в частности А.И. Астафьев, Д.А. Милютин, о необходимости радикальной перестройки всей существовавшей в России военной системы.

НАИБОЛЕЕ значительное влияние на процесс развития военной теории, хотя и далеко не во всем однозначно прогрессивное, оказал в рассматриваемый период генерал от инфантерии (1896) Г.А. Леер, идеи которого, под-

В 1849 ГОДУ свое видение задач стратегии, соотношения ее и тактики выразил полковник Ф.И. Горемыкин

ре можно отнести и к «соображениям стратегическим».

Работой, как бы завершающей усилия отечественных военных теоретиков первой половины XIX века и подытоживающей развитие теории и практики военного дела в этот период, явился многотомный «Военный энциклопедический лексикон...», обязанный своим появлением исключительно энергии и настойчивости барона Л.И. Зедделера¹¹. Издание носило характер справочника, но в его статьях, особенно крупных, излагались взгляды, отражавшие уровень военной теории того времени. Что касается стратегии, то она авторами «Лексикона...» рассматривалась не только как особая самостоятельная наука, но, более того, как высшая военная наука, наука ведения войны, разделяющаяся на большое количество частей (наук), — военную географию, военную статистику, военную администрацию, инженерное искусство, военную политику и др. Предметом ее как науки, говорилось в «Лексиконе...», являются «все главные соображения военных действий, имеющие на них влияние»¹². Для удобства применения к практике (а в применении к практике стратегия — искусство) она должна «ограничиваться исследованием начал (элементов), входящих в соображения полководца, и определением как взаимного их отношения, так и совокупного влияния в раз-

рию, гораздо шире и глубже, чем многие их коллеги на Западе, стремившиеся объяснить успехи различных полководцев, и прежде всего Наполеона Бонапарта, перед гением которого они преклонялись, только их личными качествами. Против такого одностороннего подхода к объяснению явлений вооруженной борьбы выступали практически все более или менее известные отечественные теоретики. «Я не видел причины, — писал, например, П.А. Языков, — почему мы, русские, должны повторять только то, что сказано писателями иностранцами. Не положено в законах природы, чтобы идеи новые и открытия в науках должны непременно следовать от Запада к Восто-

В СВОИХ статьях и учебнике по стратегии Леер стремился критически обобщить опыт войн XIX столетия, исследовать современную ему боевую практику

ку. Они могут принять и обратный путь»¹⁵.

Сказанное отнюдь не означает, что военные мыслители России игнорировали достижения ученых других стран. Напротив, конец 20-х и 30-е годы XIX столетия характеризовались повышенным интересом руководства российского военного ведомства к состоянию и основным направлениям развития военной науки за рубежом. Для их изу-

держиваемые правительственными и военными верхами, господствовали в стратегической науке до начала XX века. Почти столетия он являлся властителем дум в этой области, по сути дела, монополизировав и теоретическую разработку стратегии, и ее преподавание. Начав свою военно-литературную деятельность с отрицания необходимости привлечения военной науки к решению практиче-

ских задач (он предложил даже изъять из употребления понятие «военная наука» и заменить его понятием «теория военного искусства»¹⁸), Г.А. Леер пришел в конечном итоге не только к признанию наличия самостоятельной военной науки, ее потенциальных возможностей, но и стал придавать науке большое значение в практической военной деятельности, в том числе и в военном искусстве. В своих статьях и учебнике по стратегии¹⁹ Леер стремился критически обобщить опыт войн XIX столетия, исследовать современную ему боевую практику, пытался выявить влияние технического прогресса — развития промышленности, транспорта, средств связи, вооружения и военной техники на способы подготовки и ведения будущей войны, на решение конкретных стратегических задач.

Предметом стратегии как науки, считал Леер, является исследование «свойств стратегических элементов, влияния, обнаруживаемого ими друг на друга, и комбинации их в зависимости от условий, времени и пространства для успешного достижения цели войны»²⁰. Он рассматривал стратегию с двух точек зрения. В широком смысле она понималась Леером как всеобъемлющая военная наука, как «синтез, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия»²¹. В более узком, или, как тогда говорили, тесном, прикладном значении — это «учение об операциях на ТВД». В другом месте, в частности в Энциклопедии военных и морских наук²², Леер именовал это «учение» уже по-другому — высшей тактикой, тактикой ТВД²³. Основное внимание он уделил исследованию стратегии во втором значении. Г.А. Леер, проанализировав накопившийся к концу 1860-х годов опыт ведения военных действий крупными войсковыми массами, обосновал возникновение в военном искусстве качественно нового явления — стратегической операции и положил начало разработке ее теории. Ученый писал, что такая операция представляется ему в виде весьма слож-

ного явления, слагающегося из отдельных маневров и частных действий достаточно больших сил, которые объединены общим замыслом и единой целью²⁴. Он полагал, что в одно и то же время на ТВД могла проводиться, как правило, одна стратегическая операция, которая отождествлялась им со стратегическим наступлением²⁵.

В 1891 году в Энциклопедии военных и морских наук было дано определение операции. «Каждая война, — говорилось там, — состоит из одной или нескольких кампаний, каждая кампания — из одной или нескольких операций, представ-

«К вопросам стратегии (критический очерк)» ее автор, известный военный историк генерал-лейтенант А.Н. Петров изложил свои, отличные от лееровских, взгляды на предмет и содержание стратегии. Прежде всего он отметил, что этот вопрос не получил еще надлежащего выяснения в смысле теоретического определения. «Одни говорят, — пишет Петров, — что стратегия есть искусство, другие — что наука, третьи — не искусство и не наука, четвертые — искусство и наука...»²⁶. Сам автор считал стратегию наукой (теоретическая стратегия) и искусством (творчество ведения войны,

ВСЯ ПУТАНИЦА, существующая в теоретической стратегии, происходит, на взгляд А.Н. Петрова, от смешения понятий закона и принципа

ляющих собою известный, законченный период, от стратегического развертывания армии на исходной линии до окончательного решения последней путем победоносного боя на поле сражения, если бою предпослано было окружение разбитой армии, а в противном случае — путем энергичной эксплуатации одержанной победы преследованием на поле сражения и на театре военных действий»²⁶. По мнению Г.А. Леера, подготовка и ведение операций — прерогатива стратегии. Он полагал, что каждая операция, понимаемая в таком виде, «обнимает собой всю стратегию»²⁷. Леер утверждал, что в основе теории стратегии лежат вечные и неизменные законы, некие руководящие начала (принципы) военного искусства, на которые не влияют изменения ни средств вооруженной борьбы, ни общественных отношений. Их происхождение, сущность, свойства и пытался выявить этот теоретик.

Необходимо отметить, что многие стратегические положения Г.А. Леера неоднократно, особенно в 1890-е годы, подвергались сомнению и серьезной критике, прежде всего представителями «русской военной школы». Так, в вышедшей в 1898 году книге

маневрирования и пр.). По его мнению, «искусство и наука тесно связаны... Искусство не может существовать без науки»²⁹. Науку составляют «добытые путем открытий законы, известным образом систематизированные, цель же искусства (творчество) состоит уже в том, чтобы посмотреть на самые эти законы лишь как на материал и создать нечто новое, чего эти законы в конкретном случае никогда не представляют в том именно виде, в каком создаются творчеством отдельного лица»³⁰. «Следовательно, — делает вывод А.Н. Петров, — наука открывает и определяет законы, теория исследует их свойства, а искусство их видоизменяет, комбинирует и прилагает к делу при каждом частном случае»³¹.

Вся путаница, существующая в теоретической стратегии, происходит, на взгляд А.Н. Петрова, от смешения понятий закона и принципа. То, что великие полководцы называли принципом (правилом), возведено в теории стратегии в закон, который всегда должен оставаться неизменным, тогда как на самом деле эти принципы неизбежно меняются, они справедливы лишь при известных условиях, при определенно сложившейся обстановке на войне. Иначе говоря, принци-

пы (правила) условны. «Если меняется применение принципов, то, значит, — писал А.Н. Петров, — изменяется и самый принцип, а иногда он и вовсе отменяется или применяется даже в обратном смысле»³². Таким образом, автор труда убедительно развенчивал господствовавшие официальные взгляды о вечности и неизменности принципов военного искусства, в том числе и в стратегии.

В целом можно констатировать, как это делается на страницах Энциклопедии военных и морских наук, что во второй половине XIX века российская военная мысль, или, как там было сказано, «русская военная школа», «упорядочившая наследие, перешедшее к ней и ее современникам от всех писателей, начиная с древних веков... выяснила значение принципов, правил и норм... определила отношение между теорией и практикой, значение опыта и задачи... стратегии; довела выяснение отношения политики к стратегии до возможной (в зависимости от обстановки) степени развития и подготовила успех дальнейшей разработке этого вопроса... наметила идеал в ведении стратегической операции, почерпнутый из природы войны и природы человека, как главного орудия войны... В общем... школа, разделив окончательно стратегию в широком и тесном смысле, поставила ее, как науку, на вполне прочное основание»³³.

КОНЕЦ XIX — начало XX века характеризуется оживлением отечественной военно-теоретической мысли, особенно после поражения России в Русско-японской войне (1904—1905), показавшее, насколько опасно игнорирование достижений военной науки, оставание в ее развитии и прежде всего в развитии теории стратегии. Разработка вопросов военной стратегии в этот период сосредоточивалась в Генеральном и Главном штабах, в специальных комитетах по устройству и образованию войск. Ведущим же военно-научным центром, исследовавшим вопросы ведения войны, военных

действий, являлась Николаевская академия Генерального штаба (с 1909 г. Императорская Николаевская военная академия). Большое значение в деле развития военной теории имели также военно-научные общества, прежде всего «Общество военных людей», «Общество ревнителей военных знаний» и «Императорское Русское военно-историческое общество». Широко обсуждались в тот период коренные проблемы военного дела, такие, как происхождение и сущность войн, их роль в развитии об-

щественности принципов военного искусства, выдвинул тезис об эволюции военного дела, в том числе и способов ведения войны, подверг пересмотру многие давно сложившиеся в военно-стратегической теории взгляды с учетом новых явлений, характерных для эпохи империализма. Им впервые была высказана идея о зависимости войны, способов ее ведения не только от внешней, но и от внутренней политики, а также от политического строя государства и его экономики, от экономической подготовки к войне. В труде Михневича развивались и конкретизировались высказанные ранее в отечественной военной литературе мысли об усилении связи фронта с тылом, вскрывались сущность и содержание коалиционной стратегии. В нем также ставились и по возможности решались многие важные вопросы, связанные, например, с продолжительностью войны, подготовкой, мобилизацией и сосредоточением вооруженных сил, их стратегическим развертыванием, характером начального периода войны и

ВОПРЕКИ господствовавшему в генеральных штабах всех государств мнению о скоротечности будущей войны, Н.П. Михневич полагал, что добиться победы в ней одним-двумя, пусть даже очень крупными, сражениями невозможно

щества; характер и продолжительность будущей войны; роль экономического и морального факторов в достижении победы на войне и др. Значительное внимание уделялось изучению вопросов мобилизации, сосредоточения и стратегического развертывания вооруженных сил; определению роли и состава стратегических резервов, важнейшего театра военных действий, способов разгрома массовой, ставшей многомиллионной армии противника; делались попытки разработать основы коалиционной стратегии; уточнялись основные стратегические понятия и термины. Продолжалась дискуссия и о том, что такое военная наука, военная стратегия, каковы предмет их исследования и содержание. В ней участвовали такие видные военные писатели, как Е.И. Мартынов, В.Е. Борисов, В.Н. Григорьев, Н.А. Корф, Н.А. Орлов, А.А. Незнамов, А.Г. Елчиных и др.

Наиболее крупным военным теоретиком начала XX века являлся один из самых ярких представителей «русской военной школы» заслуженный профессор, генерал от ин-

неизменности принципов военного искусства, выдвинул тезис об эволюции военного дела, в том числе и способов ведения войны, подверг пересмотру многие давно сложившиеся в военно-стратегической теории взгляды с учетом новых явлений, характерных для эпохи империализма. Им впервые была высказана идея о зависимости войны, способов ее ведения не только от внешней, но и от внутренней политики, а также от политического строя государства и его экономики, от экономической подготовки к войне. В труде Михневича развивались и конкретизировались высказанные ранее в отечественной военной литературе мысли об усилении связи фронта с тылом, вскрывались сущность и содержание коалиционной стратегии. В нем также ставились и по возможности решались многие важные вопросы, связанные, например, с продолжительностью войны, подготовкой, мобилизацией и сосредоточением вооруженных сил, их стратегическим развертыванием, характером начального периода войны и

** Имеются в виду реальные, а не умозрительные, как у Леера, явления.

выбором направления концентрации основных усилий, организацией стратегического руководства и др.

В ОПРЕКИ господствовавшему в генеральных штабах всех государств мнению о скоротечности будущей войны, Н.П. Михневич полагал, что добиться победы в ней одним-двумя, пусть даже очень крупными, сражениями невозможно. А если все же удастся уничтожить в них войска противника, то это, отнюдь, не приведет еще к полному поражению последнего, так как большая потенциальная мощь крупнейших европейских государств позволит им сравнительно быстро воссоздать новые армии и снабдить их всем необходимым для продолжения борьбы. Только овладение важнейшими «центрами народной и государственной деятельности», то есть центрами экономическими и политическими, разгром вооруженных сил врага может привести к полной победе. Это предвидение ученого подтвердилось уже в ходе Первой мировой войны 1914—1918 гг.

Исследовав возможный характер начального периода будущей войны, Михневич сделал вывод о жизненной необходимости для государства иметь постоянную и высокую мобилизационную готовность еще в мирное время. Он также указывал, что стратегическое сосредоточение и развертывание войск являются важнейшими актами войны, которые оказывают влияние на все ее последующие события и даже исход, поскольку допущенные в этом деле ошибки потребуют огромных усилий для исправления их в ходе военных действий.

Много внимания уделял Н.П. Михневич вопросам управления действующей армией. Так, в разделе «Исследование способов ведения войн» труда по стратегии он проанализировал, правда, в самом общем виде, план войны, сделал попытку раскрыть его содержание, а также содержание планов кампании и операции, установить различие между ними и в то же время органическую связь³⁶. Главным содержанием операций он счи-

тал сражение и, основываясь на опыте Русско-японской войны (1904—1905), делил их по видам действий на наступательные и оборонительные, а по целям и задачам — на общие (стратегические) и частные (армейские)³⁷. Им, хотя и в крайне общей форме, был поставлен также вопрос о видах стратегических действий. Н.П. Михневич дал краткую характеристику наступательным движениям и действиям — стратегической фронтальной атаке, стратегической фланговой атаке, стратегическому прорыву и, помимо этого, стратегической обороне. Он придерживался мнения, что первой целью будущей войны станет уничтожение армии, то есть живой силы противника. Ученый рекомендовал высшему военному руководству России избегать решительных приграничных столкновений и стремиться к длительной войне, утверждая, что «время является лучшим союзником наших вооруженных сил».

О ДНОВРЕМЕННО с Н.П. Михневичем проблемами стратегии занимался другой профессор Николаевской академии Генерального штаба (с 1908 г.), полковник (с 1915 г. генерал-майор) А.А. Незнамов. В своих трудах³⁸ он ратовал за установление единых взглядов на ведение войны и боя, за необходимость разработки военной доктрины как «единой военной школы», стремился сформулировать ее принципиальные положения³⁹. Незнамов, как и его единомышленники генералы В.Е. Борисов, А.Г. Елчанинов и другие, настаивал на создании такой военной доктрины, которая бы учитывала и предусматривала широкую подготовку государства, армии и народа к конкретной предстоящей в недалеком будущем войне. Основы такой подготовки он изложил в работе «План войны», где рассмотрел большой круг вопросов, раскрывающих экономическую, политическую, моральную, культурную и, наконец, собственно военную стороны этого дела. А.А. Незнамов предлагал создать научно обоснованный план войны, который содержал бы строгие расчеты по вопросам комплектования

армии людьми, лошадьми, вооружением и необходимыми запасами, распределения сил и средств между главным и второстепенными театрами, а также на каждом отдельном ТВД⁴⁰.

Незнамову принадлежит большая заслуга в дальнейшем развитии идей об операции, которая представлялась ему в виде «скачка» — «наступающего вперед, обороняющегося назад»⁴¹. Современная война, по его мнению, должна будет распадаться на целый ряд таких операций (скачков), связанных между собой основной, руководящей идеей («операционной линией») плана войны... по цели и направлению и, таким образом, общая стратегическая задача будет решаться путем выполнения частных стратегических задач в ходе той или иной операции⁴². Венцом операции А.А. Незнамов считал сражение. «Сражение, — подчеркивал он, — это то, к чему естественно клонится всякая операция, это — логический ее конец»⁴³.

В работе «Современная война» А.А. Незнамов определил своей задачей дать представление о характере операций, проводимых полевыми армиями в условиях большой европейской войны. Одним из первых он нарисовал в ней более или менее систематизированную картину организации и ведения армейских операций как особого звена (явления) в военном искусстве⁴⁴. Так же как и Н.П. Михневич, Незнамов считал, что в будущей войне операции станут вестись как одной (частной) армией, так и группой армий. Каждая такая группа, по его мнению, может включать от двух-трех до четырех армий⁴⁵. В связи с этим им ставился вопрос о необходимости введения промежуточной управленческой инстанции между главнокомандующим на ТВД и командующими армиями в виде полевого управления группы армий или фронта. За создание с началом войны фронтов выступали в своих трудах и другие теоретики, в частности А.Г. Елчанинов⁴⁶.

В 1911 году издательством «Товарищество И.Д. Сытина» в России был начат выпуск новой Военной энциклопедии⁴⁷, которая объединила и органи-

чески связала в себе все наиболее важные сведения по различным отраслям военной теории и видам военной практики, по отечественной и зарубежной военной истории. Что касается стратегии, то она квалифицировалась в этом издании как высшая военная наука, или наука полководца (тактика ТВД), являющаяся синтезом выводов вспомогательных (конкретных) военных наук: военной администрации, тактики, артиллерии, фортификации, военной топографии, военной статистики, военной политики, военной истории, истории военного искусства, военной психологии и др.⁴⁸ Задачу этой высшей военной науки — стратегии автор статьи Н.П. Михневич видел в отыскании рациональной теории искусства ведения войны⁴⁹. В другом коллективном труде — «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, но несколько ранее, тот же автор определял стратегию в общем как науку о войне, а в частности — как науку полководца⁵⁰.

В ЦЕЛОМ, подводя итог, можно сказать, что военным деятелям и теоретикам России XIX — начала XX века не удалось все же создать целостной общей теории (основ) военной науки, в том числе и теории стратегии. Утверждать это позволяют уже хотя бы те многообразие и противоречивость, односторонность определений, которые давались стратегии различными военными мыслителями; имевшее место противопоставление стратегии как науки стратегии как искусства, что в целом тормозило ее разработку; деление стратегии на «чистую» и «прикладную», почему, как еще в «Лексиконе...» отмечал генерал-лейтенант Л.И. Зедделер, «новая наука*** с самого начала лишилась практического основания»⁵¹, а также бытовавшее длительное время мнение, что «стратегия как наука, во всем ее объеме, не может быть предметом теоретического преподавания», а значит, и разработки, что она должна представляться лишь

в виде «систематического свода ее основ» (принципов, правил)⁵² и т.п. Причиной последнему, как считалось, была «сущность самого предмета, науки ведения войны, заключающей в себе множество разнородных начал»⁵³. Не случайно поэтому многие военные теоретики разрабатывали преимущественно только какие-то отдельные частные вопросы стратегии.

Немаловажно также и то, что на развитие отечественной теории военной стратегии, прежде всего официальной, значительное влияние оказывала зарубежная военная мысль, находившаяся в плену прочно укоренившихся наполеоновских принципов и упорно не замечавшая новых явлений в военном деле. И только в начале XX века, особенно после Русско-японской войны 1904—1905 гг., изменения, происходившие в социально-экономическом состоянии государства, быстрое развитие средств вооруженной борьбы, совершенствование транспорта, связи, увеличение численности армий привели некоторых военных мыслителей России к пониманию того, что в военном деле происходят коренные изменения, что появление новых технических средств борьбы требует решительной перестройки всей военной системы. «На наших глазах, — писал, например, Н.П. Михневич, — с введением пара, электричества, значительного усовершенствования огнестрельного оружия и многих вспомогательных технических изобретений обстановка на войне и способы ведения ее настолько изменились, что опасно было бы руководствоваться при решении современных вопросов войны даже способами и приемами, которыми держался Наполеон; необходимо считаться с новыми факторами, вызывающими иногда совершенно новые, совершенно неожиданные формы в решении»⁵⁴. Наиболее дальновидные русские военные теоретики пытались осмыслить возникшие в военном деле новые явления, увидеть в них проявление определенных закономерностей, наметить конкретные пути в разрешении значительно усложнившихся стратегических задач.

Однако идеалистическое в целом мировоззрение и имевшая место методологическая ограниченность не позволили им глубоко разработать целый ряд кардинальных проблем стратегии, тем более что новые, прогрессивные взгляды далеко не всегда находили понимание и поддержку в высших военных кругах.

И все же, отечественная военная мысль в лице отдельных своих представителей в целом правильно подошла в конце XIX — начале XX века к оценке характера будущей войны, форм и способов ее ведения, вероятного влияния на ход и исход войны изменившихся социально-политических условий и технико-экономических возможностей. Она смогла предугадать неотвратимый процесс расширения полей сражений, увеличения напряженности и длительности вооруженной борьбы, возросшие трудности руководства массовыми армиями на театрах военных действий, в связи с чем поставила вопрос о необходимости создания для решения стратегических задач новых войсковых организмов (групп армий, или фронтов), а также органов управления ими, стремилась пересмотреть традиционные взгляды на роль стратегических резервов, родов войск (оружия) при ведении операций и войны в целом и т.д.

СЕРЬЕЗНЕЙШЕЙ проверкой всех существовавших теоретических положений, в том числе и в области стратегии, явилась Первая мировая война, развернувшаяся на огромных пространствах, одновременно на многих театрах военных действий, на суше, на море и в воздухе. Эта война мало что оставила от имевшихся к ее началу взглядов, дав богатейший фактический материал для дальнейшей разработки теории стратегии. С нее, можно сказать, начался новый этап в ее развитии, который продолжался вплоть до внедрения в вооруженные силы ведущих государств мира новейших, современных средств борьбы, вызвавших революцию в военном деле.

Опыт Первой мировой войны, бурное развитие боевой техники, вооружения и транс-

*** Имеется в виду стратегия.

порта, средств связи наложили серьезный отпечаток на эволюцию военно-стратегических взглядов. В новых условиях стало очевидным, что нельзя было ограничивать функции стратегии организацией и ведением операций на театре военных действий, как это делалось накануне Первой мировой войны. Увеличившиеся масштабы вооруженной борьбы, изменения ее характера убедительно продемонстрировали, что роль стратегии в военном деле значительно возросла, ее задачи заметно расширились и усложнились, она еще более тесно переплелась с политической и экономикой. Все это стало изучаться отечественной военной наукой в 20-е и 30-е годы XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Неелов Н.Д.* Очерк современного состояния стратегии. СПб., 1849.

² См.: там же. Отд. II. С. 6.

³ **В. фон Виллизен** (1790—1879) — автор 4-томного труда «Теория большой войны» (1840—1868), который, по словам А.А. Свечина, «в течение тридцати лет после опубликования сочинений Клаузевица оспаривал у него руководящую позицию в германской военной мысли». См.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: Высший воен. ред. Совет, 1924. Т. I. С. 107.

⁴ *Неелов Н.Д.* Указ соч. Отд. II. С. 46.

⁵ Как представляется, в данном случае речь идет о попытке выявить характер и природу появившихся элементов военных действий оперативного масштаба, т.е. таких, которые вышли за тактические рамки, но не могли быть отнесены к преследующим стратегические цели.

⁶ *Неелов Н.Д.* Указ. соч. С. 160, 214.

⁷ Как известно, в работе «Очерки военного искусства» А. Жomini рассматривал ТВД как часть театра войны. Оба эти понятия были впоследствии включены М.И. Богдановичем в официальный курс стратегии.

⁸ См.: *Неелов Н.Д.* Указ. соч. С. 220.

⁹ См.: *Горемыкин Ф.И.* Руководство к изучению тактики... СПб., 1849. Ч. I. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 5, 6.

¹¹ Генерал-лейтенант, военный писатель и ученый-историк, бывший с 1832 по 1834 г. вице-директором Императорской военной академии. Помимо большого личного труда Л.И. Зедделера вложил в «Лексикон...» и значительную часть своего состояния. Значимость «Лексикона...» была, по оценкам современников, очень высока. Поэтому в 1852—1858 гг. один из соратников Зедделера по энциклопедической работе М.И. Богданович осуществил второе его издание.

¹² См.: Военный энциклопедический лексикон... 1839. Ч. 3. С. 474.

¹³ См.: там же. 1848. Ч. 12. С. 383, 384.

¹⁴ Там же. С. 384, 385.

¹⁵ *Языков П.А.* Опыт теории военной географии. СПб., 1838. Ч. I. С. 10.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 20/275. Д. 739. Л. 32 об.

¹⁷ См.: *Астафьев А.И.* О современном военном искусстве: В 2 ч. СПб., 1856—1861; *Петров А.Н.* К вопросам стратегии (критический очерк). СПб., 1898.

¹⁸ См.: *Леер Г.А.* Значение критической военной истории в изучении стратегии и тактики // Воен. сборник. 1863. № 5.

¹⁹ *Он же.* Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). СПб., 1867. Ч. I. Этот труд Леера был переведен на ряд иностранных языков, выдержал 6 изданий и в четвертом, наиболее полном варианте издан под названием «Стратегия. (Тактика театра военных действий)» (Ч. 1—3. СПб., 1885—1898).

²⁰ *Он же.* Современное состояние стратегии // Воен. сборник. 1867. № 1. С. 48.

²¹ *Он же.* Опыт критико-исторического исследования законов... СПб., 1871. Ч. I. С. 3, 4.

²² Эта 8-томная энциклопедия (СПб., 1883—1897) представляла собой переработанный под руководством Г.А. Леера по заданию Военного министерства «Лексикон...» Л.И. Зедделера, содержание которого за прошедшие со времени второго его издания годы значительно устарело. Она содержала около 12,5 тыс. статей непосредственно военного характера.

²³ См.: Энциклопедия военных и морских наук. 1895. Т. VII. С. 318.

²⁴ *Леер Г.А.* Стратегия. (Тактика театра военных действий). Ч. I. Главные операции. С. 10.

²⁵ См.: *Павленко Н.Г.* Из истории развития теории стратегии // Воен.-истор. журнал. 1964. № 10. С. 110.

²⁶ Энциклопедия военных и морских наук. 1891. Т. V. С. 456, 457.

²⁷ Там же. С. 457.

²⁸ См.: *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 3.

²⁹ Там же. С. 106.

³⁰ См.: там же. С. 105, 108.

³¹ Там же. С. 108, 109.

³² Там же. С. 162.

³³ См.: Энциклопедия военных и морских наук. Т. VII. С. 321.

³⁴ *Михневич Н.П.* Стратегия: В 2 кн. СПб., 1899—1901. Труд выдержал 3 издания и в качестве главного руководства был принят во всех военных и военно-морской академиях русской армии и флота, а в период с 1925 по 1927 г. и в военных академиях РККА. См.: Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 2001. Т. 5. С. 171.

В 1913 г. по заказу начальника Интендантской академии Н.П. Михневич составил новый курс под названием «Основы стратегии».

³⁵ См.: *Михневич Н.П.* Стратегия. СПб., 1910. Кн. I. С. 1.

³⁶ Там же. С. 51—56.

³⁷ Там же. С. 152.

³⁸ См.: *Незнамов А.А.* Современная война. Действия полевой армии. СПб., 1911; *Он же.* План войны. СПб., 1913.

³⁹ О необходимости выработки единой военной доктрины заговорили впервые после Русско-японской войны 1904—1905 гг. В 1910—1912 гг. в военной печати, особенно в газете «Русский инвалид», развернулась бурная дискуссия по этой сложной проблеме («Русский инвалид» только в 1911—1912 гг. опубликовал по ней 21 статью различных авторов). Подробно об этом см.: Российский военный сборник. М.: ГА ВС, 1994. Вып. 5. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911—1939 годов.

⁴⁰ См.: *Незнамов А.А.* План войны. С. 14, 15.

⁴¹ *Он же.* Современная война. Действия полевой армии. С. 9.

⁴² Там же. С. 14.

⁴³ Там же. С. 15.

⁴⁴ С момента появления в войнах начала XIX в. первых элементов (зачатков) армейских операций они изучались, а во второй половине столетия и разрабатывались в рамках теории стратегии. И лишь только в начале XX в., после Русско-японской войны, некоторые теоретики высказались в пользу выделения искусства подготовки и ведения операций частными армиями в особую теорию, назвав весь комплекс действий их войск армейским боем, или боем в крупных массах.

⁴⁵ См.: *Михневич Н.П.* Стратегия. Кн. 2. С. 374; *Незнамов А.А.* Современная война. Действия полевой армии. С. 12.

⁴⁶ См., например: *Елчанинов А.Г.* Ведение современных войн и боя. СПб., 1909. С. 39.

⁴⁷ К ее созданию были привлечены лучшие военно-научные силы России, создан редакторский комитет под председательством генерала К.И. Величко. Планировалось издать 23 тома (46 полутомов). Однако начавшаяся Первая мировая война не позволила полностью осуществить проект, в 1911—1915 гг. издано только 18 томов (36 полутомов). См.: Военная Энциклопедия. 2004. Т. 8. С. 508.

⁴⁸ См.: Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 6. С. 478.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См.: Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. XXXIa. С. 730.

⁵¹ См.: Военный энциклопедический лексикон... СПб., 1848. Ч. 12. С. 387.

⁵² См.: Энциклопедия военных и морских наук. Т. VII. С. 318.

⁵³ Военный энциклопедический лексикон... Ч. 12. С. 384.

⁵⁴ *Михневич Н.П.* Стратегия. Кн. 2. С. XI.

*Генерал-лейтенант в отставке
В.Т. ИМИНОВ*

ФЛОТ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В КАМПАНИИ 1914 ГОДА

Оперативно–стратегический обзор

НА НАЧАЛЬНОМ этапе военных действий на Балтийском море (до середины октября 1914 г.), который в отечественной историографии традиционно именуется «периодом ожидания генерального сражения на центральной позиции», адмирал Н.О. фон Эссен по существу инициировал установление плотной опеки над флотом со стороны командования 6-й армии и руководства Ставки¹. Попытка провокационных действий против военно-морских сил нейтральной Швеции, предпринятая Н.О. фон Эссеном 9—11 августа*, вызвала резкое неудовольствие Верховного главнокомандующего и вынудила Ставку еще раз акцентировать внимание комфлота на том, что «главная задача Балтийского флота прикрывать столицу, что теперь главным образом достигается его положением в Финском заливе»².

К исходу первого месяца войны стало очевидным, что германский флот Открытого моря, дела которого в Северном море обстояли далеко не блестяще³, не имел намерения прорываться в Финский залив. Благоприятная стратегическая обстановка, которую в предвоенные годы не «просчитали» операторы Морского генерального штаба, была обусловлена главным образом вступлением в войну Великобритании. Это позволило Н.О. фон Эссену поставить на повестку дня вопрос о корректуре плана применения флота и, в частности, о расширении операционной зоны и перечня решавшихся флотом задач.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 10.

* Здесь и далее даты приведены по новому стилю.

Приказом адмирала Н.О. фон Эссена от 4 сентября флоту были поставлены задачи расширения операционной зоны до меридиана м. Дагерорт с включением в ее границы Моонзунда и Або-Аландского архипелага и вы-

Н.О. фон Эссен

движения в эти районы пунктов базирования миноносных и подводных сил. Очевидно, что выполнение этих задач обеспечивало достижение значимых оперативных целей — увеличение глубины оперативной обороны Финского залива и, что особенно важно, создание благоприятных условий для активных действий Балтийского флота в открытой части театра. Со своей стороны командование 6-й армии, а следом и Ставка констатировали, что «участие английского флота в войне коренным образом изменило соотношение сил», и, сделав вывод об «отсутствии намерений у противника начать операции в Финском заливе», 13 сентября санкционировали расширение рай-

она базирования миноносцев и подводных лодок⁴.

В соответствии с приказом комфлота от 4 сентября оперативное построение флота и частные задачи соединениям легких сил претерпели серьезные изменения. Благодаря минному заграждению, поставленному германским вспомогательным заградителем «Дойчланд» (фрегаттенкапитан Розенберг) на меридиане маяка Тахкона 17 августа⁵, появилась возможность выноса линии корабельного дозора на меридиан м. Дагерорт. Район боевых действий 1-й минной дивизии был вынесен в Рижский залив, Ирбенский пролив и прилегающие к нему акватории, 2-й минной дивизии — в Або-Аландский шхерный район, бригады подводных лодок — в Рижский залив, Ирбенский пролив и к северному побережью о. Даго. Расширение операционной зоны и постановка новых задач повлекли за собой перебазирование части сил флота: на Лапвик теперь опиралась дежурная бригада крейсеров, из Ревеля в Моонзунд перебазировались 1-я минная дивизия и бригада подводных лодок, в Або-Аландский район — 2-я минная дивизия, сохранившая свою прежнюю базу Лапвик в качестве тыловой⁶.

Таким образом, предусмотренные приказом от 4 сентября мероприятия стали первыми практическими шагами командования Балтфлота в направлении отхода от сугубо оборонительной идеологии применения флота, лежавшей в основе «Плана операций...» 1912 года. Однако вышестоящее командование, несмотря на некоторые «послабления», в целом не изменило своего видения

цели и характера действий флота. Иллюстрацией тому может служить обмен мнениями между штабом главкома и командующим Балтийским флотом, состоявшийся в первой половине сентября, по поводу отражения предполагаемого неприятельского десанта на курляндское побережье.

В ответ на запрос о возможных мерах Н.О. фон Эссен доложил, что считает «единственным средством воспрепятствовать успеху такого предприятия выход наличных сил Балтийского флота к месту высадки для решительного боя с неприятельским флотом, прикрывающим десант, и нападении на транспорты с войсками». Вместе с тем командующий флотом указывал, что возможен «подобный выход флота только при условии освобождения от поставленной флоту ранее задачи охраны столицы с моря, так как при выполнении операции на неприятельский десант может случиться уничтожение всего нашего флота».

Однако комфлоту было еще раз указано на то, что «задачей Балтийского флота остается охрана столицы со стороны моря. Необходимо сохранение флота для этой цели». Следующая директива имела еще более категоричный характер: флоту оставаться в Финском заливе, «даже если будет достоверно известно, что высадка началась»⁷. Таким образом, к исходу второго месяца войны с Балтийского флота были, по существу, сняты задачи, связанные с содействием сухопутным войскам вне Финского залива.

ПАССИВНОСТЬ немцев, устойчивый нейтралитет Швеции и, что весьма важно, ожидавшееся в скором времени вступление в строй бригады дредноутов типа «Севастополь» в корне изменили ситуацию — теперь она явно не соответствовала обстановке, которую прогнозировали авторы «Плана операций...» 1912 года. В этих условиях адмирал Н.О. фон Эссен, «наступательному» менталитету которого претила

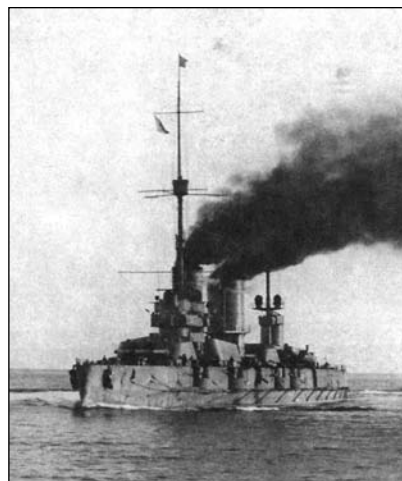
уготовленная флоту пассивная роль, упорно не желал предоставлять противнику полную свободу действий в средней и южной Балтике. В наиболее полном и аргументированном виде взгляды командующего и его ближайших помощников на задачи флота и формы их выполнения были изложены в документе под названием «Изменение основного плана операций Морских Сил Балтийского моря», представленном Н.О. фон Эссену на утверждение главному 6-й армии 1 октября 1914 года⁸.

Внимательное изучение «Изменения...» заставляет усомниться в корректности установившейся в отечественной историографии точки зрения, согласно которой его содержание сводится к плану активных минно-заградительных действий в юго-восточной и южной частях Балтийского моря. Представляется, что заложенный в документ замысел значительно шире.

Выполнив обстоятельный сравнительный анализ обстановки, изложенной в «Плане операций...» 1912 года, и ситуации, de facto сложившейся на Балтике к исходу сентября 1914 года, штаб флота пришел к выводу, что целями действий Балтфлота должны стать прикрытие приморского фланга армии от ударов с моря и морских десантов и нарушение неприятельских морских коммуникаций в южной части моря. По мнению авторов «Изменения...», для достижения этих целей надлежало избрать «новую операционную линию»: «Балтийский флот, имея основной задачей обеспечение безопасности столицы... должен держаться под наблюдением южную часть моря до линии Данциг — Карлскрона».

В этой связи уместно заметить, что возбуждение вопроса о воздействии на морские перевозки противника означало, по существу, пересмотр взглядов на роль Балтфлота в войне в целом.

МОРСКИЕ коммуникации в южной и юго-восточной Балтике

Линейный корабль
«Севастополь»

имели для экономики Германии без преувеличения жизненно важное значение. Здесь пролегал путь, по которому в страну поступала большая часть железной руды: достаточно сказать, что в 1913 году из 6440 тыс. т добытой в Швеции руды в Германию было вывезено 4977 тыс. т (77 проц.)⁹. В военное время объемы поставок шведского сырья еще более возросли: в 1914 году — 6600 тыс. т, в 1915 году — 6800 тыс. т, в 1916 году — 6900 тыс. т, в 1917 году — 6200 тыс. т, в 1918 году — 6600 тыс. т¹⁰. Полезно помнить и о том, что Германия вывозила в Швецию приблизительно такое же количество каменного угля. Учитывая, что с началом войны рейх лишился иных источников импорта высококачественной железной руды, поддержание бесперебойного функционирования этой коммуникационной линии стало для противника одной из важнейших стратегических проблем. Таким образом, с постановкой задачи срыва неприятельских экономических перевозок Балтийский флот превращался из вспомогательного средства обеспечения устойчивости приморского фланга фронта в субъект вооруженной борьбы, самостоятельно решающий стратегические задачи.

«Идея операции» заключалась в «периодических появлениях флота в южной части

Балтийского моря на путях сообщения Мемеля, Кёнигсберга и Данцига и попутном выполнении постановок минного заграждения на подходах к ним, уничтожении наблюдательных постов, истреблении пароходов и т.п.». По замыслу Н.О. фон Эссена, флоту, обеспеченному «надлежащей разведкой», следовало развернуться в южную часть моря, решить, разделившись на несколько тактических групп, перечисленные выше задачи, после чего отойти в Финский залив. При встрече с превосходящими силами противника предполагалось уклониться от боя и ретироваться к центральной позиции, а слабейшего неприятеля — уничтожить.

В зависимости от наряда привлекавшихся сил штабом были разработаны два варианта плана операции: первый — с выводом линейных сил в южную часть моря, второй — с оставлением линкоров в Лапвике в полной готовности к выходу. Варианты различались лишь формулировками частных задач некоторым корабельным соединениям. Общие же задачи оставались неизменными: главная — «постановка минного заграждения у неприятельских берегов на путях передвижения военного флота противника», другие («дополнительные») — «истребление неприятельских коммерческих судов на путях сообщения Германии и Швеции и уничтожение наблюдательных постов на побережье противника»¹¹.

Предвосхищая возражения вышестоящих начальников по поводу чрезмерной рискованности таких действий, составители документа отмечали: «Тщательно и с большим запасом осторожности рассчитанная подобная операция оставляет лишь ту долю риска, без которой немислимо ведение войны и которая не больше риска — потерять бесплодно суда в оперативном районе Оденс-

хольм — Нарген, пассивно выполняя Основной план операций».

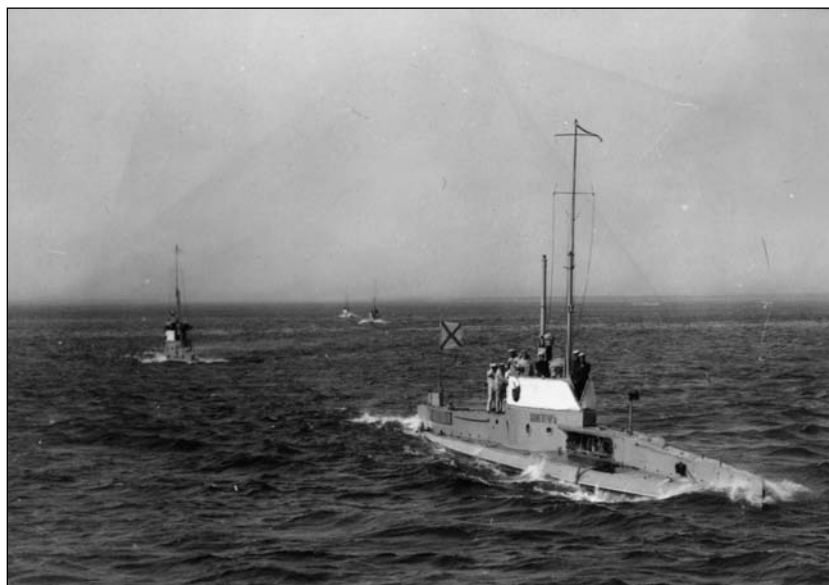
Однако ни К.П. Фан дер Флит, ни великий князь Николай Николаевич не сочли эти аргументы убедительными. Препровождая на усмотрение главкомверха проект нового оперативного плана Н.О. фон Эссена, главком 6-й армии оценил его как «покуда преждевременный». Цели задуманных комфлотом активных действий главком нашел не настолько важными, чтобы ради их достижения рисковать безопасностью Финского залива и столицы. Впрочем, Константин Петрович не отвергал в принципе наступательного порыва командующего флотом и вполне отдавал себе отчет в его благотворном влиянии на «воодушевление» личного состава и поддержание в нем «надежды на боевую деятельность». Однако переход Балтфлота к действиям наступательного характера главком считал возможным лишь при выполнении ряда условий: во-первых, вступление в строй всех четырех дредноутов (пока в расчетах штаба флота фигурировал только головной — «Севастополь»¹²); во-вторых, разгром англичанами германского флота Открытого моря или хотя бы начало «решительных операций» британцев, гарантирующее от появления немецких линейных сил в Балтийском море;

в-третьих, успешное развитие операций на германском фронте, делающее невозможной высадку неприятелем десанта «за отсутствием свободных войск»¹³.

РЕШЕНИЕ императора, неделю спустя одобренное Ставкой до командования флота, было еще более недвусмысленным: «Балтийскому флоту действовать активно лишь по получении на то ЛИЧНОГО разрешения ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и разрешения на допущение в бой бригады линейных кораблей типа «Севастополь». Расширение зоны операций в Финском заливе до меридиана Дагерорта со включением Моонзунда — разрешено»¹⁴.

Беспрецедентный факт ограничения полномочий командующего флотом в применении основной части вверенных ему сил, причем ограничения, наложенного самим державным вождем, стал важной вехой в истории боевой деятельности Балтийского флота: «С этих пор... вводится инстанция для получения права пользоваться теми силами, на которых так рассчитывал Эссен»¹⁵.

Ответ верховного командования почти совпал по времени с катастрофой крейсера «Паллада», который 11 октября в устье Финского залива был торпедирован германской подводной лодкой

Дивизион подводных лодок типа «Кайман». На переднем плане — «Аллигатор»

«U26» (капитан-лейтенант барон фон Беркгейм) и мгновенно погиб со всем экипажем (597 человек)¹⁶. Это событие, надо полагать, еще раз убедило вышестоящее начальство в том, что к западу от Центральной позиции крупные корабли подвергаются неприемлемому риску, и в действиях Балтфлота во главе угла должна быть поставлена осторожность.

Таким образом, Ставка отвергла выдвинутую Н.О. фон Эссеном инициативу переноса центра тяжести боевой деятельности основных сил Балтийского флота в среднюю и южную Балтику, не запрещая, однако, активных действий крейсерскими и миноносными силами. По существу, верховное командование дало принципиальное согласие на реализацию второго варианта решения, изложенного в «Изменении основного плана операций...». «Отношение Ставки к Балтийскому флоту: делайте что угодно, но не смейте потерять ни одного корабля, а тем паче линейного. Ставке было важно сохранить флот, дабы как можно шире располагать войсками, назначенными охранять подступы к столице, для переброски их на другие направления», — писал по этому поводу В.М. Альтфатер¹⁷.

Впрочем, справедливости ради отметим, что и в штабе Верховного главнокомандующего рождались весьма нетривиальные идеи относительно возможных сценариев развития событий на Балтийском театре.

30 сентября флаг-офицер Военно-морского управления при Верховном главнокомандующем капитан 2 ранга А.Д. Бубнов подал по команде записку, в которой изложил и аргументировал идею нанесения удара по наиболее важному «элементу стратегической обстановки на Германском морском театре» — Кильскому каналу, средняя часть которого (шлюзы в районе Ренсбурга) была, по заключению Александра Дмитриевича, совершенно беззащитна. А.Д. Бубнов наметил пункты на западном и восточном побережьях Ютландии «для производства одновременной высадки сил до двух корпусов в каждом» с последующим выходом войск десанта к каналу для его разрушения. Десантную операцию должна была взять на себя Англия, у которой, по сведениям А.Д. Бубнова, имелись в наличии свободные сухопутные войска. «Операция высадки в Ютландии может иметь если не решающее, то во всяком случае большое значение на исход войны,

особенно если она будет осуществлена во благовремени, т.е. в согласии с максимальным напряжением операций на сухопутном театре войны и с готовностью нашего флота на Балтийском море», — резюмировал свои рассуждения автор проекта¹⁸.

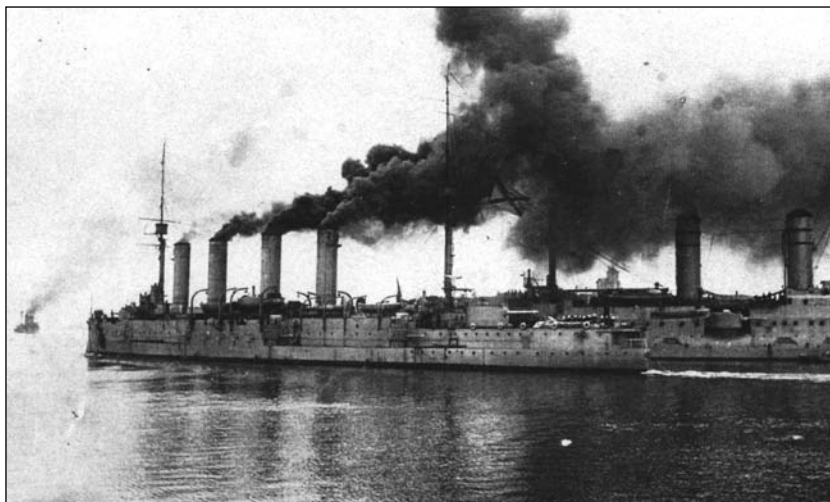
СПУСТЯ два с половиной месяца А.Д. Бубнов вернулся к поиску «какого-либо нового, выгодного для союзных армий, элемента стратегической обстановки». В докладной записке, датированной 14 декабря, Александр Дмитриевич, в частности, замечал: «В случае осуществления Англией совместно с нашим флотом и, быть может, при косвенном хотя бы содействии Дании операции, направленной на завладение каналом, Германия неизбежно должна будет сосредоточить в Шлезвиг-Гольштинии значительные силы, чтобы обеспечить безопасность канала. А так как Германия не имеет более свободных резервов, то для операций в Шлезвиг-Гольштинии ей придется взять силы с главных своих фронтов»¹⁹.

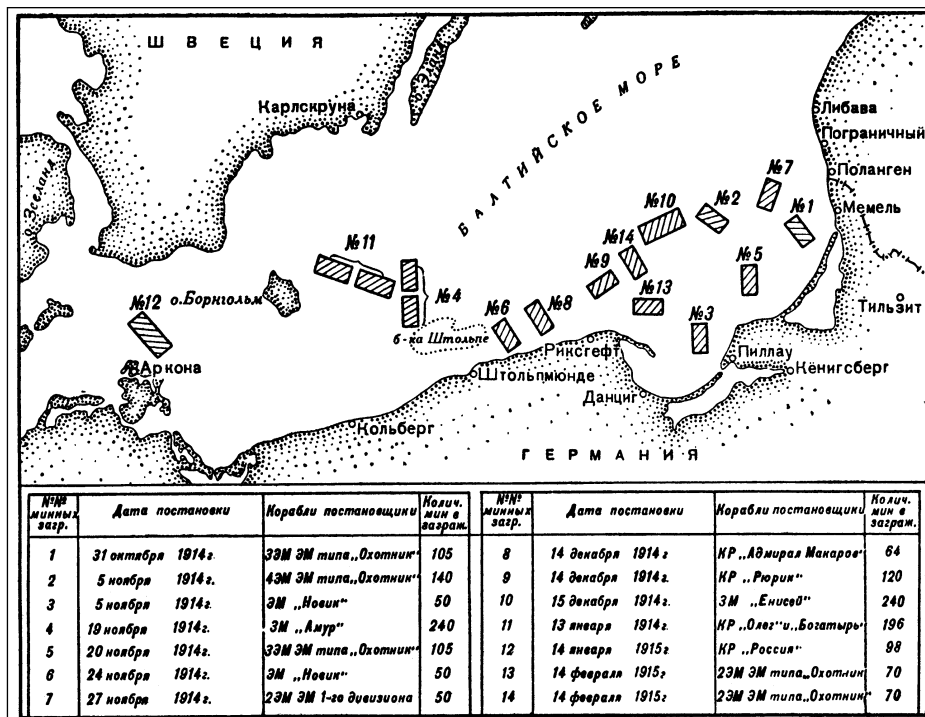
Реакция руководства Ставки на этот проект автору статьи неизвестна: единственная резолюция, наложенная, по-видимому, начальником Военно-морского управления при главнокомандующем

Линейный корабль «Император Павел I»

Крейсер «Паллада» и линкор «Цесаревич»
Ревель, октябрь 1914 г.

Минные заграждения, поставленные русскими кораблями у берегов Германии в период с 31 октября 1914 по 15 февраля 1915 г.

контр-адмиралом Д. В. Ненюковым, написана слишком неразборчиво, а в своих воспоминаниях А. Д. Бубнов этого сюжета не касался вовсе. Остается лишь заметить, что план А. Д. Бубнова перекликался с известным «балтийским проектом» У. Черчилля и Дж. Фишера²⁰, к которому российское верховное командование отнеслось с некоторым скептицизмом. Напомним, что в ответе на секретный меморандум первого лорда британского адмиралтейства, направленный великому князю Николаю Николаевичу 19 августа, главоверх охарактеризовал идею высадки десанта на побережье Шлезвиг-Гольштейна или Померании как «осуществимую и целесообразную при благоприятных обстоятельствах», но поставил ее реализацию в зависимость от «общей военной обстановки»²¹.

Воспользовавшись соизволением верховного командования, пусть и неявно выраженным, на активные действия ограниченным рядом сил, флот Балтийского моря в период с начала ноября 1914 года до середины февраля выполнил девять активных минных постановок и скрытно выставил на подходах к неприятельским портам и в узлах

коммуникаций противника 1598 мин (640 — с эскадренных миноносцев, 480 — с минных заградителей и 478 — с крейсеров)²². В своей совокупности эти действия, проводившиеся по единому замыслу и плану под руководством командующего флотом, являлись, по сути, морской минно-заградительной операцией продолжительностью 107 суток, глубиной около 500 км и размахом по фронту 360 км²³. В ее результате противник понес тяжелые потери: на русских минах погибли броненосный крейсер «Фридрих Карл», четыре тральщика, 14 грузовых судов (суммарной грузоподъемностью более 20 тыс. брт) и подорвались малые крейсера «Аугсбург» и «Газелле» (последний был окончательно выведен из строя) и эсминцы «S149», «G128» и «G144»²⁴. О достижении в полной мере целей, заявленных в «Изменении основного плана операций...», говорить, конечно, не приходилось (ущерб неприятельским грузоперевозкам не превысил 0,5 проц. их объема), однако результаты операции оказали весьма существенное влияние на оперативную обстановку на театре. Достаточно сказать, что гибель «Фридриха Карла» 17 ноября заставила германское командова-

ние свернуть на оперативно значимый промежуток времени активные действия своих надводных кораблей, ограничить район плавания в юго-восточной части моря и, что наиболее существенно, перенести основной пункт базирования морских сил Балтийского моря из Данцига в Свинемюнде, основательно изменив тем самым конфигурацию операционной зоны своего флота²⁵.

В РАЗГАР минно-заградительной операции, 31 января 1915 года Н. О. фон Эссен обратился к главному командиру 6-й армии за разрешением на использование по своему усмотрению линкоров «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» — наиболее современных из числа додредноутов. «Участие этих двух боевых единиц придаст каждой операции необходимую устойчивость и возможность выполнения ее успешно до конца во многих случаях открытой силой, так как вероятность боевых столкновений во время марша-маневра** теперь возрастает по мере увеличения светлого времени», — писал адмирал²⁶. Кроме того, командующий аргументировал свое ходатайство дальнейшим усилением центральной минно-артиллерийской позиции и, главным образом, вступлением в строй бригады линейных кораблей типа «Севастополь», которая, по выражению А. Д. Бубнова, «в значительной степени уширяет оперативную способность нашего флота»²⁷.

На сей раз — впервые с начала войны — инициатива командующего флотом встретила поддержку со стороны

** Оперативного развертывания.

К.П. Фан дер Флита. Находясь под впечатлением случившегося неделей ранее победоносного для англичан боя на Доггер-банке²⁸, главнокомандующий согласился с «возможностью уделения части наших главных сил для обеспечения тех активных операций флота, кои не идут в ущерб выполнению последним его главной задачи» и поддержал ходатайство Н.О. фон Эссена²⁹. 11 февраля «добро» Ставки было получено, хотя штаб главнокомандующего оговорил свое разрешение традиционным требованием оградить эти линкоры «от риска боевой встречи со значительно превосходящими силами противника»³⁰. Однако повлиять на деятельность Балтфлота в завершавшейся кампании это обстоятельство уже не могло: развертывание корабельного отряда заграждения для последней в этой навигации минной постановки началось двумя днями ранее.

Таким образом, короткая кампания 1914 года дает пример трансформации характера действий Балтийского флота: от пассивного ожидания вторжения превосходящих сил неприятеля в Финский залив — к единичным попыткам оспорить господство противника в открытой части моря, а затем к захвату оперативной инициативы на театре. «Кампания 1914 года, — справедливо замечает М.А. Петров, — представляет собой отдельный и светлый период в истории Балтийского флота, когда последний, будучи исключительно слаб, как он не был слаб потом, имел наиболее крупный стратегический успех». Однако происходило это на фоне «борьбы тенденций активной и пассивной обороны, сначала не слишком заостренной, а потом принимавшей все более и более острые формы...»³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Весьма существенная деталь. К.П. Фан дер Флит, хотя и пользовался весьма широкими полномочи-

ями главнокомандующего Балтийским флотом согласно ст. 21—27 Морского устава (издания 1914 года), никогда не брал на себя ответственность за принятие принципиальных решений по «морским» вопросам и всегда переадресовывал их в штаб главнокомандующего. Вероятно, важная причина осторожности главнокомандующего заключалась в особом отношении государя к Н.О. фон Эссену.

² Телеграмма начальника ВМУ штаба 6-й армии капитана 2 ранга В.М. Альтфатера в штаб Балтфлота от 29 июля (10 августа) 1914 г. № 32. См.: Меркушов В.А. Записки подводника, 1905—1915. М.: Согласие, 2004. С. 207.

³ Флот открытого моря, сосредоточенный в Гельголандской бухте в ожидании нападения британского Гранд-флота, не смог помешать уничтожению англичанами крейсеров «Майнц», «Кельн» и «Ариадне», эсминца и тральщика с потерей около тысячи человек 28 августа у о. Гельголанд.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

⁵ Корабельный отряд заграждения под командованием контр-адмирала Мишке (крейсера «Аугсбург» и «Магдебург», вспомогательный заградитель «Дойчланд» и три миноносца), имевший задачу заградить Сурупский проход, в устье Финского залива вступил в боевое соприкосновение с дозорными крейсерами «Громобой» и «Адмирал Макаров» под флагом контр-адмирала Н.Н. Коломейцова, в результате чего мины были поставлены значительно западнее. Впоследствии это заграждение было включено русским флотом в систему обороны Финского залива, в частности, составило основу созданной в 1916 году Передовой минно-артиллерийской позиции.

⁶ Флот в первой мировой войне / Под ред. Н.Б. Павловича. М.: Воениздат, 1964. Т. 1. С. 96, 97.

⁷ Цит. по: Петров М.А. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л.: РИО Военно-Морских Сил РККА, 1927. С. 495. Здесь же автор делает любопытную ремарку: «Характерная аналогия: в тех же выражениях в Русско-японскую войну адмирал Макаров ответил наместнику на сообщении последнего о готовящейся высадке японцев. Да и результат был тот же. Ставка (в 1914 г.) отнеслась к этому так же, как и адмирал Алексеев».

⁸ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 18, 19.

⁹ Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 106.

¹⁰ Guichard L. The Naval Blockade 1914—1918. London: Philip Allan & Co., Ltd, 1930. P. 275.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 21—42.

¹² «Севастополь» пришел в Гельсингфорс и присоединился к флоту 22 ноября, «Полтава» — 19 декабря, «Петропавловск» — 4 января и «Гангут» — 5 января. Дредноуты образовали 2-ю бригаду линейных кораблей (в апреле 1915 г. переименована в 1-ю) под командованием контр-адмирала А.С. Максимова.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 16, 17.

¹⁴ Там же. Л. 46.

¹⁵ Петров М.А. Указ. соч. С. 499.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 54588. Л. 38, 39; Лемшиевский П. Гибель крейсера «Паллада» // Морской сборник. 1922. № 8—9. С. 102—119.

¹⁷ Цит. по: Гельмерсен П.В. Заградительные операции Балтийского флота у германского побережья в 1914—1915 гг. СПб.: Цитадель, 1998. С. 5.

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 40. Л. 200, 201об.

¹⁹ Там же. Л. 196, 197.

²⁰ Bond B. British War Planning for Operations in the Baltic before the First and Second World Wars // In Quest of Trade and Security: The Baltic in Power Politics, 1500—1990. Volume II. 1890—1990. Stockholm: PROBUS Frlag, 1995. P. 107—122.

²¹ Цит. по: Английские планы десантной операции в Балтике в 1914 г. // Морской сборник. 1927. № 3. С. 113.

²² Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 144.

²³ Доценко В.Д. Балтийский и Черноморский флоты в Первой мировой войне // Морской сборник. 1994. № 9. С. 40.

²⁴ Томашевич А.В. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914—1915 гг. М.; Л.: Военно-морское изд-во НКРК ВМФ СССР, 1939. С. 261—269.

²⁵ Фирле Р. Война на Балтийском море / Пер. с нем. Л.: РИО Военно-Морских Сил РККФ, 1926. С. 346—348.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 88.

²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 40. Л. 203.

²⁸ 24 января 1915 г. в бою на Доггер-банке 1-я эскадра английских линейных крейсеров вице-адмирала Д. Битти нанесла поражение германской «разведывательной группе» контр-адмирала Ф. Хиппера: англичане потопили броненосный крейсер «Блюхер», ранее повывшийся в Балтийском море.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 92—94.

³⁰ Цит. по: Гельмерсен П.В. Указ. соч. С. 33.

³¹ Петров М.А. Указ. соч. С. 505.

**Капитан 1 ранга
Д.Ю. КОЗЛОВ**

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ-МУЗЕЙ МАРШАЛА ПОБЕДЫ

ИМЯ Георгия Константиновича Жукова — одного из наиболее талантливых полководцев XX века — известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. На родине маршала Победы, как справедливо после войны назвал народ Г.К. Жукова, был открыт посвященный полководцу музей, учреждены орден и медаль Жукова, ему сооружены памятники, в его честь названы улицы и проспекты.

Но есть в Москве одно место, которое не просто сохраняет память об этом выдающемся человеке, а как бы бережет его мощную энергетику — это Мемориальный кабинет-музей в здании Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации на улице Знаменке, где Георгий Константинович работал в должности министра обороны СССР с февраля 1955 по октябрь 1957 года.

Открытый в преддверии 100-летия со дня рождения Г.К. Жукова, Мемориальный кабинет-музей в этом году отмечает свой десятилетний юбилей. Созданный в соответствии с директивой Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации № 172/2470 от 12 декабря 1995 года, музей распахнул свои двери 22 ноября 1996 года.

В организации работ по созданию и открытию кабинета-музея активное участие принимали представители ряда управлений и ведомств Министерства обороны РФ. Научная концепция разработана Институтом военной истории, вклад в создание музея внесла и Студия военных художников им. М.Б. Грекова. Ею были переданы работы скульптора В.А. Сониной: бюст маршала Г.К. Жукова и по-

смертная маска полководца. Для оформления экспозиции Историко-архивный центр Генерального штаба предоставил ряд документов, подписанных Г.К. Жуковым. Из Главного управления кадров были переданы ордена и медали, которыми был награжден Георгий Константинович. Огромная роль в формировании кабинета-музея принадлежит сотрудникам Центрального музея Вооруженных сил. Неоценимое содействие в подготовке экспозиции кабинета-музея оказали дочери Г.К. Жукова, передавшие в дар музею его личные вещи, документы и фотографии из домашних архивов. Большую помощь оказали и сослуживцы маршала.

К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Г.К. Жукова

Музей начинается с бывшей приемной министра обороны, где в хронологическом порядке располагается экспозиция, отражающая основные этапы жизни и деятельности великого полководца. Здесь выписка из метрической книги, удостоверяющая факт рождения 19 ноября (1 декабря) 1896 года в семье крестьян д. Стрелковка (ныне Жуково Калужской области) Угодско-Заводской волости К. А. и У.А. Жуковых младенца, который 20 ноября был крещен и наречен Георгием, и один из первых фотоснимков Георгия, который был сделан по случаю окончания обучения скорняжному делу. Трудно сказать, как сложилась бы его жизнь, не начнись Первая мировая война, а затем и революция. Призванный в авгу-

сте 1915 года, Георгий Жуков участвует во многих боях и за храбрость получает два солдатских Георгия и чин унтер-офицера. После распада русской армии Г.К. Жуков вступил в ряды новой армии, рабоче-крестьянской, пройдя в годы Гражданской войны боевой путь от рядового до командира эскадрона.

Посетителей музея особенно привлекает знаменательная фотография, на которой запечатлены выпускники кавалерийских курсов усовершенствования командного состава (ККУКС) 1925 года: Г.К. Жуков, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко и К.К. Рокоссовский. Военная судьба потом не раз сводила этих людей.

В 1937 году Г.К. Жуков стал командиром 3-го кавалерийского корпуса, в состав которого входила 6-я кавалерийская Чонгарская Краснознаменная дивизия имени С.М. Буденного. В экспозиции представлено подлинное Почетное Революционное Знамя ЦИК СССР этой дивизии, личное оружие — шашка, изготовленная по образцу офицерской 1909 года, и пистолет системы Маузера.

Далее материалы экспозиции знакомят посетителей с периодом становления Г.К. Жукова как полководца.

Один из первых подобных экспонатов — удостоверение № 3191 от 24 мая 1939 года за подписью наркома обороны К.Е. Ворошилова, в котором указывается, что «предъявитель сего комдив тов. Жуков командируется в Монгольскую Народную Республику». Здесь же карты-схемы, подробно показывающие ход военных действий у реки Халхин-Гол. Имеется также ряд фотографий Г.К. Жукова той поры, в том числе и с личным составом войск.

В одной из витрин представлены удостоверения к наградам МНР, которыми был награжден Георгий Константинович: двум орденам Красного Знамени, трем орденам Сухэ-Батора, «Золотой Звезде» Героя Монгольской Народной Республики.

В июне 1940 года Г.К. Жуков вызывает в Москву. К тому времени он получает воинское звание генерал армии, о чем свидетельствует представленная в экспозиции копия постановления СНК СССР от 4 июня 1940 года «О присвоении воинских званий высшему начальствующему составу Красной Армии». Следующий документ как бы открывает новый этап в жизни Георгия Константиновича — это приказ народного комиссара обороны С.К. Тимошенко по личному составу армии от 7 июня 1940 года, которым генерал армии Г.К. Жуков назначен командующим войсками Ки-

евского Особого военного округа. Среди материалов, посвященных этому периоду деятельности Г.К. Жукова, имеется серия фотографий, где командующий округом запечатлен с наркомом обороны С.К. Тимошенко на тактических занятиях, во время осмотра стрелкового оружия, среди бойцов на полевых учениях.

Здесь надо, видимо, сказать о том, что весь октябрь 1940 года Георгий Константинович провел за подготовкой доклада «Характеристика современной наступательной операции». Он с большим вниманием следил за ходом боевых действий в Европе, стараясь понять, в чем основа стратегии и тактики вермахта, в чем его сила, вновь анализировал итоги «зимней войны» с Финляндией и свой собственный опыт, приобретенный на Халхин-Голе. С подготовленным докладом Г.К. Жуков выступил в Москве на совещании высшего командного состава РККА, состоявшемся в декабре 1940 года. Затем материалы совещания были изда-

ны отдельной книгой для служебного пользования «Бои у Халхин-Гола». Сегодня эта книга — экспонат музея.

РАЗНООБРАЗНЫ и интересны экспонаты кабинета-музея, рассказывающие о деятельности Георгия Константиновича в годы Великой Отечественной войны. Известно, что ему довелось командовать пятью фронтами, координировать действия ряда фронтов, одновременно являясь с августа 1942 года заместителем Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

В турникетах экспозиции — карты-схемы основных сражений, проведенных Жуковым. Это Ельнинская наступательная операция, Битва за Ленинград, Битва под Москвой и Сталинградская битва. Посетители непременно задерживаются у карты контрнаступления под Моск-

**Поздравительный адрес
Г.К. Жукову от Н.С. Хрущева
в связи с Победой в Великой
Отечественной войне
1945 г.**

**Исключительный в истории
Советских Вооруженных Сил
документ — постановление
Совета Министров СССР об
увольнении в отставку
Маршала Советского Союза
1958 г.**

Дорогий Георгіє Костянтиновичу!

У радісні незабутні дні всенародного Свята Перемоги над гітлерівською Німеччиною, Рада Народних Комісарів Української РСР від імені українського народу шле Вам, сталінському полководцеві, який високо підніс славу переможної радянської зброї, гаряче вітання.

З Вашим ім'ям зв'язані історичні перемоги Червоної Армії під Москвою, Ленінградом, Сталінградом. Під Вашим командуванням радянські війська пронесли бойові прапори через землі Радянської України, визволили славу столицю братнього польського народу Варшаву, увірвались в фашистське лігво і піднесли над Берліном Прапор Перемоги.

Український народ завжди зберігатиме пам'ять про своїх визволителів, доблесних воїнів Першого Білоруського фронту.

Прийміть, дорогий Георгіє Костянтиновичу, наш скромний подарунок.

Бажаємо Вам ще більших успіхів у зміцненні славної Червоної Армії, безмежно відданій своєму народові і великій партії Леніна—Сталіна.

Голова Ради
Народних Комісарів
Української РСР

М. ХРУЩОВ.

31 травня 1945 р.
м. Київ.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 27 февраля 1958 г. № 240

Москва, Кремль

Об увольнении в отставку и материальном обеспечении Маршала Советского Союза Жукова Г.К.

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Уволить Маршала Советского Союза Жукова Г.К. в отставку, предоставить ему право ношения военной формы одежды.
2. Выплачивать т. Жукову Г.К. денежное содержание в сумме 5,5 тыс. рублей, склад по воинскому званию и процентную надбавку за выслугу лет; сохранить за ним медицинское обслуживание и лечение, оплату и содержание занимаемой квартиры (на равных основаниях с Маршалами Советского Союза, состоящими в кадрах Вооруженных Сил), легковую автомашину для личного пользования за счет Министерства обороны СССР; обязать Министерство обороны СССР предоставить т. Жукову Г.К. дачу с содержанием ее за счет Министерства.

Председатель
Совета Министров Союза ССР П. Булганин
Первый Деяний
Министров СССР А. Коробов

УД

Президент Сирии Шукри Куатли и министр обороны Сирии Абдуль Хасиб Раслан на приеме у министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова

вой, на пояснительной записке к которой рукой И.В. Сталина написано «Согласен», и у копии Указа Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении генералу армии Жукову Г.К. военного звания Маршал Советского Союза» от 18 января 1943 года. Интересно отметить, что Георгий Константинович был первым военачальником, удостоенным этого звания в годы Великой Отечественной войны. Вторым станет А.М. Василевский, третьим — И.В. Сталин.

В музее широко представлены также материалы о других крупнейших сражениях, в которых участвовал Г.К. Жуков — Курской битве, битве за Днепр, операции «Багратион», Висло-Одерской операции и битве за Берлин. За успешное проведение этих операций, большое полководческое мастерство и личное мужество Георгий Константинович был награжден вторым орденом Суворова, двумя орденами «Победа», второй «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

Среди большого числа представленных в экспозиции документов, шифровок, директив, писем, карт-схем много фотографий Георгия Константиновича, на которых можно видеть полководца в разные моменты того сурового времени. Но особый интерес вызывают расположенные в экспозиции личные вещи маршала: наручные часы, которые Жуков носил во время войны (они до сих пор в рабочем состоянии), предметы дорожного набора, са-

модельный нож, подаренный маршалу бойцами 2-го Украинского фронта.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ часть тематического комплекса мемориального кабинета посвящена Победе в Великой Отечественной войне. На фоне поверженных знамен и штандартов фашистской армии величественно и победоносно смотрится штандарт 1-го Белорусского фронта, пронесенный по Красной площади на Параде Победы 24 июня 1945 года. На одной из фотографий экспозиции Маршал Советского Союза Г.К. Жуков принимает этот исторический парад.

Здесь же представлены документы о капитуляции фашистской Германии. Необыкновенно выразительна фотография, на которой Георгий Константинович запечатлен в момент подписания от имени Советского Союза Акта о безоговорочной капитуляции Германии 9 мая 1945 года. Снимок никого не оставляет равнодушным. Представляют интерес и другие многочисленные фотографии того периода.

Далее экспозиция повествует о жизни и деятельности военачальника в послевоенный период, о всех превращениях, уготованных ему судьбой.

Материалы того времени открываются документами, среди которых — поздравительное письмо Председателя Совета Народных Комиссаров Украинской ССР Н.С. Хрущева, датированное 31 мая 1945 года, в котором Ни-

кита Сергеевич шлет «сталинскому полководцу, высоко поднявшему славу победоносного советского оружия, горячее поздравление». Как известно, позже, в 1957 году, расправляясь с Г.К. Жуковым, Хрущев уже говорил о полководце совершенно другое.

Интересны документы, рассказывающие о деятельности Г.К. Жукова на посту главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии и главноначальствующего Советской военной администрации (июль 1945 г. — март 1946 г.). Среди личных вещей Георгия Константиновича тех лет зажигалка и папка-портфель, подаренные ему Д. Эйзенхауэром. Отметим, что этих двух крупнейших военачальников Второй мировой войны связывали взаимная симпатия и подлинно дружеские отношения.

Дальнейшие материалы экспозиции повествуют о новых испытаниях, выпавших на долю Георгия Константиновича. Опальные годы не сломили этого мужественного человека.

На одной из фотографий, датируемой 1947 годом, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков — командующий Одесским военным округом на войсковых учениях. На более поздней фотографии, 1949 года, Георгий Константинович, уже командующий Уральским военным округом, — на первомайской демонстрации в Свердловске. Еще один интересный экспонат как штрих к портрету Георгия Константиновича — принадлежавшая ему листовка с нотами и текстом песни «Среди лесов дремучих», одной из его любимых песен.

Г.К. Жуков был необычайно одаренной натурой, любил и понимал музыку. После разгрома немцев под Москвой туляки подарили Георгию

**Георгий Константинович
с женой Галиной
Александровной Семеновой,
тещей Клавдией Евгеньевной
и дочерью Машей**
1968 г.

Константиновичу баян с пожеланием найти в нем нового фронтового друга, с которым можно скоротать редкие минуты отдыха. В течение года, учась урывками, Г.К. Жуков освоил баян, подбирая любимые песни на слух. Позже, уже в конце войны, он сам подарит своей дочери Эре аккордеон, желая, чтобы она тоже обучилась игре. Одна из представленных в экспозиции фотографий очень трогательна: Георгий Константинович со своими дочерьми Эрой и Эллой во время семейного концерта — а девчушек-то едва видно из-за инструментов. Еще одно из увлечений Г.К. Жукова — охота. На представленных снимках можно видеть его с охотничьими трофеями. Позже, когда здоровье Георгия Константиновича ухудшится, он займется «тихой охотой» — рыбной ловлей, с удовольствием изготавливая для этого и затем раздаривая блесны, одна из которых также представлена в экспозиции музея.

Должность командующего Уральским военным округом. Г.К. Жуков занимал до февраля 1953 года, после смерти И.В. Сталина он снова был вызван в Москву и в марте назначен первым заместителем министра обороны. Через два года, в феврале 1955

года Маршал Советского Союза Г.К. Жуков станет министром обороны СССР.

МОЖНО сказать, он стоял у истоков нового этапа в развитии Советских Вооруженных Сил — внедрения в войска ракетно-ядерного оружия. В сентябре 1954 года на Тоцком полигоне в Оренбургской области под руководством маршала состоялись военные учения со взрывом атомной бомбы. В музее имеются фотографии Г.К. Жукова во время проведения учений, копия его пропуска на Тоцкий полигон.

Как министр обороны Г.К. Жуков нередко бывал в зарубежных служебных командировках. Прославленного полководца везде встречали радушно, в знак глубокого уважения преподносили различные подарки. Некоторые из них можно увидеть в числе экспонатов. Есть просто уникальные вещи, например капсюльное пехотное ружье и капсюльный пистолет — оружие, с которым народ Бирмы воевал за свободу и независимость своей страны против английских колонизаторов в 1886 году.

После опалы в октябре 1957 года здоровье маршала пошатнулось, однако его жизненная стойкость, сильная воля, любовь к своему народу и неизменная вера в него помогли ему выстоять и на этот раз. Продолжая исполнять свой долг патриота, Георгий Константинович решает написать книгу воспоминаний.

Разнообразные экспонаты, представленные в кабинете-музее, прекрасно иллюстри-

**Фрагмент рабочего кабинета
министра — уголок для
переговоров**

руют этот период деятельности его хозяина. Это и страницы его рукописи, и фотографии Георгия Константиновича в период работы над книгой, материалы его переписки с редакторами книги.

Доброй человеческой теплотой веет от фотографий, где Г.К. Жуков представлен в кругу своих близких и друзей. В тяжелые для Георгия Константиновича годы опалы и во время напряженной работы над книгой его фронтовые друзья, вторая жена Галина Александровна и дочь Маша оказывали ему большую поддержку. Не забывали своего прославленного земляка и калужане.

Свою книгу воспоминаний маршал считал делом весьма важным: после выхода в свет первого издания он трудился над подготовкой второго, исправленного и дополненного. Однако увидеть его ему уже не довелось.

Великий полководец скончался 18 июня 1974 года. Его прах захоронен в Кремлевской стене на Красной площади.

Среди представленных в музее материалов — документы об увековечении памяти легендарного полководца: копия Указа Президента России от 9 мая 1994 года об учреждении ордена Жукова и медали Жукова и Почетное свидетельство о присвоении малой планете 2132 названия «Малая планета 2132 ЖУКОВ».

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ кульминация экспозиции — рабочий кабинет военачальника. Архитектура и масштаб помещения производят на входящих неизгладимое впечатление, а воссозданная обстановка того времени создает ощущение, что министр, оторвавшись от бесконечных дел, просто на минутку вышел. Строгий, лаконичный интерьер украшают лишь бюсты русских полководцев А.В. Суворова и М.И. Кутузова и две художественные картины. В центре — двухтумбовый резной стол, за которым работал маршал, рядом концентратор с телефонными аппаратами. Слева со стороны входа в кабинет находится стол для заседаний, справа — массивный четырехстворчатый книжный шкаф. Вся находящаяся здесь мебель выполнена в стиле 40—50-х годов прошлого века. И лишь часть экспозиции, размещенная в кабинете, напоминает, что здесь все-таки музей.

Среди экспонатов повседневный китель полководца, личное Почетное оружие — шашка с золотым изображением Государственного герба СССР. На накладках ножен шашки нанесены надписи — на левой стороне «Маршалу Советского Союза Жукову Г.К.», на правой — «За заслуги перед Вооруженными Силами СССР от Президиума Верховного Совета СССР». Этим оружием Жуков был награжден 22 февраля 1968 года в честь 50-летия Вооруженных Сил СССР.

Здесь же представлены советские награды, которыми были отмечены заслуги Г.К. Жукова. Среди них — 6 орденов Ленина, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Суворова (муляжи), 2 ордена «Победа» (муляжи), орден Октябрьской революции и 15 медалей, а также подарки, поздравительные адреса, преподнесенные Г.К. Жукову руководителями ряда государств и военных ведомств. Особое внимание привлекает «Крылатый меч». Клинок украшен насеченным орнаментом и надписями на бирман-

ском языке, деревянные ножны окованы серебром и украшены орнаментом и чеканкой. Надпись, выполненная на рукояти, говорит о том, что меч преподнесен Георгию Константиновичу от имени личного состава войск Северного военного округа Бирмы 12 февраля 1957 года.

Среди личных вещей и документов полководца имеется и партийный билет Г.К. Жукова. Примечательный факт: когда маршала сняли с партийного учета в Министерстве обороны, он встал на учет в партийной организации одного из предприятий г. Москвы.

Заканчивается осмотр Мемориального кабинета-музея в комнате отдыха. Обстановка также лаконична и сдержанна, как и в рабочем кабинете. Украшением являются размещенные здесь художественные картины на тему охоты и русской природы, такими любимыми Георгием Константиновичем, да великолепная архитектура помещения.

В заключение хотелось бы отметить, что за прошедшее десятилетие было многое сделано для развития экспозиции музея: появились новые документы и материалы, предметы интерьера.

Как и в любом музее, здесь ведется научная работа, заключающаяся прежде всего в поиске и изучении новых документальных источников, поиске людей, в разное время работавших и общавшихся с Георгием Константиновичем.

Многочисленные слова благодарности, оставленные посетителями в Книге отзывов, говорят о том, что наша работа нужна людям, так как служит делу сохранения памяти о великом полководце, патриотического воспитания подрастающего поколения, содействует восстановлению исторической правды о событиях Великой Отечественной войны и той роли, которую сыграл в них четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

О.В. ВИНОГРАДОВА

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ЗАСЕДАНИЕ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ РОССИЙСКОГО ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА «ПОБЕДА»

В РОССИЙСКОМ государственном военном историко-культурном центре при Правительстве РФ (Росвоенцентре) под председательством руководителя рабочей группы директора Росвоенцентра Ю.П. Квятковского состоялось очередное заседание рабочей группы Российского организационного комитета «Победа» по координации военно-патриотической работы среди молодежи. Основным вопросом обсуждения стало участие государственных средств массовой информации (СМИ) в военно-патриотическом воспитании молодежи. С докладом на заседании выступили советник заместителя руководителя Роспечати А.И. Гагаркин, заместитель генерального директора телеканала «Россия» С.Л. Шумаков, начальник управления по делам печати, издательства и полиграфии при правительстве Республики Башкортостан Б.Н. Мелкоедов, председатель комитета Ставропольского края по печати, связи и информатизации Ф.В. Бармин.

В ходе обсуждения докладов были одобрены позитивные сдвиги в деятельности Роспечати, ВГТРК, СМИ Республики Башкортостан и Ставропольского края по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Федеральному агентству по культуре и кинематографии предложено сохранять и развивать действующие телевизионные программы и циклы передач для молодежи, организовать показ на телевидении фильмов-победителей фестивалей и конкурсов по военно-патриотической тематике, стимулировать создание музейных экспозиций, проведение выставок, освещающих военную историю Отечества. Было рекомендовано ведущим центральным и региональным СМИ совместно с Минобороны России, МВД, ФСБ, другими заинтересованными министерствами и ведомствами ввести отдельные рубрики (темы) по выпуску хроникально-документальных кино- и видеофильмов о жизни и деятельности силовых министерств и ведомств с использованием архивных материалов. Роспечати поручено рассмотреть возможность проведения дополнительных мероприятий по разоблачению фальсификаций истории Отечества, а также осуществлять издательскую деятельность, направленную на расширение фактографической базы исторических событий, публикацию новых архивных документов.

*Е.С. ДАНИЛИНА,
О.С. ИГНАТОВА,
студентки Московского
гуманитарно-экономического
института*

ВОЕННЫЕ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛИ НА СТРАЖЕ РУБЕЖЕЙ ОТЧИЗНЫ

**7 декабря 1916 года
была создана Служба
штаб-офицера
по воздухоплаванию
полевого генерал-
инспектора Военного
воздушного флота.
Эта дата приказом
главнокомандующего
Военно-воздушными
силами РФ от 2 августа
2000 года объявлена
Днем
Воздухоплавательной
службы ВВС.**

ИСТОРИЯ же военного воздухоплавания началась гораздо раньше. В декабре 1869 года из офицеров Генерального штаба, артиллеристов и представителей инженерного ведомства была создана специальная комиссия для практической разработки вопроса о воздухоплавании под председательством генерал-инспектора армии по инженерной части, инженер-генерала Э.И. Тотлебена. В следующем году из отечественных материалов был построен первый русский привязной аэростат и начаты его практические испытания.

В середине июля 1870 года, когда комиссия Э.И. Тотлебена установила, что привязной аэростат может принести большую пользу армии, он походным порядком был переведен в Усть-Ижорский саперный лагерь, где с 28 июля по 1 августа¹ в воинских частях производились его первые подъемы. Поэтому Комиссия истории техники при Академии наук СССР установила дату зарождения русского военного воздухоплавания 1 августа 1870 года². В 1880 году основан воздухоплавательный отдел Русского технического общества, в 1885 году в Петербурге учреждена кадровая команда военных воздухоплателей, реорганизованная в 1890 году в Воздухоплавательный парк, размещавшийся на Волковом поле.

Первый боевой опыт русские военные воздухоплатели по-

К 90-летию Воздухоплавательной службы Военно-воздушных сил

лучили в Русско-японскую войну 1904—1906 гг., а именно 12 июня 1904 года в районе д. Гудзяцы³. Опыт оказался успешным, и командующие армиями начали обращаться в Военное министерство с просьбами о срочной присылке в их распоряжение воздухоплавательных частей.

После войны для русских военных воздухоплателей наступил период теоретической и практической учебы. В 1909 году было совершено 50 полетов, а в 1910-м — уже 91 полет. В 1908 году по проекту А.И. Шабского в России построен первый дирижабль. В то время вопросами военного воздухоплавания в стране ведало 3-е отделение Электротехнической части Главного инженерного управления (ГИУ). Приказом военного министра от 11 сентября 1912 года при Главном управлении Генерального штаба создается Воздухоплавательный отдел, а при ГИУ — Воздухоплавательный комитет. Отдел выполнял задачи по формированию и боевой подготовке воздухоплавательных частей, ему была передана и офицерская Воздухоплавательная школа, а комитет занимался техническими вопросами.

К началу Первой мировой войны в русской армии имелось 14 воздухоплавательных частей, в 1917 году их было уже 89, в том числе 2 морских. В 1914—1918 гг. в России было построено 700 аэростатов⁴, разрозненные части выросли в отдельный род войск⁵, способный решать многие боевые задачи, прежде всего разведки и корректировки артиллерийского огня. 10 сентября 1915 года начальник Штаба Верховного главнокомандующего приказом по действующей армии создал единое Управление заведующего авиацией и воздухоплаванием, которое 3 декабря следующего года реорганизовалось в Управление полевого генерал-инспектора Военно-воздушного флота при Верховном главнокомандующем. В апреле 1917 года это управление было переформировано в Полевое управление авиации и воздухоплавания (ПУАВ) при Штабе Верховного главнокомандующего.

После Октябрьской революции при Управлении морской авиации и воздухоплавания учреждается должность комиссара, ведающего этими вопросами, а в декабре 1917 года создаются части авиации и воздухо-

Э.И. Тотлебен

А.М. Кованько

**Подъем аэростата
«Парсеваль»
с бронеплощадки**

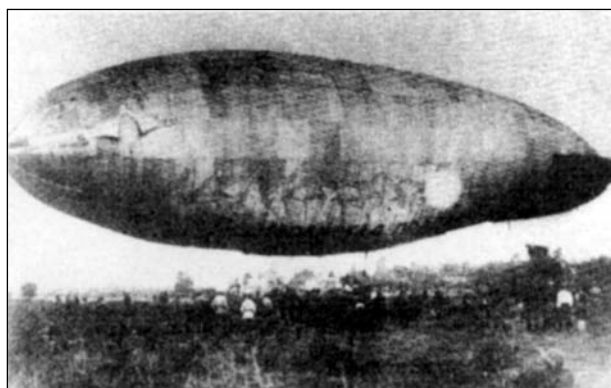
Южный фронт, май 1919 г.

плавания. Нужно отдать должное новой власти — она сумела довольно быстро собрать технику и заново организовать воздухоплавательные отряды, используя старых специалистов и прежнюю организационную структуру и тактику их применения. В ходе Гражданской войны аэростаты Красной армии поднимались на всех фронтах — от знойной Бухары до морозного Архангельска и Дальнего Востока. Всего было выполнено свыше 7000 боевых подъемов привязных аэростатов.

1930-е годы начались полеты в стратосферу с помощью стратостатов⁶. В короткие сроки был построен стратостат «СССР-1» полностью из отечественных материалов. Он стартовал 30 сентября 1933 года в Кунцево (тогда это было ближе к Подмосковию) и достиг высоты 19 км⁷. Началось также строительство дирижаблей. Конструкторами первых советских дирижаблей

Дирижабль «Комсомольская правда»

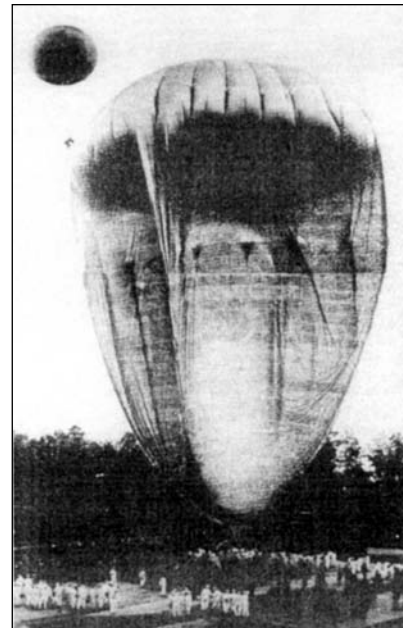
1930 г.

были Е.Д. Карамышев и Н.В. Фомин. Тренировочные полеты и полеты с научными целями на аэростатах и дирижаблях стали обычным явлением. Советские воздухоплаватели покорили 17 из 24 официально зарегистрированных международных рекордов⁸. Так, на дирижабле «СССР В-6», объемом около 19 000 м³, длиной 105 м, полезной нагрузкой 8,5 т в 1937 году был установлен международный рекорд продолжительности полета (130 ч 27 мин). Он был превзойден только через 27 лет дирижаблем США (264 ч без посадки)⁹. Можно сказать, 1930-е годы были «золотым веком» воздухоплавания, но именно в эти годы начался и его упадок. Количество воздухоплавательных частей в Красной армии резко сократилось, а к 1941 году их осталось только две.

14 мая 1941 года был издан приказ по Главному управлению ПВО, определивший: «Воздухоплавательный отдел с аппаратом военных представителей на предприятиях промышленности и опытно-испытательным дивизионом... считать в составе Главного управления ПВО Красной армии...»¹⁰. Отдел возглавил полковник Сахаров Андрей Александрович. В 1943 году постановлением ГКО отдел был реформирован в Управление воздухоплавания, которое в октябре 1943 года передало из Центрального штаба войск ПВО в Главное артиллерийское управление (ГАУ)¹¹. Начальником управления остался генерал-майор инженерно-авиационной службы А.А. Сахаров.

В ГОДЫ Великой Отечественной войны воздухоплавательные части находились в четырех родах войск, выполняя в каждом из них свои боевые задачи¹². В войсках ПВО страны и в ПВО ВМФ применя-

**Подготовка к старту
стратостата «СССР-1»**

1933 г.

лись отдельные отряды, дивизионы, полки и дивизии аэростатов заграждения (АЗ), входившие во фронты ПВО на территории от Баренцева до Черного и Каспийского морей и на Дальнем Востоке. Располагались они в боевых порядках, взаимодействуя комплексно с истребительной авиацией (ИА) и зенитной артиллерией (ЗА). Аэростаты заграждения вместе с ИА и ЗА защищали от налетов вражеской авиации промышленные города, отдельные особо важные стратегические узлы. Аэростаты заграждения, уходя на высоту до 4—5 км, поднимали за собой стальной трос, оснащенный автоматикой и минами фугасного действия, образуя минно-тросовое поле заграждения. Противник вынужден был со-

Транспортно-пассажирский дирижабль

1937 г.

Р.М. Собченко

П.И. Друзенков

В.З. Жевагин

В.П. Черноусов

вершать налеты на высотах более 5 км, что уменьшало прицельность бомбометания.

В сухопутных войсках применялись аэростаты артиллерийского наблюдения (АН). В их задачу входила визуальная разведка переднего края и тыла противника на глубину до 10—20 км: выявление его боевых (огневых) средств, перемещение войск, выдача целеуказаний, корректировка огня. Решать их было не легко в условиях открытой гондолы при сильной качке под напором ветра, сильном морозе, а особенно, когда по аэростату либо бьют шрапнелью, либо вражеские истребители расстреливают его с близкой дистанции.

Всего на фронтах Великой Отечественной войны действовало до 30 отрядов АН, сведенных в девять дивизионов. Ими совершено 19 985 ночных и дневных подъемов, разведано 4617 артбатарея, 155 танковых колонн, 506 скоплений пехоты и других целей, проведено 2696 корректировок огня, уничтожено и подавлено 1716 артиллерийских батарей противника¹³.

В составе воздушно-десантных войск (ВДВ) с помощью привязных аэростатов велось обучение парашютистов-десантников боевым прыжкам. В 1942 году для ускорения подготовки десантников в ВДВ был сформирован воздухоплавательный дивизион. Его отряды находились непосредственно в полках и дивизиях ВДВ. Учебный прыжок с аэростата с высоты 500—600 м оказывался в 100 раз экономичнее, чем с самолета. В некоторых отрядах при круглосуточных подъемах совершалось до 2000 прыжков в сутки. За годы войны (с апреля 1942 г.) было совершено 540 152 учебно-тренировочных парашютных прыжка, причем почти все безаварийные¹⁴.

Таблица

Начальники Воздухоплавательной службы ВВС (1956—2006 гг.)

Воинское звание	Фамилия, имя, отчество	Пребывание в должности
Генерал-майор	Собченко Ростислав Михайлович	1956—1963
Генерал-майор авиации	Друзенков Павел Иванович	1963—1976
Генерал-майор	Жевагин Владимир Захарович	1976—1986
Генерал-майор	Черноусов Владилен Петрович	1986—1989
Генерал-майор	Зацепин Василий Иванович	1990—1991
Полковник	Мошаров Валерий Васильевич	1991—1992
Полковник	Прохоров Николай Алексеевич	1992—2000
Полковник	Ступников Владимир Иванович	2000 — по наст. время

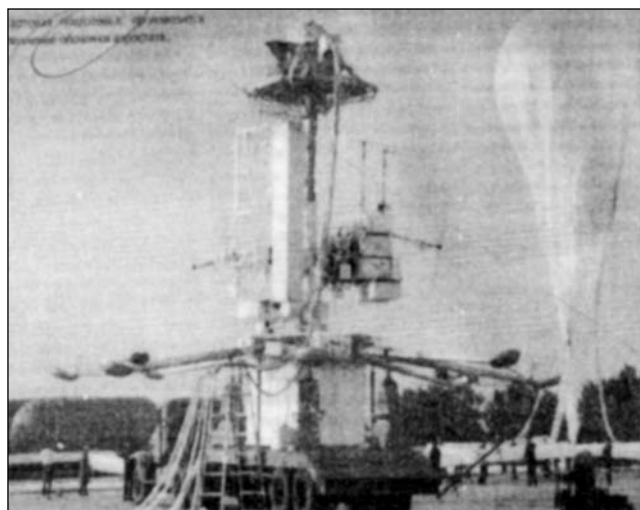
За годы Великой Отечественной войны¹⁵ было выпущено около 10 тыс. аэростатов, более 1500 лебедок ЛЗ-3, до 30 млн м аэростатных тросов, добыто и использовано для аэростатов не менее 30—40 млн м³ водорода.

В 1956 году аэростаты заграждения в нашей стране сняли с вооружения, части АЗ расформировали. Аэростаты наблюдения состояли на вооружении Сухопут-

ных войск до середины 1950-х годов, когда выполняемые ими задачи перешли к вертолетам. Парашютная же подготовка с использованием аэростатов проводилась в Воздушно-десантных войсках вплоть до 1959 года.

Подготовка аэростата к старту с астрономической станции «Сатурн»

1967 г.

В.И. Зацепин

В.В. Мошаров

Н.А. Прохоров

структорскому бюро автоматики (ДКБА), основанному в 1957 году на базе воздухоплавательной лаборатории ЦАГИ № 13 и производственных мощностей бывшего «Дирижаблестроя», включая дирижабельный эллинг. Главным конструктором ДКБА был назначен М.И. Гудков (один из конструкторов самолетов типа «ЛаГГ»). Долгопрудненское КБ автоматики, которым с конца 1957 года стал руко-

В СЕРЕДИНЕ 1950-х годов перед отечественным военным воздухоплаванием встали новые задачи — нужно было создавать и осваивать автоматические дрейфующие аэростаты. На то имелись объективные причины. В США конец 1940 — начало 1950-х годов стал периодом бурного развития автоматических аэростатов (АА). После войны они широко использовались для заброски в страны социалистического лагеря агитационно-пропагандистских материалов, а также для размещения на них средств воздушной разведки. С 1955 по 1957 год на страны соцлагеря с территорий ФРГ и Турции были отправлены многие тысячи АА. Так, только в 1956 году в Бакинском округе ПВО сбили более 400 аэростатов-фоторазведчиков¹⁶.

В этих условиях советское правительство поставило перед промышленностью и Министерством обороны задачу всемерного развития эффективных

средств обнаружения воздушного противника и перехвата любых воздушных целей. Одновременно стало очевидным отставание СССР от США в развитии воздухоплавательных средств. Поэтому в постановлении правительства от 28 ноября 1956 года большое внимание уделялось восстановлению в СССР промышленной и испытательной баз воздухоплавания.

Реализация данного постановления в 1956 году шла под руководством инженер-полковника Р.М. Собченко. Так была создана Воздухоплавательная служба ВВС, действующая и поныне. 15 июля 1957 года был сформирован Воздухоплавательный научно-испытательный исследовательский центр ВВС (ВНИИЦ ВВС), формирование которого производил генерал-майор инженерно-технической службы П.К. Рыжаев.

В промышленности воздухоплавательная тематика была поручена Долгопрудненскому кон-

структорскому бюро автоматики (ДКБА), основанному в 1957 году на базе воздухоплавательной лаборатории ЦАГИ № 13 и производственных мощностей бывшего «Дирижаблестроя», включая дирижабельный эллинг. Главным конструктором ДКБА был назначен М.И. Гудков (один из конструкторов самолетов типа «ЛаГГ»). Долгопрудненское КБ автоматики, которым с конца 1957 года стал руко-

водить В.П. Григорьев, оперативно проводило разработку и отработку опытных образцов воздухоплавательной техники.

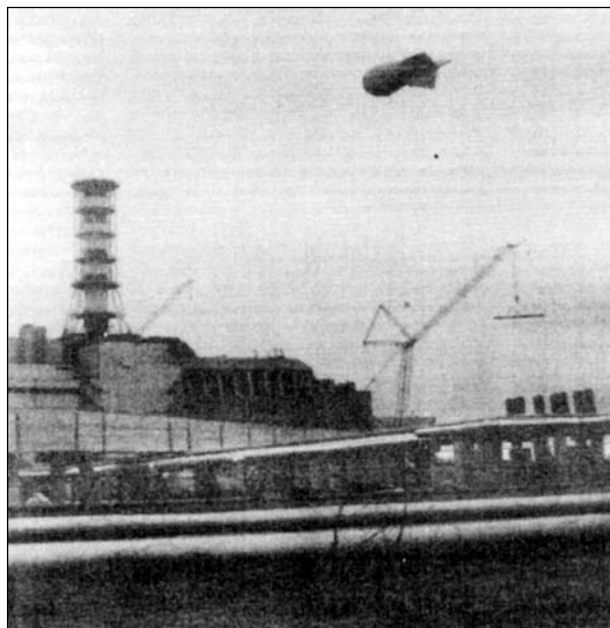
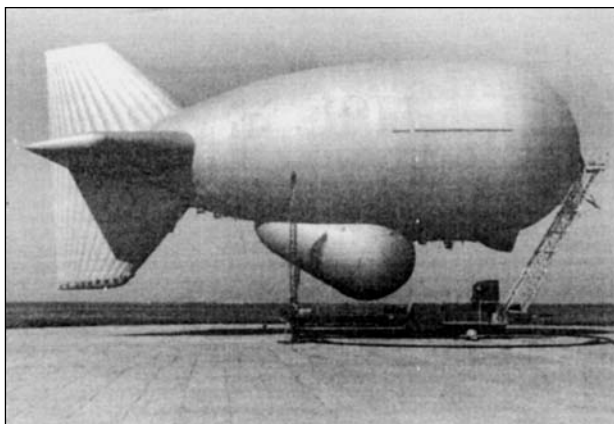
В 1958—1961 гг. готовились задания тактико-технических требований к разработке АА и стартовых устройств к ним, создания и проведения заводских и государственных испытаний (ГИ) первого поколения отечественных АА и средств наземного обслуживания (СНО). В эти годы развернулись научно-исследовательские работы (НИР) по созданию методик государственных и контрольных испытаний образцов воздухоплавательной техники (ВПТ), их аппаратуры и СНО, велись разработки и обоснования по прогнозированию траекторий полетов АА на высотах до 30 км. Военные воздухоплаватели освоили применение агитационных аэростатов, фоторазведчиков, аэростатов радиоэлектронной борьбы (постановка

Привязной аэростат на ЧАЗС при выполнении задачи

1986 г.

Опытный образец аэростатного радиолокационного комплекса

1990 г.

пассивных радиопомех) и боевого действия, а также высотную аэростатную лабораторию. На Камчатке был создан филиал ВНИИЦ ВВС, освоена воздушная трасса протяженностью до 9000 км для полетов стратосферных аэростатов в научных целях. Военные воздухоплаватели также неоднократно привлекались к участию в различных мероприятиях, проводимых Министерством обороны СССР.

В начале 1970-х годов по заказу ВВС Долгопрудненское КБ автоматики приступает к разработке аэростатного межконтинентального стратосферного комплекса. В те же годы начинается изготовление пневматических сооружений военного назначения — надувных ангаров. Вскоре подобные сооружения появились и в народном хозяйстве.

В период с 1962 по 1980 год принят на вооружение целый ряд АА для решения различных задач. В это же время были созданы и испытаны аэростаты «Волга» и «АС». Аэростат-лаборатория «Волга» предназначался для медико-биологических исследований и испытаний индивидуальных средств спасения экипажей высотных и стратосферных летательных аппаратов. С этого аэростата 1 ноября 1962 года испытателями парашютов были установлены два мировых рекорда по прыжкам с парашютом из стратосферы: П.И. Долговым с высоты 25 350 м с немедленным раскрытием парашюта, а Е.Н. Андреевым с высоты 25 180 м и раскрытием парашюта на 800 м. За мужество и героизм при испытании спасательных средств П.И. Долгову (посмертно) и Е.Н. Андрееву было присвоено звание Героя Советского Союза. В это же время начались испытания аэростата «АС», предназначенного для полетов с астрономической станцией «Сатурн» массой 6000 кг на высоту 20 тыс. м¹⁷.

Для отработки вопросов боевого применения создаваемой воздухоплавательной техники по инициативе и под руководством Воздухоплавательной службы ВВС в 1975—1977 гг. был сформирован ряд воздухоплавательных частей, в частности, в Одесском и Среднеазиатском военных округах.

С 1980 по 1990 год проводились работы по модернизации существующих АА, ПА и повышению их эффективности, улучшению характеристик средств наземного обслуживания.

В начале 1980-х годов Воздухоплавательная служба ВВС организовывала применение аэростатных ретрансляторов связи на территории Афганистана и Сирии, в результате чего был накоплен первый опыт по боевому применению данного типа воздухоплавательной техники в реальных боевых условиях. Полученный результат подтвердил высокую эффективность при низкой стоимости выполнения задачи аэростатных ретрансляторов связи.

В 1986 году специалисты Воздухоплавательной службы ВВС О.И. Русак и Н.А. Прохоров организовывали и непосредственно принимали участие в подъемах привязного аэростата с мощной осветительной установкой для обеспечения телеуправления краном при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

До 1989 года Воздухоплавательная служба ВВС входила в состав аппарата начальника вооружения ВВС, являясь генеральным заказчиком Министерства обороны СССР по воздухоплавательной технике, пневматическим сооружениям военного назначения и решала вопросы боевого применения воздухоплавательных частей. В январе 1989 года Воздухоплавательную службу подчинили начальнику Главного штаба ВВС. В период с 1991 по 2003 год была проведена оптимизация структуры и состава воздухоплавательных частей с сохранением их основных жизненно важных структур. Имеющейся воздухоплавательной техники ныне достаточно для формирования двух отдельных воздухоплавательных эскадрилий. Продолжается разработка и принятие на вооружение воздухоплавательной техники четвертого поколения. Воздухоплавательные средства используются в интересах ВМФ, Пограничных войск, а также Российской академии наук.

Воздухоплавательная служба ВВС осуществляет также надзор за полетами аэростатов над территорией Российской Федерации. Специалисты службы активно участвуют в решении вопросов безопасности полетов и контроля состава бортовой аппаратуры при полетах аэростатов иностранных государств над территорией России. Служба помимо прочего проводит техническое освидетельствование воздушных шаров аэронавтов-любителей.

В заключение следует отметить, что приоритеты экономической целесообразности и экологической безопасности, технические и технологические достижения последних лет обуславливают повышенный интерес к развитию воздухоплавательных летательных аппаратов. Учитывая возможность расширения их применения в практических целях, Воздухоплавательная служба ВВС совместно с институтами Минобороны РФ разработала Концепцию развития воздухоплавательных комплексов до 2015 года, где отражены интересы не только МО РФ, но и других министерств и ведомств. Специалисты выражают уверенность, что реализация концепции позволит поднять отечественное военное воздухоплавание на качественно новый уровень, значительно расширить спектр задач, решаемых с помощью воздухоплавательных средств, сохранить и развить в интересах Вооруженных сил богатейший опыт российских воздухоплавателей — разработчиков, конструкторов, пилотов, инженеров, испытателей, накопившийся за всю многолетнюю историю отечественного воздухоплавания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даты по 14 февраля (1 февраля по ст. ст.) 1918 г. приводятся по старому стилю.

² Воздухоплаватель. Издание Федерации воздухоплавания России. 1997. № 1(7). С. 14.

³ Там же.

⁴ А.И. Бернштейн, В.П. Кораблев, М.И. Павлушенко. Отечественное воздухоплавание. М.: Московская федерация воздухоплавания, 1994. Т. 1. С. 184.

⁵ Там же. С. 196.

⁶ Воздухоплаватель России. Издание Федерации воздухоплавания России. 1995. С. 18.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 72. Оп. 12274. Д. 72. Л. 161.

¹¹ Там же. Оп. 12278. Д. 2. Л. 76.

¹² Воздухоплаватель. 1999. № 2(16). С. 26.

¹³ Воздухоплаватель России. 1995. С. 20.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Воздухоплаватель. 1999. № 2(16). С. 27.

¹⁶ Там же. 1997. № 2(8). С. 20.

¹⁷ Там же.

**Полковник
В.И. СТУПНИКОВ;
полковник запаса
Ф.Т. ЛЕОНОВИЧ**

ВОЙСКОВАЯ ЗЕНИТНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Расчет 37-мм автоматической зенитной пушки образца 1939 г. на огневой позиции

ГОТОВЯСЬ к войне против Советского Союза, гитлеровское командование развернуло вдоль его границ четыре из пяти воздушных флотов — три четверти всего состава своих ВВС, которые дополнялись ВВС союзников Германии по агрессии (см. схему). В распоряжении фашистского руководства находилась и почти вся авиационная промышленность Ев-

ропы. Только в 1941 году на авиазаводах Германии и оккупированных ею государств было произведено более 11 тыс. самолетов¹.

К июню 1941 года люфтваффе насчитывали 5000 боевых самолетов в составе действующих частей и 5100 самолетов в резерве и ремонте. 57,8 проц. их составляли бомбардировщики (5840), 31,2 проц. — истребители (3150) и 11 проц. —

разведчики (1110)². Помимо этого немцы имели значительное количество самолетов транспортной и морской авиации.

Непосредственно у границ СССР в распоряжении гитлеровского командования было 4305 самолетов³. Летный состав уже имел боевой опыт, приобретенный в ходе сражений Второй мировой войны в Польше, Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании и в небе над Англией, а до этого — в Испании. Были отработаны приемы действий авиации, в том числе по авиационной поддержке танковых и механизированных войск.

Рассчитывая на скорую победу, германское командование в своем плане войны с Советским Союзом («Барбаросса») определило, что основная задача ВВС должна заключаться в том, чтобы по возможности парализовать и ликвидировать деятельность русской авиации, а также в том, чтобы поддерживать операции армии на ее решающих направлениях...». Поэтому «в целях сосредоточения всех сил для борьбы против неприятельской авиации и непосредственной поддержки армии не следует во время главных операций совершать нападение на промышленность».

К началу Великой Отечественной войны советская войсковая зенитная артиллерия не являлась фактором оперативного и тем более оперативно-стратегического значения. Она организационно входила лишь

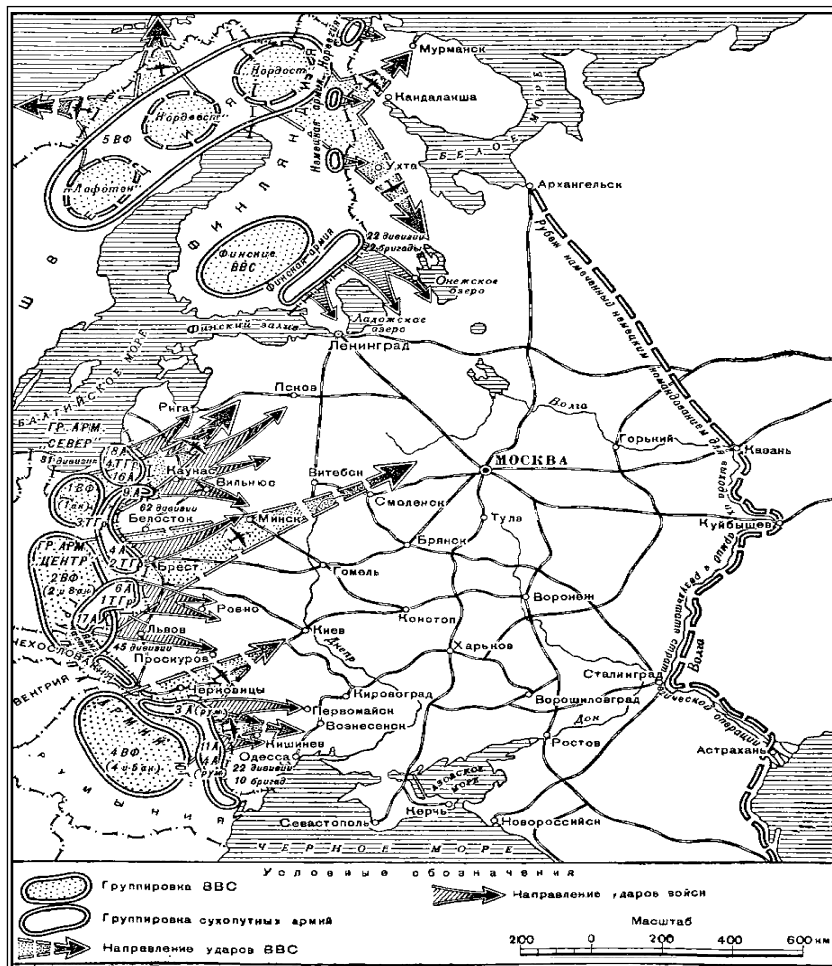

Схема. Группировка сухопутных войск и ВВС Германии и ее союзников в исходном положении перед нападением на СССР в июне 1941 г.

Таблица 1

Потери советской и немецкой авиации за период с 22 по 30 июня 1941 года

Фронты	Характер потерь					
	Советские ВВС			ВВС противника		
	в воздушных боях	на аэродромах	от огня ЗА	в воздушных боях	на аэродромах	от огня ЗА
Северный	25	—	—	20	76	4
Северо-Западный	226	465	49	28	—	—
Западный	350	686	116	372	40	10
Юго-Западный	180	304	70	25	3	—
Южный	54	19	4	168	41	35
ИТОГО	835	1474	239	613	160	49

Составлено по: Военное искусство во Второй мировой войне. М.: ВАГШ, 1973. С. 421.

в состав стрелковых дивизий и корпусов, а также соответствующих соединений кавалерии и автоброне-танковых войск. Маневр зенитной артиллерии ограничивался полосами действий стрелковых дивизий и корпусов.

Стрелковый корпус в своем составе имел отдельный зенитный артиллерийский дивизион из трех четырехорудийных батарей 76-мм зенитных пушек образца 1938 года или 85-мм зенитных пушек образца 1939 года с приборами управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО-2 или ПУАЗО-3). Стрелковая дивизия имела по штату отдельный зенитный артиллерийский дивизион со смешанным вооружением — две четырехорудийные батареи 37-мм зенитных пушек образца 1939 года и одна четырехорудийная батарея 76-мм зенитных пушек образца 1938 года (штат дивизиона, утвержденный 5 апреля 1941 г.). Кроме того, в каждом стрелковом полку имелись роты 7,62-мм зенитных пулеметов или 12,7-мм зенитных крупнокалиберных пулеметов образца 1938 года.

Таким образом, исходя из комплектов частей и подразделений войсковой зенитной артиллерии, которые находились в составе стрелковых войск, видно, что она имела перед войной три вида вооружения: зенитные пулеметы, малокалиберную (МЗА) и среднекалиберную (СЗА) зенитную артиллерию. Средствами тяги служили: для систем СЗА — трактора типа ЧТЗ-65, для систем МЗА — автотягачи типа ЗИС-5, зенитные пулеметы монтировались на автомашинах ГАЗ-АА и ГАЗ-ААА. Считалось, что такое вооружение соответствовало требованиям, предъявлявшимся к зенитной артиллерии для ведения борьбы с воздушным противником, и оно могло с достаточной степенью эффективности противодействовать авиации противника того времени и способам ее применения — бомбометанию с пикирования и горизонтального полета со средних и больших высот.

Однако вооружение для зенитной артиллерии в войска поступало в недостаточном количестве, что потребовало уже в самом начале войны пойти на сокращение ее штатной численности. Директивами Генерального штаба от 30 июня, 12 и 18 июля 1941 года были установлены новые, сокращенные штаты для стрелковых дивизий, которыми предусматривались дивизионы зенитной артиллерии двухбатарейного состава: в первой батареи шесть 37-мм и во второй — четыре 76-мм зенитных пушек. Стрелковые и другие дивизии содержались как по новым, так и по старым штатам, поэтому состав зенитных частей был неоднородным. Новые стрелковые дивизии формировались уже без зенитных дивизионов.

С началом войны вражеская авиация нанесла массированные удары по аэродромам базирования нашей авиации, складам с боеприпасами западных военных округов. В результате наша авиация понесла огромные потери: только за первый день было уничтожено 1200 самолетов⁴. Добившись подавляющего

превосходства в воздухе, авиация противника, осуществляя разведывательные полеты, бомбардировочные и штурмовые действия, приступила к решению следующих задач, нанося удары по боевым порядкам войск, колоннам на марше, войскам в районах погрузки и выгрузки, воинским эшелонам в пути следования, пунктам управления, штабам и узлам связи, узловым железнодорожным станциям и перегонам, базам снабжения, мостам и переправам, административным объектам и населенным пунктам.

Воздушный противник действовал преимущественно днем группами в составе 3—6; 9—12; 18—24 самолетов и реже 30—40 и более самолетов, в основном с высот 1000—2000—3000 метров⁵, летчики вели визуальное наблюдение для отыскания целей и прицельного бомбометания. Ночные действия применялись редко, главным образом для ударов по стационарным объектам.

В условиях нарастающей активности авиации противника основная тяжесть борьбы ложилась на войсковую зенитную артиллерию фронтов, непосредственно прикрывавшую войска во всех видах их боевой деятельности. Удары воздушного противника по нашим войскам и объектам не оставались безнаказанными. В результате противодействия сил и средств, привлекавшихся для ПВО — истребительной авиации и зенитной артиллерии, воздушный противник также нес значительные потери. Только за период с 22 по 30 июня 1941 года фашистские ВВС потеряли 822 самолета (табл. 1), из-за чего уже со второго месяца войны вынуждены были изменить способы действий. Бомбардировщики противника стали осуществлять налеты под прикрытием истребителей, широко применяли противозенитный маневр (изменение курса, высоты полета, заход со стороны солнца, из-за облаков, пикирование в различные точки прицеливания), уклоняясь от зенитного огня, совершали быстрый уход из

Таблица 2

Укомплектованность техникой и вооружением зенитных частей Юго-Западного фронта по состоянию на 1 сентября 1941 года

Вооружение и техника	В частях ПВО страны		В войсковых зенитных дивизионах	
	по штату	в наличии	по штату	в наличии
85-мм пушки	176	156	—	—
76-мм пушки	204	177	200	41
37-мм пушки	116	40	324	30
12,7-мм пулеметы	183	6	—	24
7,62-мм пулеметы	127	198	62	26
Тракторы	105	17	153	45
Автомашины	417	234	919	303

Составлено по: Архив ВВС ВС РФ. Д. 24. Л. 10—45.

зоны обстрела, предпринимали различные способы подавления зенитных средств, в том числе путем выделения для этих целей специального наряда самолетов. Однако все эти мероприятия лишь частично достигали своей цели — эффективность и результативность действий авиации противника продолжали снижаться, а потери самолетов — увеличиваться.

Боевые действия войсковая зенитная артиллерия в первый период Великой Отечественной войны вела в тяжелых условиях. Некоторые зенитные части с началом войны не были полностью отмобилизованы. В ходе напряженных боев войсковые зенитчики несли потери в личном составе и материальной части. За счет зенитной артиллерии оснащались формирувавшиеся истребительно-противотанковые части, а зачастую она сама привлекалась для борьбы с танками противника, что особенно было характерно для начального периода войны. Положение осложнялось начавшейся эвакуацией промышленных предприятий, производивших зенитное артиллерийское вооружение. Однако, несмотря ни на что, войсковая зенитная артиллерия во взаимодействии с истребительной авиацией ВВС фронтов в противоборстве с вражеской авиацией продолжала наносить ей ощутимые потери, существенно ограничивая ее воздействие по нашим войскам и объектам.

О наличии и укомплектованности частей войсковой зенитной артиллерии в первые месяцы войны можно ориентировочно судить по данным Юго-Западного фронта (табл. 2). В дивизионах насчитывалось: 76-мм пушек — 41, 37-мм пушек — 30, что составляло укомплектованность от штатной потребности около 20 и 10 проц. соответственно⁶. Некомплект вооружения значительно ограничивал боеспособность частей войсковой зенитной артиллерии и снижал ее возможности по прикрытию войск и объектов от ударов воздушного противника.

Прикрытие войск от ударов воздушного противника в целом было очень слабым. Следствием недостатка материальной части явилось дальнейшее сокращение боевого состава войсковой зенитной артиллерии во фронтах. Отдельные зенитные артиллерийские дивизионы стрелковых дивизий в декабре 1941 года были реорганизованы в отдельные зенитные шестьюрудийные артиллерийские батареи 37-мм пушек. Прикрытие войск с этого времени осуществлялось, как правило, только отдельными батареями МЗА или СЗА, что значительно снижало возможности зенитной артиллерии и уменьшало площадь и плотность противовоздушного прикрытия.

Тем не менее благодаря совершенствованию способов боевого применения зенитных артиллерийских средств авиация противника в

85-мм зенитное орудие на огневой позиции

ходе первого периода войны продолжала нести потери от зенитного огня даже при таком, относительно слабом, прикрытии зенитными средствами группировок войск и объектов тыла. К наиболее эффективному способу следует отнести широкое применение «кочующих» зенитных подразделений в полосах армий и фронтов на наиболее вероятных направлениях полетов авиации противника. В ряде случаев самолеты на малых высотах сбивались отдельными «кочующими» взводами МЗА, открывавшими внезапный огонь.

Кроме того, в борьбе с воздуш-

ным противником, действовавшим на малых высотах, применялись зенитные засады в составе орудия, взвода, а иногда и батареи, которые выдвигались на маршруты наиболее интенсивных полетов. Такие засады до некоторой степени компенсировали недостаток зенитных средств. Они заставляли противника постоянно менять маршруты полетов и дезориентировали его относительно расположения позиций нашей зенитной артиллерии.

Совершенствование тактики боевого применения зенитной артиллерии привело к необходимости выделения части сил и средств для маневренных действий, выдвижения огневых групп в районы и на направления повышенной активности авиации противника. Такие огневые группы успешно использовались уже под Смоленском в июле 1941 года и в последующем получили широкое распространение.

Наряду с положительными результатами в боевом применении войсковых зенитных артиллерийских средств имелись и существенные недостатки. Наиболее типичным являлось стремление командования и штабов одновременно прикрыть все объекты и как следствие — распыление сил и средств для решения второстепенных задач в ущерб выполнению наиболее важных. Об этом свидетельствуют, например, данные за май 1942 года о распределении зенитных подразделений по войскам и объектам Западного фронта, представленные в табл. 3.

Как видно, данные табл.3 не позволяют однозначно определить, какая задача считалась наиболее важной в тех или иных условиях обстановки и на прикрытии каких объектов сосредоточивала свои основные усилия зенитная артиллерия. Распределение ее подразделений в данном случае выглядит шаблонным и неизменным в течение месяца.

Таблица 3

Распределение подразделений зенитной артиллерии для прикрытия войск и объектов Западного фронта в мае 1942 года

Объекты прикрытия	Количество средств для прикрытия		Проц.
	батареи ЗА	рот ЗП	
Войска	19	1	27
Станции снабжения	13	3	21
Штабы объединений и соединений	9	3	16
Группировки артиллерии и танков	12	-	16
Аэродромы	5	4	12
Мосты и переправы	4	2	8
Всего:	52	13	100

Составлено по: Шумихин А.М. Зенитное артиллерийское прикрытие войск и объектов тыла в наступательной и оборонительной операциях фронта: Дисс ... канд. воен. наук М.: ВАГШ, 1953. С. 21.

Вопросы организации взаимодействия зенитных частей с другими войсками в предвоенный период не были детально разработаны и определены руководящими документами. Опыт боевых действий за первый год войны выявил, что основу их взаимодействия должны составлять: заблаговременное согласование места, времени и способов выполнения боевых задач зенитными частями с местом, временем и характером действий прикрываемых войск; перемещение батарей МЗА первой линии вместе с боевыми порядками стрелковых (танковых) батальонов, а батарей последующих линий и батарей СЗА — с боевыми порядками полков. Важнейшими условиями взаимодействия явились поддержание непрерывной связи с прикрываемыми войсками, личное общение командиров зенитной артиллерии с общевойсковыми командирами, постоянный взаимный обмен информацией о наземной и воздушной обстановке и выполняемых задачах.

Одной из наиболее острых проблем было повышение эффективности управления силами и средствами ПВО при выполнении задач прикрытия войск и объектов тыла. В соответствии с установленным порядком подчиненности управление зенитными частями ПВО осуществляли начальники управлений ПВО фронтов и начальники отделов ПВО армий. А управление штатными войсковыми зенитными артиллерийскими частями осуществляли командующие артиллерией фронтов, армий, корпусов и дивизий. Такая организация управления в первый период войны не позволяла в полной мере реализовать боевые возможности имевшихся сил и средств ПВО.

С первого же дня войны вскрылась необходимость в равной степени прикрывать от ударов воздушного противника как войска во всех видах их боевой деятельности, так и объекты тыла армий и фронтов. Это стало общей задачей войсковой зенитной артиллерии и истребительной авиации ВВС фронтов, а также соединений и частей ПВО территории страны, действовавших в полосах фронтов. Для выполнения этой задачи требовался единый подход к организации ПВО в операциях. Добиться такого подхода можно было за счет централизации управления силами и средствами ПВО, создав под единым руководством общую систему ПВО фронта, чего окончательно в ходе первого этапа войны достичь не удалось. Иные начальники управлений ПВО фронтов, не считая себя ответственными за прикрытие войск в операциях, ограничивались лишь выполнением задач по прикрытию объектов тыла.

В боевом применении войсковой зенитной артиллерии помимо распыления сил, низкой маневренности и неэффективного управления имелся еще ряд недостатков, в частности слабость службы воздуш-

ного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), отсутствие радиолокационных средств для обнаружения самолетов противника, а также станций орудийной наводки, поступавших в ограниченном количестве и в основном для вооружения войск ПВО территории страны.

С учетом неудач начального периода войны и недостатков, выявленных в ходе первого периода, происходило дальнейшее совершенствование вооружения, организации и способов боевых действий войсковой ПВО. В ноябре 1941 года по постановлению Государственного Комитета Обороны (ГКО) была проведена коренная реорганизация системы ПВО, создано командование войск ПВО территории страны. В январе 1942 года ему была подчинена истребительная авиация, выделенная для обороны объектов. Одновременно осуществлялся ряд организационных мероприятий по укреплению и усилению войсковой зенитной артиллерии. Благодаря этому с июня 1942 года в развитии войсковой ПВО и, в частности, в боевом применении войсковой зенитной артиллерии начался новый этап.

Так, 2 июня 1942 года ГКО принял постановление о формировании первых восьми армейских полков ПВО. В каждом полку предусматривалось иметь: 12 зенитных пушек МЗА (37 — мм и 25 — мм) в трех батареях; 12 крупнокалиберных пулеметов ДШК в первой роте; 8 счетверенных пулеметных установок во второй роте; 42 автомашины⁷.

В развитие постановления о формировании этих полков был издан приказ НКО СССР от 2 июня 1942 года «О боевом применении армейских полков ПВО», определивший основы их применения в операции и бою. В нем подчеркивалась необходимость массирования зенитных артиллерийских средств армии с целью сосредоточения усилий на прикрытие основных группировок войск на главных направлениях.

Это предопределило переход от разрозненных действий отдельных зенитных артиллерийских батарей и дивизионов к сосредоточенному применению полков и групп зенитной артиллерии. Данные формирования положили начало созданию зенитной артиллерии резерва Главного Командования (РГК), основным предназначением которой являлось количественное, а затем и качественное усиление зенитными артиллерийскими средствами действующих фронтов и армий. Соединения и части РГК применялись в целях обеспечения прикрытия от ударов авиации противника, прежде всего главных ударных группировок войск на важнейших направлениях, а также для массирования зенитных средств на выявленных направлениях активных действий авиации противника.

Одновременно с приказом НКО СССР от 2 июня 1942 года «О боевом применении армейских полков ПВО» был издан приказ наркома обороны, на основании которого зенитные части и средства ВНОС были подчинены командующему артиллерией Красной армии. Этим же приказом начальники управлений ПВО фронтов и начальники отделов ПВО армий были подчинены соответственно командующим артиллерией фронтов и армий в качестве их заместителей по ПВО.

Развитие войсковой зенитной артиллерии с июня 1942 года шло быстрыми темпами. На основании приказа от 2 июня был создан Московский учебный центр войсковой зенитной артиллерии. Формирование полков осуществлялось как в этом центре, так и непосредственно во фронтах. По предложению командующего артиллерией Красной армии формирование новых частей в первое время деятельности Московского учебного центра проводилось за счет личного состава зенитной артиллерии фронтов, не получившего в начале войны вооружения или потерявшего его в боях, ли-

Таблица 4

Состав войсковой зенитной артиллерии на фронтах во второй половине 1942 года

Части и подразделения зенитной артиллерии	Количество частей и подразделений зенитной артиллерии в действующей армии					
	на 1.06	на 1.07	на 1.08	на 1.09	на 1.10	на 1.11
Армейские полки ПВО	—	34	42	99	99	104
Отдельные войсковые зенитные артиллерийские батареи	255	300	186	211	206	239
Отдельные войсковые зенитные артиллерийские дивизионы	113	98	77	73	7	16
Отдельные зенитные артиллерийские дивизионы РГК	—	—	—	—	64	66

Составлено по: Противовоздушная оборона войск в Великой Отечественной войне 1941—1945: Уч. пособие. М.: Воениздат, 1973. Кн. 1. С. 135.

бо использовавшегося не по назначению, скажем, в пехоте. Кроме того, часть более или менее подготовленного личного состава поступала из войск ПВО территории страны, где на некоторых должностях мужчины заменялись женщинами. Изменения в составе зенитной артиллерии во второй половине 1942 года в связи с проведенными мероприятиями приведены в табл. 4.

Важную роль в совершенствовании способов боевого применения зенитных артиллерийских средств сыграл приказ НКО СССР от 22 октября 1942 года. В нем указывалось: опыт проведенных наступательных операций показал, что противник массированными действиями своей авиации задерживает наступление наших ударных группировок и не дает им возможности развиваться намечившийся успех, главные усилия авиация противника сосредоточивает на наших ударных группировках в районах их сосредоточения, особенно во время выдвижения, развертывания и в ходе наступления.

Приказ требовал для прикрытия ударных группировок в исходном положении и в ходе наступления, кроме использования авиации прикрытия, создавать зенитные группы. В зенитную группу требовалось назначать от 1/2 до 2/3 всех войсковых зенитных средств, саму зенитную группу придавать ударной группировке, а командование зенитной группой возлагать на заместителя командующего артиллерией по ПВО, в распоряжение которого выделять необходимые средства связи. Приказ также требовал от командного состава всех родов войск оказывать всестороннее содействие зенитным батареям и пулеметным ротам зенитной группы, продвигающимся за наступающими войсками: пропускать их вне очереди через переправы, разрешать обгонять колонны войск на дорогах, помогать зенитным частям при съездах с дорог для занятия ими огневых позиций и т.п.

Важным этапом развития войсковой зенитной артиллерии по итогам первого периода войны было формирование зенитных артиллерийских дивизий РКК, основанием для создания которых стал приказ НКО СССР от 31 октября 1942 года. В последующем они послужили основным типом организации соединений войсковой зенитной артиллерии и основным средством маневра и массирования зенитных средств для прикрытия ударных группировок войск на важнейших направлениях.

Несмотря на неудачи начального периода войны и последующие тяжелые оборонительные боевые действия советских войск, авиация фашистской Германии с самого начала вынуждена была испытывать на себе не только ощутимые удары нашей истребительной авиации, но и поражающий огонь зенитной артиллерии.

Вместе с тем в течение всего первого периода войны в боевом применении зенитной артиллерии существовала тенденция, исходившая в основном от общевойсковых командиров и начальников, стремившихся прикрывать как можно больше войск и объектов, хотя бы и незначительным количеством зенитных средств. Это объяснялось, с одной стороны, недостатком сил и средств ПВО, а с другой — отсутствием опыта в определении главных направлений действий авиации противника и в выборе основных объектов прикрытия, на которых необходимо сосредоточивать усилия.

Последующее улучшение количественно-качественных показателей войсковой зенитной артиллерии, появление зенитной артиллерии РКК, а также совершенствование способов боевого применения и руководства ими создали благоприятные условия для маневра и массирования сил и средств ПВО на направлениях действий войск. Главными в боевом применении зенитной артиллерии отныне являлись маневр, массирование зенитных средств и твердое управление маневром и огнем этих средств путем создания фронтовых и армейских зенитных артиллерийских групп. Массированным действиям авиации противника противопоставлялся массированный огонь зенитных средств. Однако из-за несовершенства структуры органов управления и недостатка средств связи обеспечить требуемую централизацию и оперативность руководства всеми силами и средствами ПВО в рассматриваемый период так и не удалось. Это не позволило в полной мере использовать возросшие боевые возможности армейских полков ПВО и зенитных групп.

В первый период войны стало очевидным, что ПВО фронтов и армий — сложная система, а ее организация весьма трудоемкая и многогранная задача, которая должна решаться на больших оперативных пространствах, начиная от динамично меняющейся линии фронта и кончая глубокими фронтовыми тылами. Организация ПВО потребовала постоянного внимания и принятия своевременных решений на отражение ударов авиации противника в тесной взаимосвязи с задачами, решавшимися войсками фронтов и армий. Кроме того, принципы организации ПВО и условия, в которых осуществлялось зенитное прикрытие войск в операциях, коренным образом отличались от принципов организации ПВО и условий прикрытия объектов и центров страны. Сложная наземная и воздушная обстановка, маневренный характер боевых действий, близость аэродромов противника и другие факторы — все это требовало централизованного управления системой ПВО фронтов. Поэтому уже в ходе войны пришлось проводить ряд организационных мероприятий, в частности по созданию в

1941 году войск ПВО территории страны, а в 1942 году — по передочинению войсковой ПВО командующему артиллерией Красной армии. Существенные изменения произошли в организации, а также в численности зенитной артиллерии во фронтах, которая возросла почти в два раза, причем в основном за счет частей РКК. Кроме того, были изданы директивы и приказы НКО СССР, выявившие ряд наиболее типичных недостатков в использовании частей ПВО и требовавшие их устранения.

Ход боевых действий показал исключительно важное значение организации ПВО, от которой зачастую зависел успех операций фронтов и армий. В целом войсковая зенитная артиллерия, несмотря на ее малочисленность и невысокую обученность личного состава вновь сформированных или пополненных частей, а также недостатки в боевом применении, нанесла авиации противника серьезный урон. Потери авиации от ее огня в первый период войны заставили немецкое командование почти полностью обновить боевой самолетный парк (с началом войны ВВС Германии насчитывали около 5000 боевых самолетов, потери за 17 месяцев боев на советско-германском фронте составили 5924 самолета¹).

Зенитные артиллерийские части и соединения ПВО фронтов внесли существенный вклад в устранение численного превосходства авиации противника и тем самым лишили ее возможности беспрепятственно господствовать в воздухе, а непосредственным прикрытием наших аэродромов обеспечили боеспособность своей авиации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Батицкий П.Ф. Войска противовоздушной обороны страны. М.: Знание, 1977. С. 15.

² Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1954. Т. 1. С. 31, 114.

³ Противовоздушная оборона войск в Великой Отечественной войне 1941—1945: Уч. пособие. М.: Воениздат, 1973. Кн. 1. С. 73.

⁴ Военное искусство во Второй мировой войне. М.: ВАГШ, 1973. С. 418.

⁵ Шумихин А.М. Зенитное артиллерийское прикрытие войск и объектов тыла в наступательной и оборонительной операциях фронта: Дисс... канд. воен. наук. М.: ВАГШ, 1953. С. 14.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Противовоздушная оборона войск в Великой Отечественной войне 1941—1945. Уч. пособие. Кн. 1. С. 132.

⁸ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 36. Оп. 12552. Д. 78. Л. 198; Д. 11. Л. 310, 339.

*Полковник
А. И. КОВАЛЬЧУК*

ВКЛАД ВОЕННЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

В СОЗДАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АТОМНОГО ОРУЖИЯ. 1941–1945 гг.

«Военно-исторический журнал» не раз обращался к теме создания отечественного атомного оружия, в частности, к вопросу о роли советской военной разведки в получении секретной информации по данной проблеме (см., например, статью А. С. Феклисова «Подвиг Клауса Фукса» в № 12 — 1990 г. и № 1 — 1991 г.). В предлагаемой сегодня вниманию читателей статье речь идет о действиях советских спецслужб по добычанию на западе «атомных секретов» в годы Великой Отечественной войны, что во многом способствовало созданию в кратчайшие сроки советской атомной бомбы.

В ГОДЫ Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. советская военная разведка решила одну из труднейших задач — добыла сведения о работах британских и американских физиков, направленных на создание атомной бомбы. Первые сведения о намерениях Великобритании использовать атомную энергию в военных целях появились еще в августе 1941 года. 8 августа сотрудник лондонской резидентуры советской военной разведки полковник С. Д. Кремер (псевдоним Барч)¹ провел первую встречу с британским физиком немецкого происхождения Клаусом Фуксом². Этот ученый

работал в Бирмингемском университете и имел непосредственный доступ к исследованиям, связанным с научной разработкой принципов использования атомной энергии в военных целях.

5 ноября — День военного разведчика

10 августа 1941 года в центр из Лондона было отправлено следующее донесение: «Барч 8 августа провел встречу с германским физиком Фуксом, который сообщил, что он работает в составе специальной группы в физической лаборатории университета в Бирмингеме над теоретической частью создания ураниевой бомбы. Группа ученых при Оксфордском университете работает над практической частью проекта. Окончание работ предполагается через три месяца и тогда все материалы будут направлены в Канаду для промышленного производства. Знакомый дал краткий доклад о принципах использования урана для этих целей. При реализации хотя бы 1 проц. энергии 10-килограммовой бомбы урана взрывное действие будет равно 1000 тонн динамита. Доклад выслаю оказией. Брион»³.

С августа 1941 года по октябрь 1942 года Кремер встречался с Фуксом четыре раза и получил от него в общей сложности около 246 листов секретных материалов по британскому атомному проекту. После завершения служебной команди-

ровки и отъезда полковника С. Д. Кремера в Москву, работой Фукса руководила разведчица Урсула Кучински (Соня)⁴, которая в то время проживала в Великобритании и находилась на прямой связи с центром. С октября 1942 года по ноябрь 1943 года Кучински провела с Фуксом четыре агентурные встречи и получила от него 324 листа секретных материалов о работах британских ученых, направленных на создание атомной бомбы.

В это же время на территории Великобритании действовала нелегальная резидентура военно-технической разведки Разведуправления Красной армии. К работе этой резидентуры некоторое отношение имел разведчик-нелегал Ян Черняк⁵, который длительное время работал в различных европейских странах и в 1942 году по указанию центра прибыл в Великобританию для осуществления вербовки британского ученого-физика Аллана Нанна Мэя (псевдоним Алек)⁶, сотрудника Кавендишской лаборатории, входившей в состав Кембриджского университета и являвшейся одним из ведущих британских центров, занятых реализацией программы создания атомного оружия. Ян завербовал Мэя и работал с ним несколько месяцев. За это время разведчик получил от агента 142 листа материалов по атомной проблеме.

Отдельные сведения о британском атомном проекте передавали резиденту военной разведки в Лондоне генерал-майору танковых войск И. А. Складову (Брион)⁷ и другие разведчики. В частности, в феврале 1942 года генерал Складов докладывал в центр о том, что по «данным Дюбуа, англичане... закупили весь возможный уран за последние

НА ТЕРРИТОРИИ Великобритании действовала нелегальная резидентура военно-технической разведки Разведуправления Красной армии

шесть месяцев для взрывного дела. Проводятся опыты бомбардировки урана-235 нейтроном, который взрывает атом и происходит огромное выделение энергии»⁸.

Понимая важность поступивших из Лондона сведений, которые подтверждались разными источниками (К. Фуксом, А. Мэем и Дюбуа), заместитель начальника ГРУ генерал-майор А.П. Панфилов⁹ направил академику В.Г. Хлопину¹⁰ в мае 1942 года письмо, в котором, в частности, отмечалось: «В связи с сообщениями о работе за рубежом над проблемой использования для военных целей энергии ядерного деления урана прошу сообщить, насколько правдоподобными являются такие сообщения, и имеет ли в настоящее время эта проблема реальную основу для практической разработки вопросов использования внутренней энергии, выделяющейся при цепной реакции урана...»¹¹. Ответ был таким: «На ваш запрос от 7 мая 1942 года сообщаем, что Академия наук не располагает никакими данными о ходе работ в зарубежных лабораториях по проблеме использования внутренней энергии, освобождающейся при делении урана. Мало того, за последний год в научной литературе, насколько она нам доступна, почти совершенно не публикуются работы, связанные с решением этой проблемы. Это обстоятельство единственно, как мне кажется, дает основание думать, что соответствующим работам придается значение, и они проводятся в секретном порядке».

Что касается институтов АН СССР, то проводившиеся в них работы по этому вопросу временно свернуты как по условиям эвакуации этих институтов из Ленинграда, где остались основные установки... так и потому, что, по нашему мнению, возможность использования внутриатомной энергии для военных целей в ближайшее время (в течение настоящей войны) весьма маловероятна.

Если Разведывательное управление располагает какими-либо данными о работах по проблеме использования внутриатомной энергии урана в каких-нибудь институтах или лабораториях за границей, то

мы просили бы сообщать эти данные в спецотдел АН СССР»¹².

Руководство СССР, таким образом, пришло к выводу, что урановая проблема приобретает особую значимость, и у военной разведки появилось новое направление в работе — «Проблема № 1».

ЛЕТОМ 1943 года советская военная разведка смогла добыть сведения о содержании секретных переговоров президента США Ф. Рузвельта¹³ с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем¹⁴, которые состоялись 19 августа в канадском городе Квебеке. Руководители двух стран — союзники СССР по антигитлеровской коалиции, подписали секретное соглашение об объединении усилий по созданию атомной бомбы, не проинформировав И.В. Сталина. 4 сентября 1943 года Соня сообщила Центру полученные от Клауса Фукса данные о результатах совещания в Квебеке. Материалы направлялись уполномоченному ГКО

вавшие в Англию из Дании и Франции, направили свои усилия на выявление возможности получения сверхвзрывчатых веществ путем использования ядерной энергии. Курчатов решил подготовить докладную записку на имя заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотова, где указал, что необходимо «широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к ее решению наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза»¹⁸.

Эта докладная записка является первым документом И.В. Курчатова, на основе которого руководство СССР приняло решение о возобновлении прерванных войной работ по созданию отечественного атомного оружия.

Принятые в последующие годы постановления правительства определяли основные направления работы в этой сфере не только советских ученых и конструкторов, но и внешней разведки НКВД и разведки Красной армии.

КУРЧАТОВ тщательно изучил переданные ему документы и понял, что британские физики обогнали советских ученых в атомных исследованиях

СССР С.В. Кафтанову¹⁵, а позднее — заместителю председателя Совнаркома СССР М.Г. Первухину¹⁶. Отметим, что всего от Фукса за период 1941—1943 гг. было получено более 570 листов ценных материалов.

В конце октября 1942 года С.В. Кафтанов вызвал из Казани И.В. Курчатова¹⁷ и поручил ему провести экспертную оценку материалов, добытых военной разведкой. Кафтанов передал Курчатову 228 страниц добытых разведуправлением научных материалов.

Курчатов тщательно изучил переданные ему документы и понял, что британские физики обогнали советских ученых в атомных исследованиях. Английские физики Чадвик, Дирак, Фаулер и Коккрофт, к которым присоединились ученые Фриш, Холбан и Коварски, эмигриро-

В начале 1944 года в Москве состоялось первое совещание руководителей военной разведки и разведки НКВД по атомной проблеме. Его проводил Л.П. Берия¹⁹. Присутствовал на совещании и полковник П.А. Судоплатов²⁰, возглавивший в то время в НКВД отдел «С», задачей которого было наладить координацию деятельности разведчиков ГРУ и НКВД по атомной проблеме.

ВНАЧАЛЕ 1944 года в работе отечественной военной разведки по добытию атомных секретов наступил новый этап. Он характеризовался тем, что в соответствии с решением Л.П. Берии все усилия по проникновению на атомные объекты иностранных государств были сконцентрированы во внешней разведке НКВД. Военная раз-

И.И. Ильичев

П.М. Фитин

А.П. Панфилов

П.А. Судоплатов

ведка вынуждена была передать НКВД своего ценного агента Клауса Фукса. Такая же участь должна была бы постигнуть и Аллана Мэя, который был направлен руководством британского атомного проекта в Канаду для работы в лаборатории Монреальского университета. Поскольку у внешней разведки НКВД в Канаде в то время не было своих оперативных сил, Мэя временно вывели в «консервацию». Связь с ним была восстановлена только весной 1945 года, когда в Канаде начала действовать резидентура военной разведки под руководством полковника Н.И. Заботина²¹.

Значительных успехов в эти годы в деле создания атомного оружия добились в США. В ГРУ было принято решение подключить к добыванию сведений по «проблеме № 1» глубоко законспирированных в США разведчиков-нелегалов. Одним из них был «Ахилл». Под этим псевдонимом в США длительное время работал Артур Адамс²².

В феврале 1944 года Адамс привлек к сотрудничеству американского ученого, псевдоним Кемп. После первой встречи с Кемпом Адамс направил начальнику военной разведки личное письмо, в котором говорилось следующее: «Дорогой Директор! ...В США усиленно работают над проблемой использования энергии урана (не уверен, так ли по-русски называется этот элемент) для военных целей.

Для характеристики того, какое внимание уделяется этой проблеме в США, могу указать следующее:

1. Секретный фонд в один миллиард долларов... уже почти израсходован на исследовательскую работу и работу по созданию технологии производства названных раньше элементов...

2. Тысячи инженеров и техников заняты в этой работе. Сотни высококвалифицированных врачей изучают влияние радиоактивного излучения

перь имеем возможность получить достаточно данных, чтобы вести самим работы в этом направлении.

6. Посылаю образцы ураниума и бериллиума»²³.

Материалам, добытым Ахиллом, за «исключительную ценность» дали высокую оценку в Народном комиссариате химической промышленности СССР.

УСИЛИЯМИ сотрудников военной агентурной разведки Красной армии в 1941—1949 гг. было добыто около 6000 листов секретных материалов об атомных проектах США, Германии, Великобритании и Японии и 25 образцов

на человеческий организм. В Чикагском и Колумбийском университетах, где ведутся эти исследования, построены и действуют особые лаборатории. Специальная комиссия, состоящая из наивысших военных чинов и ученых, руководит этой работой...

5. Мой источник сообщил, что уже проектируется снаряд, который будет сброшен на Землю. Своим излучением и ударной волной этот взрыв уничтожит все живое в районе сотен миль. Он не желал бы, чтобы такой снаряд был сброшен на землю нашей страны. Это проектируется полное уничтожение Японии, но нет гарантии, что наши союзники не попытаются оказать влияние и на нас, когда в их распоряжении будет такое оружие. Никакие противоядия не известны всем исследователям, занятым в этой работе. Нам нужно также иметь такое оружие, и мы те-

В мае 1944 года Адамс получил от Кемпа еще 2500 страниц закрытых материалов по атомному проекту и новые образцы, которые через некоторое время оказались в Москве. Всего в 1944 году А.А. Адамс направил в центр около 5000 листов секретных документов по американскому атомному проекту.

Кроме Ахилла, военная разведка СССР имела в США и другие ценные источники информации, в том числе разведчиков-нелегалов под псевдонимами Дельмар и Додж.

Особый интерес представляет разведывательная судьба Дельмара. Она уникальна. В истории военной разведки он единственный человек, которому удалось устроиться на работу в закрытый ядерный центр США в Ок-Ридже. Его информация из этого центра была весьма ценной. Местонахождение этого объекта тщательно скрывалось аме-

А.А. Адамс

И.А. Скляров

А.Н. Мэй

Я.П. Черняк

риканцами. Даже Клаусу Фуксу, который занимался разработкой математического аппарата газодиффузионного процесса и решением технологических проблем строившегося комплекса в Ок-Ридже, запрещалось посещать этот объект. В одной из лабораторий Ок-Риджа и работал советский разведчик Дельмар. От него стало известно, что в Ок-Ридже производится обогащенный уран, что этот объект разделен на три основных литературных сектора (К-25, У-12 и Х-10). Все, что делалось в этих секторах, благодаря Дельмару также стало известно советской стороне.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ военная разведка в 1944—1945 гг. смогла также добыть ценные сведения еще об одном секретном атомном проекте США, имевшем условное наименование «Меррей хилл эриа» и представлявшем собой программу инвентаризации «глобальных запасов и месторождений радиоактивных элементов и установления над ними единого американского контроля»²⁴. Данные об этой программе были добыты военным разведчиком Л.А. Сергеевым²⁵. В соответствии с этим проектом американцы планировали ограничить доступ всех стран, кроме Великобритании, к мировым запасам урановых руд. По американским данным эта задача была реализована к концу 1945 года на 97 проц.

В то же время были у советских разведчиков, работавших в США, и неудачи. Так, у разведчика-нелегала Макса находился на связи агент Атом. Этот американец имел доступ к базе данных по атомному проекту

объемом в 50 000 листов. От него было получено несколько документов. Но расширить это сотрудничество военной разведке в полной мере не удалось. В целом, однако, к концу 1945 года отечественная военная агентурная разведка смогла своевременно добыть документальные сведения (более 5000 страниц секретных материалов и 18 образцов) о состоянии и направлении работ в США по созданию атомного оружия.

В целом усилиями сотрудников военной агентурной разведки Красной армии в 1941—1949 гг. было добыто около 6000 листов секретных материалов об атомных проектах США, Германии, Великобритании и Японии и 25 образцов. Все это ускорило процесс создания отечественного атомного оружия.

В конце апреля 1999 года первый заместитель министра Российской Федерации по атомной энергии Л.Д. Рябев направил письмо руководству ГРУ. Это был год 50-летия испытания первой советской атомной бомбы на Семипалатинском полигоне. В том письме, в частности, говорилось, что «военная разведка внесла весомый вклад в дело создания отечественного атомного оружия».

Такова служба в разведке. Фамилии героев-разведчиков, добывавших атомные секреты иностранных государств, стали известны только через пятьдесят и более лет. Вполне возможно, что когда-нибудь достоянием гласности станут и новые имена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Кремер Семен Давидович** (1900—1990) — советский военный разведчик. Родился в г. Гомеле. Генерал-майор танковых войск (1944), Герой Советского Союза (1944). В Красной армии с 1918 г. Окончил Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова (1922), Кавалерийские курсы усовершенствования комсостава (1926), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1934), Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (1952). В военной разведке с 1936 г. С января 1937 по август 1942 г. был в специальной командировке в Англии в качестве секретаря военного атташе. Выполнял специальные задания. Привлек к сотрудничеству физика Клауса Фукса. Участник Великой Отечественной войны. Воевал на Брянском, Центральном, 1-м Украинском, 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах. В 1944 г. был командиром 8-й гвардейской механизированной бригады, затем заместителем командира 7-го гвардейского механизированного корпуса. В 1945—1956 гг. заместитель командира, командир 5-й гвардейской механизированной дивизии. Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I и II степеней.

² **Фукс Клаус** (1911—1988) — немецкий ученый-физик. После установления в Германии фашистского режима выехал во Францию, затем в Англию. Аспирант лаборатории Бристольского университета (1933—1936). В 1936 г. защитил докторскую диссертацию. Работал в Эдинбурге под руководством Н. Бора. В 1940 г., после начала войны Германии против Англии, был интернирован. Освобожден в 1941 г. В составе группы британских физиков разрабатывал теоретические основы создания атомной бомбы. Сведения о британском атомном проекте передавал полковнику С.Д. Кремеру (1941—1942) и Урсуле Кучински (1943). В 1944 г. военная разведка передала К. Фукса 1-му Главному управлению НКВД. Фукс работал в США (с декабря 1943 по июнь 1946 г.) и в Англии

(июнь 1946 — январь 1950 г.). Арестован 2 февраля 1950 г., приговорен к 14 годам тюремного заключения. После отбытия наказания выехал в ГДР, был заместителем директора Института ядерных исследований в Россендорфе (1959—1978).

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Оп. 24120. Д. 1. Л. 668.

⁴ **Кучински Урсула** (1907—2000) — родилась в Германии в еврейской семье. С 1930 г. выполняла задания советской военной разведки в Китае, Маньчжурии, Польше, Швейцарии и Великобритании. Оперативный псевдоним Соня. В 1942—1943 гг. поддерживала связь с британским ученым-физиком немецкого происхождения Клаусом Фуксом. В 1950 г. после ареста Клауса Фукса британской контрразведкой выехала в Берлин. С 1956 г. писательница. Публиковала книги под псевдоним Рут Вернер. Похоронена в Берлине.

⁵ **Черняк Ян Петрович** (1909—1995) — родился в Австро-Венгрии в еврейской семье в г. Черновцы (ныне — Украина). С 1930 г. — сотрудник Разведывательного управления Красной армии, неоднократно бывал в нелегальных зарубежных командировках. Оперативный псевдоним — Джек. Привлек к сотрудничеству с советской разведкой британского физика Аллана Нанна Мея. 14 декабря 2004 г. Я.П. Черняку присвоено звание Героя России (посмертно). Похоронен в Москве.

⁶ **Мэй Аллан Нанн** (1911—2003) — научный сотрудник Кавендишской лаборатории в Кембридже, англичанин, участник разработки британской атомной бомбы. Передавал сведения о британском атомном проекте советскому разведчику Яну Черняку. В ноябре 1942 г. переведен на работу в Монреаль (Канада). Передавал советскому военному разведчику Павлу Ангелову образцы оружейного урана и подробные материалы, касающиеся разработки в США первой атомной бомбы. После возвращения в Англию в 1946 г. был арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения. Освобожден в декабре 1952 г. Работал в Гане, преподавал физику в Ганском университете. Умер в Англии.

⁷ **Скляров Иван Адреевич** (1901—1971) — генерал-майор танковых войск (1942). В Красной армии с 1927 г., в военной разведке с мая 1939 г. Оперативный псевдоним Брион. Военный атташе при посольстве СССР в Англии (1940—1946), представитель Генерального штаба ВС СССР в Военно-штабном комитете ООН (1950—1952). Похоронен в Белграде.

⁸ ЦАМО РФ. Оп. 24155. Д. 3. Л. 384.

⁹ **Панфилов Алексей Павлович** (1898—1966) — генерал-лейтенант танковых войск (1944), Герой Советского Союза (1944), в Красной армии с 1918 г., в военной разведке с 1939 г. Начальник военной разведки с 16 февраля по 25 августа 1942 г. Участник Великой Отечественной войны, командир 6-го (октябрь 1943 —

апрель 1944 г.) и 3-го (август 1944 — 1945 г.) гвардейских танковых корпусов. После окончания войны — командир 3-й гвардейской танковой дивизии (1945—1946), начальник факультета Военной академии бронетанковых и механизированных войск (1946—1951), старший преподаватель, заместитель начальника кафедры тактики высших соединений Военной академии Генерального штаба ВС СССР (1956—1959). Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

¹⁰ **Хлопин Виталий Григорьевич** (1890—1950) — советский радиохимик, академик (1939), Герой Социалистического Труда (1949), лауреат Государственной премии (1943, 1946, 1949). Окончил Геттингенский (1911) и Петербургский (1912) университеты. С 1915 г. работал в Радиологической лаборатории Петербургской АН, с 1922 г. — в Радиовом институте, с 1934 г. профессор Ленинградского университета. С 1940 г. руководитель Урановой комиссии АН СССР. В 1918—1921 гг. вместе с И.Я. Башиловым руководил созданием первого в стране радиевого завода, на котором в 1921 г. впервые получены препараты радия из отечественных урановых руд. В 1947 г. разработал метод определения абсолютного возраста пород на основе радиоактивных данных. В 1945 г. стал научным руководителем первого в стране радиохимического завода в Челябинске-40.

¹¹ Атомный проект СССР. Т. 1. М.: Наука-Физматлит, 1998. С. 262, 263.

¹² Там же. С. 265, 266.

¹³ **Рузвельт Франклин Делано** (1882—1945) — президент США (1933—1945), принимал участие в работе Крымской (1943) и Ялтинской (1945) конференций, на которых были выработаны основные принципы и направления сотрудничества стран антигитлеровской коалиции в борьбе против фашистской Германии.

¹⁴ **Черчилль Уинстон Леонард Спенсер** (1874—1965) — британский политический и государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1940—1945, 1951—1955).

¹⁵ **Кафтанов Сергей Васильевич** (1905—1978) — советский государственный деятель. В 1937—1946 гг. — председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, в 1941—1945 гг. — полномоченный ГКО по науке. В 1946—1951 гг. — министр высшего образования СССР.

¹⁶ **Первухин Михаил Георгиевич** (1904—1978) — советский государственный и партийный деятель, генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1944), Герой Социалистического Труда (1949). В 1939—1940 гг. — нарком электростанций и электропромышленности СССР. В 1940—1946 гг. заместитель председателя СНК СССР, с 1942 г. нарком, с 1946 г. министр химической промышленности СССР. С 1950 г. — заместитель председателя Совета Министров СССР.

¹⁷ **Курчатов Игорь Васильевич** (1903—1960) — советский физик, ор-

ганизатор и руководитель работ по атомной науке и технике в СССР, Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954), академик АН СССР (1943), основатель и первый директор Института атомной энергии (с 1960 г. имени Курчатова). Под руководством Курчатова сооружен первый советский циклотрон (1939), открыто спонтанное деление ядер урана (1940), созданы первый в Европе ядерный реактор (1946), первая в СССР атомная бомба (1949), первые в мире термоядерная бомба (1953) и атомная электростанция (1954).

¹⁸ Атомный проект СССР. Т. 1. М.: Физматлит, 1998. С. 276—279.

¹⁹ **Берия Лаврентий Павлович** (1899—1953) — нарком внутренних дел (1938—1945), с 1941 г. член Государственного комитета обороны, в 1944—1945 гг. — заместитель председателя ГКО. 1941—1945 гг. — заместитель председателя СНК СССР.

²⁰ **Судоплатов Павел Анатольевич** (1907—1996) — генерал-лейтенант (1945), в годы Великой Отечественной войны находился на руководящих должностях в разведывательном управлении НКВД, возглавлял отдел «С», который занимался координацией действий советских спецслужб по добытию атомных секретов США и Великобритании. Уволен из органов госбезопасности в 1953 г. Обвинен в участии в «заговоре Берии», приговорен к 15 годам заключения. Реабилитирован в 1992 г.

²¹ **Заботин Николай Иванович** (1904—1957) — полковник, в Красной армии с 1921 г., в военной разведке с 1936 г. Военный атташе при посольстве СССР в Канаде (1943—1945). Резидент военной разведки в Канаде. Оперативный псевдоним Грант.

²² **Адамс Артур Александрович** (1885—1969) — швед, инженер-полковник (1946), Герой России (1999, посмертно), первый директор московского автомобильного завода АМО (июль 1921 — август 1923), в военной разведке с 1935 г., руководитель нелегальной резидентуры в США (1935—1938, 1939—1946 гг.). Оперативный псевдоним Ахилл. Выдающийся военный разведчик. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

²³ ЦАМО РФ. Оп. 28521. Д. 4. Л. 135—138; См. также: *В. Лота*. Тайные операции Второй мировой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 118—121.

²⁴ *Фалин В.М.* Второй фронт. М.: Центрполиграф, 2000. С. 518.

²⁵ **Сергеев Лев Александрович** (1906—1994) — полковник, в Красной армии с 1929 г., в военной разведке с 1937 г. Резидент советской военной разведки с США (1940—1946). Оперативный псевдоним Морис. Выдающийся военный разведчик. Похоронен в Москве на Николе-Архангельском кладбище.

В.И. ЛОТА

В Российской Федерации военные праздники установлены Федеральным законом (ФЗ) «О днях воинской славы (победных дней) России» 1995 года, а также Указами Президента РФ, приказами министра обороны и главнокомандующих видами Вооруженных сил. Это как традиционные, так и вновь утвержденные военные праздники или памятные даты. Публикуем документ по этому поводу — Указ Президента РФ В.В. Путина от 31 мая 2006 года.

Уважаемая редакция!

Слышал, что теперь появилось много новых военных праздников, но не могу выяснить, какие именно и когда их следует отмечать. Если у вас есть такая возможность — просьба сообщить об этом.

П.И. ТЮКОВ
Волгоградская область

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об установлении профессиональных праздников и памятных дней в Вооруженных Силах Российской Федерации

В целях возрождения и развития отечественных воинских традиций, повышения престижа военной службы и в знак признания заслуг военных специалистов в решении задач обеспечения обороны и безопасности государства постановляю:

1. Установить в Вооруженных Силах Российской Федерации:

а) профессиональные праздники:

День специалиста юридической службы – 29 марта;
День сотрудников военных комиссариатов – 8 апреля;
День специалиста по радиоэлектронной борьбе – 15 апреля;
День специалиста по ядерному обеспечению – 4 сентября;
День танкиста – второе воскресенье сентября;
День военного связиста – 20 октября;
День военного разведчика – 5 ноября;

б) памятные дни:

День инженерных войск – 21 января;
День войск противовоздушной обороны – второе воскресенье апреля;
День Военно-морского флота – последнее воскресенье июля;
День Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации – 1 августа;
День Воздушно-десантных войск – 2 августа;
День Железнодорожных войск – 6 августа;
День Военно-воздушных сил – 12 августа;
День российской гвардии – 2 сентября;
День Сухопутных войск – 1 октября;
День Космических войск – 4 октября;
День подразделений специального назначения – 24 октября;
День войск радиационной, химической и биологической защиты – 13 ноября;
День ракетных войск и артиллерии – 19 ноября;
День Ракетных войск стратегического назначения – 17 декабря.

2. Признать утратившими силу:

Указ Президента Российской Федерации от 10 декабря 1995 г. № 1239 «Об установлении Дня Ракетных войск стратегического назначения и Дня Военно-космических сил» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 50, ст.4907);

Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 1996 г. № 1040 «Об установлении Дня Железнодорожных войск Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 30, ст. 3606);

Указ Президента Российской Федерации от 18 сентября 1996 г. № 1370 «Об установлении Дня инженерных войск» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 39, ст. 4532);

пункт 1 Указа Президента Российской Федерации от 29 августа 1997 г. № 949 «Об установлении Дня Военно-

воздушных сил» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 35, ст. 4059);

Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 2000 г. № 2032 «Об установлении Дня российской гвардии» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 52, ст. 5125);

Указ Президента Российской Федерации от 3 октября 2002 г. № 1115 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 декабря 1995 г. № 1239 «Об установлении Дня Ракетных войск стратегического назначения и Дня Военно-космических сил» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, №40, ст. 3902);

пункт 2 приложения № 1 к Указу Президента Российской Федерации от 3 августа 2005 г. № 918 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2005, №32, ст. 3274).

3. Признать не действующими на территории Российской Федерации:

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 июля 1946 г. «Об установлении ежегодного праздника «Дня танкистов» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1946, №26);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1964 г. № 3027-VI «О праздновании «Дня ракетных войск и артиллерии» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1964, №47, ст. 531);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1970 г. № 5273-VII «О внесении изменений в Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении ежегодного праздника «Дня танкистов» и «О праздновании «Дня ракетных войск и артиллерии» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1970, № 25, ст. 217);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1975 г. № 1098-IX «Об установлении ежегодного праздника «Дня войск противовоздушной обороны страны» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1975, №9, ст. 149);

абзацы второй, четвертый – шестой статьи 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. № 3018-X «О праздничных и памятных днях» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, №41, ст. 846);

абзац четвертый статьи 2, пункт 2 статьи 3 и пункт 1 статьи 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1988 г. № 9724-XI «О внесении изменений в законодательство СССР о праздничных и памятных днях» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1988, №45, ст. 701).

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

**Президент Российской Федерации
В. ПУТИН**

Москва, Кремль
31 мая 2006 года
№ 549

ИЗУЧЕНИЕ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ — ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ работа (ВИР) в отечественных энциклопедических изданиях определяется как составная часть научной работы в Вооруженных силах Российской Федерации. Ее основными задачами, как указывается, например, в Военной Энциклопедии, являются: обобщение опыта войн, вооруженных конфликтов и выработка рекомендаций для внедрения в практику войск; разработка военно-исторических трудов, учебников и пособий; написание истории объединений, соединений, частей, кораблей, учреждений, военно-учебных заведений; подготовка научных докладов, сообщений, статей, военно-исторических описаний; проведение военно-исторических полевых поездок и походов по местам боевой славы, встреч с ветеранами войн; организация тематических конференций, вечеров, бесед, круглых столов и др.¹

Опыт показывает, что ничто иное так не влияет на качество военно-исторической работы, как ее организация, которая, собственно, является исходным пунктом, предопределяющим все содержание военно-исторической работы. На эту сторону обращали внимание и некоторые другие исследователи. В частности, в монографии А.Г. Хорькова и Р.М. Португальского «Военно-историческая работа» отмечается: «...Практика свидетельствует, что эффективность военно-исторической работы во многом зависит от уровня ее организации, т.е. от характера деятельности командующих (командиров, начальников), политорганов, штабов и других органов управления, связанной с определением целей, задач, тематики, форм военно-исторической работы, ее планированием, осуществлением контроля, оказанием квалифицированной и своевременной помощи непосредственным исполнителям. Содержание этой деятельности в значительной мере определяется теми условиями, в которых она организуется, а также тем контингентом, с которым проводится»².

К сожалению, отсутствие единого понимания сущности и содержания организации военно-исторической работы, ее места и роли в жизнедеятельности Вооруженных сил, что подтверждает анализ правовых документов

Министерства обороны, отрицательно сказывалось в последние десятилетия на результатах военно-исторической работы.

Каждый командующий (командир, начальник), штаб, орган военного управления, организация и учреждение Министерства обороны организовывали военно-историческую работу на основе собственного знания и личного опыта, своего взгляда на роль и значение военной истории. Это приводило к большим упущениям и недостаткам в работе, на что неоднократно обращалось внимание в приказах министров обороны СССР и Российской Федерации.

Так, в приказе министра обороны СССР за 1977 год указывалось: «Военно-историческая работа в войсках и на флотах еще не носит систематического и целенаправленного характера, в ряде случаев она сводится лишь к проведению юбилейных мероприятий, опыт Великой Отечественной войны и локальных войн последних лет слабо учитывается в ходе оперативной и боевой подготовки войск. Военно-историческая работа не в полной мере используется для пропаганды военно-исторических знаний, воспитания воинов на славных традициях Советской Армии и Военно-Морского флота».

В 1993 году в приказе министра обороны РФ отмечалось, что «вследствие слабой координации военно-исторических исследований по-прежнему имеют место повторения в разработке трудов по одной и той же тематике. При этом другие важные проблемы остаются неизученными». А в 1995 году в другом приказе говорилось: «Не все командующие (командиры), начальники проявляют требовательность, а штабы необходимую настойчивость и распорядительность при проведении военно-исторической работы... В войсках и на флотах военно-историческая работа проводится недостаточно целеустремленно».

Термин «организация» в «Советском энциклопедическом словаре» определяется, как, во-первых, внутренняя упорядоченность, согласованность, взаимодействие более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленные его строением, во-вторых, совокупность процессов или действий, ведущих к

образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого и, в-третьих, объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил и процедур. При этом указывается, что понятие «организация» обычно соотносится с такими понятиями, как структура, система, управление³.

Такое определение понятия довольно четко указывает основные направления для рассмотрения сущности и содержания организации военно-исторической работы, которые целесообразно рассматривать в определенной последовательности.

Прежде всего, организация военно-исторической работы является одним из элементов управления повседневной деятельностью армии и флота. Она представляет собой совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимодействия между частями целого — к складыванию и функционированию системы военно-исторической работы в вооруженных силах. Этим определяется ее сущность.

Далее, содержание организации военно-исторической работы зависит от сущности и содержания самой этой работы — ее внутренней упорядоченности, согласованности, взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей (элементов) системы ВИР в вооруженных силах.

И наконец, организация военно-исторической работы в вооруженных силах предполагает создание и функционирование специальных органов — объединений людей, совместно реализующих программу или цель военно-исторической работы в вооруженных силах, действующих на основе определенных правил и процедур (т.е. нормативной правовой базы) и имеющих определенную структуру.

СУЩНОСТЬ организации ВИР заключается в ее предназначении, смысле, в том, чем она есть сама по себе в отличие от других видов деятельности. В свете этого общего философского определения сущности организации военно-исторической работы можно сформулировать как целенаправленную деятельность органов военного

управления и военно-исторических органов по созданию и обеспечению функционирования системы ВИР в вооруженных силах, предназначенной для изучения военной истории и предоставления ее опыта с целью использования в теории и практике военного строительства. Руководство военно-исторической работой, участие в ней является прямой служебной обязанностью главнокомандующих, командующих, командиров и начальников всех степеней.

Организации военно-исторической работы, поскольку она является элементом управления повседневной деятельностью армии и флота, присущи законы, закономерности и принципы теории и практики управления вооруженными силами. В общепризнанном смысле для теории и практики понятие «организация» включает принятие решения, постановку задач, организацию взаимодействия, обеспечения, управления, планирование, организаторскую деятельность по осуществлению контроля и оказанию помощи в выполнении поставленных задач. В процессе организации военно-исторической работы командиры и начальники также ставят основные задачи, определяют конкретное содержание и исполнителей. Штабы планируют эту работу, доводят задачи до исполнителей, контролируют их выполнение.

Содержание организации военно-исторической работы может быть правильно определено только после рассмотрения сущности самой ВИР как системы.

Положение о военно-исторической работе⁴ уточняет вышеприведенное понятие ВИР в ВС РФ: «Военно-историческая работа является составной частью научной работы, проводимой в Вооруженных силах, и представляет собой деятельность по исследованию актуальных проблем военной истории и внедрению полученных результатов в теорию и практику военного дела, использованию знаний истории войн и военного искусства, истории строительства Вооруженных сил и военной мысли, истории развития вооружения и военной техники в интересах обучения и воспитания личного состава Вооруженных сил, а также граждан, подлежащих призыву на военную службу».

ПОДХОДЯ системно к военно-исторической работе в Вооруженных силах РФ, ее целям и задачам, организаторам и исполнителям (военно-историческим органам), их взаимосвязи, правомерно считать:

Военно-историческая работа является подсистемой системы

более высокого уровня — научной работы в вооруженных силах. Иначе говоря, военно-историческая работа — составная часть научной работы.

Цель функционирования военно-исторической работы как подсистемы определяется ее ролью и местом в системе научной работы (создание действительной исторической базы военно-научных исследований и применение принципа историзма в теории и практике военного дела), задачами научной работы по обеспечению строительства, подготовки и применения Вооруженных сил РФ, а также по воспитанию граждан России.

Данная цель достигается решением следующих основных задач:

определением важнейших проблем и приоритетных направлений военно-исторических исследований на основании задач военной науки и анализа отечественной и зарубежной историографии, организацией военно-исторических исследований и реализацией их результатов в теории и практике военного дела, воспитании граждан России; проведением исследований истории войн, военной мысли, военного искусства, строительства вооруженных сил, развития вооружения и военной техники в интересах ретроспективного анализа форм и способов вооруженной борьбы, строительства вооруженных сил и выявления тенденций их развития, обучения и воспитания военнослужащих армии и флота и граждан России; историографическим, архивным (источниковым) обеспечением военно-исторических исследований, информационным обеспечением военно-исторической работы (в рамках системы военно-научной информации), финансированием, материальным стимулированием труда военных ученых, материально-техническим обеспечением исследований и другими обеспечивающими мероприятиями — в рамках единой системы научной работы в вооруженных силах.

Указанные задачи группируются по их характеру: управленческие, исследовательские и обеспечивающие. В совокупности с их исполнителями (военно-историческими органами вооруженных сил) и функциональными связями они объединяются в подсистемы: управленческую, исследовательскую и обеспечивающую. Военно-исторические органы управленческой подсистемы включают военно-исторические подразделения военно-научных комитетов (отделов, групп), штатных и нештатных военных историков органов военного управления — за-

казчиков научно-технической продукции; исследовательской — научные организации (Институт военной истории МО, кафедры и научно-исследовательские подразделения вузов МО, научные подразделения военных музеев); обеспечивающей — научные подразделения военных архивов, органы научной информации в области военной истории («Военно-исторический журнал», библиотеки и др.).

Целостность системы военно-исторической работы обеспечивается связями ее элементов между собой, то есть внутренними связями. Кроме того, функционирование системы военно-исторической работы обеспечивается связями с элементами системы более высокого уровня (научной работы в ВС), с другими системами вооруженных сил (оперативной и боевой подготовки, военного образования, системой воспитания военнослужащих), связями взаимодействия с государственными и общественными научными организациями в области военной истории.

ВНУТРЕННИЕ связи системы военно-исторической работы определяются нормативными правовыми документами — положениями о научной и военно-исторической работе в вооруженных силах. Они могут быть вертикальные, главным образом по линиям «орган управления научной работой — научная организация», «заказчик — исполнитель научной работы», «головная научная организация и координируемые научные организации», и горизонтальными — «архив — научная организация», связи взаимодействия и др.

Связи с элементами системы научной работы в вооруженных силах определяются целями военно-исторической работы, смежностью предмета исследования военно-исторической и военной науки (истории и теории военного искусства, истории и теории строительства вооруженных сил, истории развития вооружения и военной техники и теории вооружения и т.д.). Принципы осуществления этих связей вытекают из методологии военной и военно-исторической науки, методики военно-научных и военно-исторических исследований, принципов управления.

Связь с другими системами вооруженных сил (системами оперативной и боевой подготовки, военного образования, воспитания военнослужащих) осуществляется по линии заказчиков научно-технической продукции, то есть заинтересованных органов военного управления: Главного оперативного управления Генерального штаба (ГШ),

главных командований (командований) видов и родов войск, Тыла ВС; Главного управления воспитательной работы ВС, Главного управления кадров Министерства обороны (Управления военного образования) соответственно. Выделение этих связей в отдельные направления ВИР (использование военно-исторических знаний в обучении и воспитании военнослужащих) связано с характером военно-исторических знаний и возможностью их непосредственного применения в современных условиях, которое возможно главным образом в образовательном и воспитательном процессе, в других областях военного дела они могут использоваться, как правило, только после проработки военной наукой.

Таким образом, система военно-исторической работы в вооруженных силах представляет собой совокупность военно-исторических органов, научных исследований в области военной истории, мероприятий по их организации и всестороннему обеспечению, предназначенную для изучения военной истории и предоставления ее опыта для использования в теории и практике военного строительства.

Организация ВИР в вооруженных силах — предмет деятельности военно-исторических органов, входящих в состав управленческой подсистемы системы военно-исторической работы.

Содержание организации военно-исторической работы в вооруженных силах может включать следующие элементы:

определение целей, задач, тематики, форм военно-исторической работы и основных ее исполнителей, формирование нормативной правовой базы военно-исторической работы в армии и на флоте;

постановку задач исполнителям (военно-историческим органам); планирование военно-исторической работы;

организацию обеспечения, координации и контроля военно-исторической работы;

организаторскую работу в военно-исторических органах, направленную на оказание им помощи в выполнении поставленных задач.

Принимая во внимание, что основой ВИР являются военно-исторические исследования, а ответственность за реализацию их результатов возлагается на заказчиков научной военно-исторической продукции, входящих в управленческую подсистему, представляется целесообразным выделить специфический элемент организации военно-исторической работы — организацию реализации результатов военно-исторических исследований в теории и практике военного дела.

В зависимости от целей и конкретных задач отдельные элементы организации военно-исторической работы могут исключаться или, наоборот, включаться, как может изменяться и последовательность их выполнения, но в целом ее содержание определяется содержанием самой военно-исторической работы на данное время и условиями ее выполнения.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ решение задач организации и проведения военно-исторической работы осуществляется военно-историческими органами вооруженных сил, которые по своему предназначению и принадлежности к различным элементам (подсистемам) ВИР подразделяются на три категории.

К первой относятся военно-исторические органы управленческой подсистемы: военно-исторические подразделения (отделы, группы, штатные и нештатные военные историки) органов военного управления и штабов объединений, соединений и воинских частей. Они предназначены для выполнения задач организационно-методического руководства военно-исторической работой в вооруженных силах, в их видах, родах войск, в главных и центральных управлениях Министерства обороны, объединениях, соединениях и воинских частях (кораблях), которое включает в себя разработку проектов руководящих документов по военно-исторической работе, планирование, координацию и контроль. На них же возлагается выполнение функций заказчика научных работ в области военной истории: организация военно-исторических исследований, их научное сопровождение, приемка и реализация результатов⁵.

Эти органы могут в различные исторические периоды быть самостоятельными, как Военно-историческое управление Генерального штаба в 1946 году, историко-архивный отдел ГШ в 1978—1991 гг., Военно-исторический центр ВС РФ в 1997—

ХРОНОГРАФ

1 ноября 1771 года в с. Прохоровке (ныне Каневского р-на Черкасской обл., Украина) родился Дмитрий Петрович Неверовский, герой Отечественной войны 1812 года, генерал-лейтенант (1812). На военной службе с 1786 года, рядовой лейб-гвардии Семеновского полка. С 1787 года — прапорщик Малороссийского кирасирского полка. Участник Русско-турецкой войны 1787—1791 гг., войны с Польшей 1792—1794 гг. и Русско-австро-французской войны 1805 года. В Отечественной войне 1812 года командовал 27-й пехотной дивизией, которая отличилась в Бородинском сражении в обороне Семеновских флешей. За боевые заслуги на Бородинском поле воинам дивизии воздвигнут памятник. На граните выбита надпись: «Бессмертной дивизии Неверовского — героям Шевардина и Семеновских флешей». В ходе контр наступления русской армии Д.П. Неверовский успешно руководил дивизией в боях под Тарутином, Малоярославцем и под Красным. В Лейпцигском сражении 1813 года был ранен, умер от гангрены 2 ноября 1813 года. Награжден орденами Св. Владимира 2-й ст., Св. Анны 1-й ст., Св. Георгия 3-й ст., иностранным орденом. Прах Д.П. Неверовского в 1912 году перевезен в Россию и захоронен на Бородинском поле.

1 ноября 1871 года родился Адриан Иванович Непенин, вице-адмирал, участник Русско-японской войны

1904—1905 гг., командующий Балтийским флотом в 1916—1917 гг. Убит революционными матросами в марте 1917 года в Гельсингфорсе (Хельсинки).

2 ноября 1901 года родился Дмитрий Данилович Лелюшенко (хут. Новокузнецкий Ростовской обл.), генерал армии (1959), дважды Герой Советского Союза (1940, 1945), Герой ЧССР. В годы Гражданской войны сражался в составе партизанского отряда Б.М. Думенко. В составе Первой Конной армии участвовал в Воронежско-Касторненской, Донбасской и Егорлыкской операциях. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В годы Великой Отечественной войны командовал механизированным и стрелковым корпусами, затем 5, 70, 1, 3-й гвардейской, с 1944 года — 4-й танковой (с 1945 г. гвардейской) армиями. С 1956 года командовал войсками ряда военных округов. В 1960—1964 гг. — председатель ЦК ДОСААФ СССР. Умер 20 июля 1987 года.

6 ноября 1941 года в Москве, на станции метро «Маяковская», состоялось торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С докладом выступил председатель ГКО И.В. Сталин.

7 ноября 1891 года родился Дмитрий Андреевич Фурманов (с. Середя, ныне г. Фурманов Ивановской обл.), писатель. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны являлся комиссаром 25-й (Чапаевской) дивизии, затем начальником политуправления Туркестанского фронта. Руководил ликвидацией антисо-

1999 г., или же входит в состав органов военного управления и организаций вооруженных сил: Военно-историческое управление Главного военно-научного управления ГШ (1949 г.), исторический отдел Историко-архивного и военно-мемориального центра ГШ (1993—1997 гг.), отдел организации военно-исторической и военно-научно-информационной работы Военно-научного комитета Генерального штаба (с 1999 г. по настоящее время).

Вторую категорию составляют военно-исторические органы исследовательской подсистемы на которые возлагается проведение военно-исторических изысканий. Это такие научные организации, как Институт военной истории Министерства обороны — головное научно-исследовательское учреждение в области военной истории, военно-исторические кафедры и научно-исследовательские подразделения военно-учебных заведений и научных организаций, научные подразделения военных музеев.

До создания Института военной истории МО (1966 г.) функции головной научно-исследовательской организации в области военной истории возлагались на структурные органы Генерального штаба — Военно-историческое управление, военно-исторический отдел Военно-научного управления ГШ. Эти органы наряду с организацией военно-исторической работы проводили и координировали военно-исторические исследования в вооруженных силах.

Кроме научных организаций к исследовательской подсистеме военно-исторической работы правомерно отнести и военно-исторические органы штабов, которые одновременно с организационной деятельностью в военное время обобщают боевой опыт, а в мирное — опыт оперативной и боевой подготовки. Их деятельность координируется органами управления научной работой Генерального штаба, видов Вооруженных сил, родов войск и их головными научными организациями.

Военно-исторические исследования по праву являются центральным звеном всей военно-исторической работы. Другие элементы последней связаны лишь с организацией научных исследований в области военной истории, обеспечением и реализацией результатов в военно-теоретической области военной науки, по линии оперативной и боевой подготовки, образования и воспитания, иным направлениям практической деятельности вооруженных сил. В этой связи и деятельность военно-исторических органов управленческой и обеспечивающих подсистем военно-исторической работы направлена на организацию и обеспечение деятельности научных организаций и на реализацию результатов их работы.

Военные музеи являются культурно-просветительными и научно-исследовательскими учреждениями культуры. В них собраны уникальные коллекции, которые являются подлинными свидетелями истории. В этом, соб-

ственно, их ценность. Бытует другое выражение: «музеи — окна в историю».

В ЦЕЛОМ военные музеи являются элементами системы воспитания в ВС, а головные музеи (Центральный музей Вооруженных сил, Центральный музей Великой Отечественной войны, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Центральный военно-морской музей, Музей ВВС, и Военно-медицинский музей), имеющие исторический профиль и обладающие наибольшим научным потенциалом, включены также в состав военно-исторических органов. Указанные музеи проводят научные исследования в области музееведения и в области профильных дисциплин (военные музеи исторического профиля — в области военной истории). Военно-исторические исследования музеев связаны с изучением музейных коллекций. Результаты реализуются в научно-экспозиционной работе и, кроме того, оформляются в качестве отдельных изданий и используются в процессе воспитания в вооруженных силах.

Третья категория — военно-исторические органы обеспечивающей подсистемы. К ней прежде всего относятся научные подразделения военных архивов, а также органы научной информации в области военной истории — «Военно-исторический журнал», исторические подразделения других печатных органов и военно-исторические библиотеки.

ветского мятежа в Алма-Ате и врангелевского десанта на Кубани. Известность как писателю ему принесли романы «Чапаев» (1923) и «Мятеж» (1925). Умер 5 марта 1926 года. Похоронен в Москве.

7 ноября 1911 года родился Михаил Кузьмич Янгель (дер. Зырянова, ныне Нижне-Илимского р-на Иркутской обл.), ученый и конструктор в области ракетно-космической техники, дважды Герой Социалистического Труда (1959, 1961), лауреат Ленинской и Государственной премий, академик АН СССР и УССР. В 1937 году окончил МАИ. Работал в КБ Н.Н. Поликарпова, затем В.М. Мясищева. В 1952—1954 гг. — директор НИИ, с 1954 года — главный конструктор КБ. Руководитель нового направления в ракетной технике, основанного на использовании высококипящих компонентов топлива. Под его руководством разработаны ракеты Р-12, Р-14, Р-16, Р-36, ставшие основой для создания последующих боевых ракетных комплексов. Умер 25 октября 1971 года.

7 ноября 1941 года в 8 часов утра на Красной площади Москвы начался военный парад в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Войска ПВО столицы находились в полной боевой готовности. Командный пункт 6-го истребительного авиакорпуса имел прямую связь с трибуной Мавзолея. Парад принимал Маршал Советского Союза С.М. Буденный, командовал парадом командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П.А. Артемьев. К участникам парада с речью обратился Верхов-

ный Главнокомандующий И.В. Сталин. Первыми мимо Мавзолея прошли курсанты 1-го Миннометно-артиллерийского училища, затем Училища имени Верховного Совета РСФСР и окружного Военно-политического училища, полки 2-й Московской и 332-й Ивановской имени М.В. Фрунзе стрелковых дивизий, части Московского гарнизона, Московский флотский экипаж, кавалерия, артиллерия, зенитный полк 1-го корпуса ПВО и более 200 танков резервных частей Ставки ВГК. На трибуне Мавзолея В.И. Ленина находились: И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, С.М. Буденный, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков, А.И. Микоян.

11 ноября 1876 года в Тифлисе (Тбилиси) родился Евгений Андреевич Беренс, капитан 1 ранга, в 1904 году старший штурман крейсера «Варяг», участвовал в морском бою у Чемульпо (1904). В 1917 году назначен начальником иностранного отдела Морского Генерального штаба. Перешел на сторону Советской власти, с апреля 1919 по февраль 1920 года — командующий Морскими силами Республики. Служил военно-морским аташе, участвовал в работе международных конференций. Умер 7 апреля 1928 года в Москве.

13 ноября 1771 года во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. русская эскадра из 15 судов под началом графа А.Г. Орлова начала трехдневную осаду турецкой крепости на о. Метелин, которая была затем взята высадившимся десантом.

(Продолжение на с. 52)

Военные архивы представляют собой учреждения, осуществляющие сбор, хранение, научно-техническую обработку и использование законченных делопроизводством военных документов, а также публикацию архивных материалов (самостоятельно или совместно с исследовательскими учреждениями).

Документы государственных и военных архивов составляют основу источниковой базы научно-исследовательской работы в области военной истории. Среди военных архивов выделяются центральные архивы, в которых находятся на хранении документы, представляющие собой научную и историческую ценность и переданные из архивов военных округов и флотов, объединений видов Вооруженных сил, главных и центральных управлений Министерства обороны.

В настоящее время в Министерстве обороны Российской Федерации функционируют следующие центральные архивы: Центральный архив МО РФ (ЦАМО РФ), Центральный военно-морской архив, архив Ракетных войск стратегического назначения, архив военно-медицинских документов. В них сосредоточена основная масса документов, касающихся организации и деятельности Вооруженных Сил СССР и Российской Федерации с 1941 года по настоящее время.

Центральные военные архивы имеют штатные научные подразделения, входящие в состав военно-исторических органов. На них возлагается обеспечение деятельности исследователей, а также проведение научно-исследовательской работы в интересах вышестоящих организаций. Например, ЦАМО СССР в 80-е и 90-е годы XX века обеспечивал достоверными военно-историческими сведениями создателей кинофильмов, радио- и телепередач. Архивные документы использовались также при подготовке цикла передач советского радио о городах-героях, телевизионного альманаха «Подвиг», передач «Служу Советскому Союзу», «Содружество», при создании кинофильмов и телефильмов, посвященных Победе в Великой Отечественной войне.

Документы Советской армии и Военно-морского флота за предвоенный период хранятся в Российском государственном военном архиве и Российском государственном архиве ВМФ.

«Военно-исторический журнал» — печатный орган Министерства обороны РФ. Он предназначен для офицеров, а также для всех тех, кто интересуется военной историей. Журнал освещает

актуальные проблемы отечественной и зарубежной военной истории, военной политики государства, достижения военно-исторической мысли; ведет пропаганду военно-исторических знаний, лучших традиций вооруженных сил; осуществляет оперативное разоблачение искажений и фальсификации отечественной военной истории и формирование позитивного общественного мнения по основным проблемам военного строительства, защиты Отечества.

Газета «Красная звезда» (центральный орган Министерства обороны), окружные (флотские) газеты, имеют в составе редакций специализированные подразделения или отдельных должностных лиц, на которых возлагается подготовка публикаций по вопросам военной истории.

К числу военно-исторических органов правомерно отнести и нештатные координационные научные (научно-методические) советы по военно-исторической работе в ВС РФ, которые были созданы приказами министра обороны РФ 1993, 1996 и 2001 года. Цель их создания — определение концептуальных направлений развития военно-исторической работы в вооруженных силах и обеспечение руководства ею в войсках (силах), военно-учебных заведениях и учреждениях Министерства обороны.

Таков общий состав военно-исторических органов, на которые в соответствии с нормативными правовыми актами Министерства обороны возлагаются задачи военно-исторической работы.

ИЗУЧЕНИЕ военной истории носит общегосударственный характер, что предьявляет к деятельности военно-исторических органов высокие требования. Первым, а следовательно, главным среди них является объективный подход к событиям военного прошлого, как отечественного, так и зарубежного. Вторым, тесно связанным с первым, является высокая ответственность за порученный участок работы. Необходимо постоянно помнить о том, что выводы из военного прошлого используются в решениях по обеспечению военной безопасности Российской Федерации, в строительстве и подготовке Вооруженных сил, воспитании личного состава армии и флота на современном этапе. И третье, что требуется от военно-исторических органов, — это быть на высоте своего положения, иметь высокую историческую и военную подготовку, знания и навыки в области организации и проведения военно-исторической работы.

Проблема организации военно-исторической работы в вооруженных силах многогранна и достаточно сложна. В настоящей статье обращено внимание только на отдельные ее стороны. Но даже из того, что сказано, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, организация военно-исторической работы представляет собой целенаправленную деятельность органов военного управления и военно-исторических органов по созданию и функционированию системы ВИР в вооруженных силах. Она является одним из элементов управления повседневной деятельностью армии и флота. Руководство военно-исторической работой, участие в ней являются прямой служебной обязанностью главнокомандующих, командующих, командиров и начальников всех степеней.

Во-вторых, содержание организации военно-исторической работы включает в себя следующие основные элементы: определение целей, задач, тематики, форм ВИР и основных ее исполнителей, формирование нормативной правовой базы военно-исторической работы в вооруженных силах; постановку задач исполнителям (военно-историческим органам); планирование ВИР; организацию обеспечения, координации и контроля военно-исторической работы; организаторскую работу в военно-исторических органах, направленную на оказание им помощи в выполнении поставленных задач; реализацию результатов военно-исторических исследований.

В третьих, состав и уровень подготовки военно-исторических органов Вооруженных сил (управленческих, исследовательских и обеспечивающих) должны постоянно соответствовать задачам военно-исторической работы в армии и на флоте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 162.

² Португальский Р.М., Хорьков А.Г. Военно-историческая работа. М.: Воениздат, 1990. С. 36.

³ См.: Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 946.

⁴ См.: Положение о военно-исторической работе в Вооруженных силах, утвержденное приказом министра обороны РФ 2001 г.

⁵ Положение о научной работе в Вооруженных силах РФ, утвержденное приказом министра обороны РФ 2000 г.

*Полковник
С.Л. КОРОБИЦЫН*

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ГЕРМАНИИ: ОТ «ПРУССКОЙ» К «АНГЛО-САКСОНСКОЙ» МОДЕЛИ

ЗАПАДНЫЕ военные историки выделяют две модели военного устройства: англо-саксонскую и прусскую. Первая отличается координирующей, а не управляющей ролью центральных органов военного руководства при значительной самостоятельности видов вооруженных сил. В основе второй модели — жестко управляющей всей военной организацией государства специальный орган — Генеральный (или Главный) штаб. Эта модель неслучайно называется прусской, поскольку роль Генерального штаба (ГШ) наиболее полно во второй половине XVIII века проявилась именно в Пруссии. С тех пор данная модель претерпела ряд существенных изменений. Видный германский военный деятель и теоретик Х. фон Массенбах еще в 1801 году отметил настоятельную необходимость постоянного действующего, даже в мирный период, штаба, который бы занимался главным образом общим планированием всей военной деятельности государства и разработкой детальных оперативных планов действий войск для каждого конкретного случая. Еще одним весьма интересным моментом в этой инициативе была его мысль о необходимости постоянного обучения и повышения квалификации офицеров и генералов, входящих в этот орган военного управления.

Идея создания такого органа витала, что называется, в воздухе в течение всего XVIII века, но была реализована именно в начале XIX века. Дело в том, по мнению английского военного теоретика А. Кэмпбелла, что период конца XVIII — начала XIX века был эпохой «революционных», а по сути захватнических войн

Франции под предводительством Наполеона. Его досконально продуманным, детально спрогнозированным планам кампаний не могла противостоять до определенного момента ни одна из стран Европы. Сокрушительное же поражение Пруссии в 1806 году в Йена-Ауэрштедтском сражении, продемонстрировавшем Европе умение Наполеона единолично, при минимальном содействии штаба, управлять многокорпусной армией, заставило оперативно изыскивать адекватные контрмеры¹.

Влиятельный военно-политический деятель Пруссии Г. Шарнхорст и его коллеги-единомышленники путем кропотливого анализа сражений непобедимой на тот момент наполеоновской армии и рассмотрения возможных вариантов противодействия ей пришли к выводу, что нейтрализовать планы военных кампаний гениальных полководцев настоящего и будущего можно только коллективным умом глубоко и разносторонне подготовленных генералов и офицеров, составляющих единую команду — Генеральный штаб, который позже назовут «мозгом армии». Впоследствии ставший начальником ГШ германской армии в годы Первой мировой войны генерал Э. Людендорф и бывший некоторое время в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. начальником ГШ Красной армии Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников особо отмечали позитивную сторону утвердившегося в первой половине XIX века коллегиального характера работы руководства высшей штабной инстанции Пруссии².

К составу этой команды, соответственно, предъявля-

лись особые требования. В прусской армии существовала практика отбора в ГШ наиболее одаренных, хорошо образованных офицеров, в результате чего уже к середине XIX века в Германии сформировалась каста штабных офицеров, имевших весьма высокий статус в высшем обществе страны. Известный русский военный теоретик А.А. Свечин подчеркивал в качестве одного из преимуществ «прусской» военной модели то, что даже в условиях сложной феодально-иерархической системы на должности начальников штабов ставились молодые перспективные генералы и полковники, которым по сути и вверялась судьба армии Пруссии³. В то же время всячески поощрялись периодическая ротация штабных офицеров и направление их для службы в линейные части и соединения.

Вообще же квинтэссенцией работы в ГШ, как определяли ее прусские основатели этой системы, является сбор, обработка информации и выдача интеллектуального продукта. Поэтому аналитическим способностям кандидатов на службу в ГШ уделялось особое внимание. Естественной в этом плане стала и концентрация всей военно-теоретической деятельности в Пруссии в стенах именно Генерального штаба. Как отмечал германский военный историк В. Горлиц, «настоящий офицер Генерального штаба — это тот, у кого сердце принадлежит войскам, а голова — науке»⁴.

В первые десятилетия становления генштабовской системы в Пруссии среди ее теоретиков-основателей возникла острая дискуссия относительно места ГШ в иерархической системе вла-

сти в стране. Так, упомянутый Х. фон Массенбах ратовал за активное участие руководства Генерального штаба в политической жизни государства⁵. С ним был категорически не согласен другой знаменитый военный теоретик — К. фон Клаузевиц, который вполне резонно замечал, что в таком случае руководству ГШ не останется времени на собственно военные дела, разве что на занятия теорией.

Вторая половина XIX века в германской истории в целом — это период противоречивого становления централизованной системы военного руководства на фоне заключительного этапа формирования единого немецкого государства — Германской империи — при существенной роли в этом Пруссии и выдающегося прусского политического деятеля О. фон Бисмарка. Победы в так называемых объединительных войнах с Данией в 1864 году, с Австрией в 1866 году и с Францией в 1870—1871 гг. благодаря самой современной по тем временам системе комплектования прусских ВС (воинская повинность) и качественному превосходству вооружения (нарезное стрелковое оружие и артиллерия) принесли не только

политический и военный триумф Пруссии. Именно успешная деятельность Пруссии способствовала образованию в 1871 году Германской империи и развитию военного искусства, к разработкам в области которого были непосредственно причастны прусские военачальники и военные теоретики. Такие военные и государственные деятели Пруссии (а затем Германии), как Х. фон Мольтке-старший, А. фон Шлиффен и другие, теоретически описали и внедрили значительное количество новшеств, в том числе и в централизованную систему руководства государством и войсками через Генеральный штаб⁶.

Во второй половине XIX века генштабовская система Германии организационно состояла из двух частей: Большого Генерального штаба и оперативного штаба — войсковых штабов, фактически представлявших подсистему общей системы Генерального штаба. Большой ГШ являл собой структуру национального масштаба и имел статус на уровне Военного министерства. Подсистема войсковых штабов пронизывала армии, корпуса и дивизии и была как бы связующим звеном между Боль-

шим ГШ и командирами объединений, соединений и частей. Между тем, несмотря на кажущийся логический порядок и взаимообусловленность элементов сложившейся системы, в конце XIX века проявились недостатки и противоречия «прусской» модели управления войсками в Германии.

К этому времени сформировавшаяся как федеральное государство Германия имела вооруженные силы, которые были представлены войсками в основном четырех входящих в нее «земель» — Пруссии, Вюртемберга, Баварии и Саксонии. Причем каждый из федеральных элементов вооруженных сил, несмотря на формальное общее командование, сохранил свою определенную автономию, традиции. Ситуация усугублялась еще и тем, что не только имперские ВС, но и каждый из составлявших их элементов (даже войска Пруссии — основа германской армии) не имел своей доктрины или видовой концепции. Регламентирующие документы — уставы — отражали лишь тактический уровень в звене «полк — батальон — рота». Фактически в этом сформированном в центре Европы мощном военизированном

ХРОНОГРАФ

(Продолжение. Начало на с. 48)

14 ноября 1851 года началось сквозное регулярное движение по железной дороге между Санкт-Петербургом и Москвой. Для охраны и эксплуатации дороги сформированы 14 отдельных военно-рабочих, 2 кондукторские и 1 телеграфная рота. С этих формирований начинают свою историю Железнодорожные войска России.

14 ноября 1941 года в оккупированном немцами Харькове, в доме №17 по ул. Ф.Э. Дзержинского по радиокоманде, поданной с Воронежской радиовещательной станции, взорван радиофугас, установленный диверсионной группой полковника И.Г. Старина, техническую часть операции обеспечивали инженеры А.В. Беспалытнов и Ф.С. Коржов. В результате взрыва убит начальник гарнизона генерал-майор фон Браун и около 20 солдат и офицеров. Одно из первых применений радиофугасов.

14 ноября 1956 года постановлением Совета Министров СССР в г. Калинин создана Военная академия ПВО, учебный процесс в которой начался в марте 1957 года. Первым начальником академии являлся генерал-полковник П.Г. Шафранов. В 1974 году ей присвоено имя Г.К. Жукова, с 1992 года — Военная командная академия противовоздушной обороны, в настоящее время — Военная академия воздушно-космической обороны им. Г.К. Жукова.

15 ноября 1881 года капитан 1 ранга Александр Федорович Можайский получил авторское свидетельство на изобретенный им «воздухоплавательный снаряд».

15 ноября 1941 года началась Клиньско-Солнечногорская оборонительная операция войск правого крыла Западного фронта (генерал армии Г.К. Жуков) как часть Битвы под Москвой 1941—1942 гг. После провала октябрьского наступления на Москву германское командование подготовило удар силами группы армий «Центр» с целью захвата Москвы путем обхода ее с севера и юга. На фронте Калинин–Волоколамск–Руза были сосредоточены 3-я и 4-я танковые группы противника, перед которыми оборонялись 30-я (генерал-майор Д.Д. Лелюшенко) и 16-я (генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) армии. Противник имел численное превосходство в людях в 1,6, орудиях и минометах в 2, танках в 3,4 раза. Войска 30-й армии вынуждены были отойти к Волге. Особенно упорные бои развернулись на волоколамско-истринском направлении, где самоотверженно дрались подразделения 16-й армии. Однако врагу удалось захватить Клинь, Солнечногорск, Яхрому, Красную Поляну, несколько деревень на восточном берегу канала им. Москвы. До столицы оставалось около 30 км. К этому времени в состав правого крыла войск Западного фронта из резерва Ставки ВГК были переданы свежие силы, и к концу ноября после контрударов в районах Дмитрова, Яхромы, Красной Поляны и Крюкова противника удалось остановить. В результате данной, а также Тульской оборонительной операции было выиграно время для сосредоточения на мос-

государстве при формальном наличии органа централизованного руководства — ГШ к началу XX века вся полнота власти, в том числе и в вопросах формирования концепций боевых действий, перешла в руки реальных «военных хозяев на местах» — командиров корпусов (всего их было 25). Весьма примечателен и тот факт, что в эти же годы на фоне ожесточенной полемики в среде военных относительно того, какую тактику взять на вооружение — «открытую» (относительная свобода командиров тактического звена в принятии решений) или «закрытую» (жесткая регламентация в действиях командиров, строгое выполнение приказов нижестоящими), командиры корпусов обучали своих офицеров и готовили войска, опираясь на те принципы и методы, которые исповедовал тот или иной «теоретико-доктринальный лагерь».

Британский военный историк Р. Фоли приводит в этой связи весьма показательный пример. Генерал С. фон Шлихтинг, командовавший XIV армейским корпусом в Бадене и исповедовавший «открытую тактику», методично в течение шести лет своего руководства обучал

подчиненные ему войска, исходя из принципа «свобода и инициатива командиров низшего звена». Пришедший же ему на смену в 1896 году генерал А. фон Бюлов, ярый сторонник «закрытой тактики», в короткий срок добился того, что уже на следующий год в ходе корпусных маневров его офицеры демонстрировали «абсолютное подчинение воле командира». Этим самым Бюлов подчеркивал «необходимость преемственности» в германской армии традиций, заложенных еще прусским королем Фридрихом II, в соответствии с принципами которого «генералы и иные начальники, сверху донизу, должны не рассуждать, а только исполнять приказы» вышестоящего командира. Такое положение не могло не привести к негативным последствиям. Уже в ходе Первой мировой войны части и подразделения, руководимые офицерами — представителями разных «школ», терпели поражения именно из-за несогласованности в действиях, непонимания их командиров⁷. Другими словами, есть все основания констатировать факт разбалансированности, несостоятельности централизованной «прусской» мо-

дели военного руководства, которые имели место в самой Германии в конце XIX — начале XX века.

С другой стороны, критики этой модели, главным образом из среды англо-американских военных теоретиков, подчеркивают, что именно фактическое забвение жесткой централизованной модели военного руководства в Германии в тот период позволяло немецким генералам и офицерам в ряде случаев в ходе Первой мировой войны проявлять свое высокое индивидуальное мастерство, находить оригинальные, нестандартные, зачастую совершенно неожиданные для их противников решения и достигать если и не стратегических (войну Германия все-таки проиграла), то тактических и оперативных успехов.

Как известно, в соответствии с Версальским мирным договором 1919 года германская военная машина и ее символ — Генеральный штаб — были упразднены. Однако уже в 1920-е годы исподволь, в условиях скрытности и зачастую при явном попустительстве заинтересованных зарубежных кругов началось возрождение и германского милитаризма в це-

ковском направлении стратегических резервов, что создало условия для перехода в контрнаступление.

18 ноября 1586 года родился Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, князь-рюрикович. На службе находился с 1604 года, являясь стольником у Бориса Годунова. Лжедмитрий I ввел князя как члена «репрессированной» семьи Шуйских в звание великого мечника. С 1606 года командует войсками, действовавшими против восставших отрядов И. Болотникова. В период Смутного времени проявил военный талант и разбил войска Лжедмитрия II под Торжком, Тверью и Дмитровом. Руководимые им войска в 1610 году освободили Москву от польской блокады. В марте того же года торжественно вступил в столицу. Он был одним из возможных претендентов на престол, и современники видели в нем человека, способного вывести государство из кризиса. Умер внезапно 3 мая 1610 года. Похоронен по требованию народа в Архангельском соборе Кремля в приделе Иоанна Крестителя.

18 ноября 1856 года основана Комиссия морских артиллерийских опытов, позднее — Морской артиллерийский полигон.

18 ноября 1856 года в Санкт-Петербурге родился великий князь Николай Николаевич (Младший), сын Николая Николаевича (Старшего), военный деятель, генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1901). На военной службе с 1871 года. Окончил Николаевское инженерное училище (1873), Академию Генерального штаба (1876). Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в качестве флигель-адъютанта и генерального

штаба капитана состоял для особых поручений при своем отце — главнокомандующем Дунайской армией. С 1884 года — командир лейб-гвардии Гусарского полка, с 1888-го — кавалерийской бригады, с 1890-го — 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1895—1905 гг. — генерал-инспектор кавалерии. В 1905—1914 гг. — главнокомандующий войсками Гвардии и Петербургского военного округа, одновременно в 1905—1908 гг. — председатель Совета государственной обороны. Во время Первой мировой войны в 1914—1915 гг. — Верховный главнокомандующий. Под его руководством русские войска нанесли поражение австро-венгерской армии в Галиции, успешно действовали в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях 1914 года, но потерпели поражение в Восточной Пруссии. Неудачи преследовали русскую армию под его руководством и в кампании 1915 года, в результате были потеряны Польша, Галиция, Литва, часть Западной Белоруссии и Латвии. 23.8(5.9).1915 года Николай Николаевич смещен с поста Верховного главнокомандующего и назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом. На Кавказе русские войска под руководством Николая Николаевича в 1915—1916 гг. одержали ряд побед над турками, но развить успех из-за нехватки сил не смогли. 2(15).3.1917 года при отречении от престола Николай II вновь назначил Николая Николаевича Верховным главнокомандующим,

(Окончание на с. 64)

лом, и генштабовской централизованной системы военного руководства в частности. Национал-социалисты, пришедшие к власти в Германии в начале 30-х годов XX века, формально объявили себя «наследниками прусских военных традиций». В действительности же это в большей части касалось идеологической стороны оголтелого милитаризма и экспансионизма, пронизавшего все звенья вермахта.

А. Гитлер, как и любой диктатор, опасаясь профессионального военного (собственно, и представленного наследниками прусских военных традиций) истеблишмента страны, сформировал в нем систему противовесов и сдержек в виде сложной иерархии высших органов стратегического руководства: штаб верховного командования ВС, штаб оперативного руководства, генеральный штаб сухопутных войск, штаб авиации, штаб руководства морской войной и т.д. Все эти штабы, по его замыслу, должны были улучшить «прусскую» модель ГШ в чистом виде и значительно повысить эффективность руководства войсками. Реально же получилось наоборот. Многочисленные штабы зачастую дублировали друг друга, отличались несогласованностью в действиях, конкуренцией и борьбой за лидерство в войсках, а также за близость к фюреру. В конце концов случилось то, что и должно было случиться: Германия войну проиграла не только на полях сражений, но и в борьбе «оперативно-тактических» умов».

В соответствии с решением Потсдамской конференции 1945 года германская система штабов, как и германская военная машина в целом, была ликвидирована. Но уже в первой половине 50-х годов XX века в силу тех или иных причин произошло возрождение германских вооруженных сил по обе стороны «железного занавеса». И если в Восточной Германии военное строительство осуществля-

лось под строгим контролем и по рекомендациям военнополитического руководства СССР, то в западной части страны возродить военную машину взялись американцы и британцы по, естественно, «англо-саксонской» модели, но с соблюдением некоторых, большей частью второстепенных традиций «пруско-германской», если так можно сказать, системы. Вытравливая «германский милитаристский дух», западные союзники заодно, хотели они этого или нет, лишили целое поколение германских военных возможности развивать богатые традиции в военной теории, в частности касающиеся системы централизованного руководства войсками.

Нынешние крупные преобразования в бундесвере, в том числе создание объединенных (межвидовых) командований (формирований)⁸, как бы возрождающих систему централизованного руководства на новом витке развития, являются скорее не внутренним побудительным мотивом, плодом претворения в жизнь изысканий германских военных теоретиков, а навязанной бундесверу, активно реализуемой в англосаксонском мире «концепцией объединенности», что, по словам упомянутого выше британского военного специалиста А. Кэмпбелла, есть «де-факто восприятие основных черт генштабовской системы» в новых условиях.

На рубеже 2005—2006 годов немецкие теоретики, демонстрируя «независимость германской военно-теоретической» школы, все же предъявили миру свою собственную «наработку», идущую в русле общего процесса сращения обеих моделей руководства в военной сфере. Так, генеральный инспектор бундесвера Вольфганг Шнайдерхан в начале февраля 2006 года выступил с официальным заявлением относительно дальнейшей реструктуризации германских вооруженных сил. В частности, в соответствии с разработанным планом предлагается вообще отказаться от

деления бундесвера на видовые компоненты (т.е. на сухопутные войска, ВВС и ВМС). По мнению немецких военных теоретиков и поддержавших их командиров высшего звена, «в современных условиях вооруженные силы должны подразделяться на три группы — боевые оперативные части, миротворческие силы для участия в зарубежных миссиях и силы поддержки (обеспечения)»⁹. В качестве первого шага Шнайдерхан предложил передать командование отдельными видами ВС в подчинение недавно созданного оперативного штаба в Потсдаме. Предполагается проведение таких структурных преобразований, которые позволили бы при необходимости задействовать в любой точке мира до нескольких десятков тысяч военнослужащих, сведенных в «объединенные» (межвидовые) формирования.

Судя по всему, этой так называемой новацией дело не закончится. Вполне вероятно, что германские реформаторы, возрождая былую славу немецкой военно-научной мысли, смогут обойти англосаксов в создании принципиально нового облика вооруженных сил, т.е. «вооруженных сил XXI века».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Campbell A. A British Joint General Staff... // RUSI Journal. August. 1997.

² Ibid.

³ Свечин А.А. Стратегия. М.: Госвоениздат, 1926.

⁴ Gorlitz W. The German General Staff, It's History and Culture 1657—1945 / Translated by Battershaw B. Hollis and Carter. London, 1957.

⁵ Campbell A. Op. cit.

⁶ Foley R. Institutionalized Innovation: The German Army... // RUSI Journal. April. 2002.

⁷ Ibid.

⁸ Aguera M. New Centre to Centralize German Military Planning. V. 16. № 32.

⁹ Судоров В. Грядет реформа бундесвера // Красная звезда. 10 февраля 2006 г.

**Генерал-майор
С.Л. ПЕЧУРОВ**

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ МУНДИР

Военный мундир во все времена подчеркивал особое социальное положение военнотружачего, его избранность, «воспринимался населением как символ, как некий геральдический элемент»¹. За свою историю российский военный мундир претерпевал многократные усовершенствования и нововведения по воле правителей, изменению идеологии, обращению к традициям, влиянию западно-европейской военной моды и, наконец, в связи с развитием военного дела. Однако немало образцов мундира постигла иная судьба: они остались лишь в проектах.

Нереализованные проекты

ки. В силу приверженности большинства российских императоров военной моде Западной Европы военный мундир порой до такой степени был схож с формой одежды ведущих европейских армий, что неспециалисту его было просто не отличить. Изменить такое положение дел активно стремились сторонники сохранения национальной самобытности военной геральдики армии России. Одним из ярких их представителей был император Александр III, который придал военному мундиру вид национальной одежды.

В защиту национальных традиций в военной геральдике выступали представители русского офицерства. Одним из них стал капитан Павел Шипов, издавший в 1901 году книгу «Русская военная одежда». Приняв за основу традиционные особенности полков со времен Петра I и национальную военно-геральдическую идею Александра III, П. Шипов предложил свое оригинальное видение внешнего облика русского солдата и офицера (рис. 1). Основным элементом предлагавшейся военной формы одежды должна была стать русская рубаха: суконная (строевая летняя), цветная (повседневная летняя) и холщовая (зимняя). Застегиваемая на русский манер (косоворотка) и подвязанная тонким поясом (кушаком), она могла придать воина неповторимый вид, тесно связанный в народном сознании с русским национальным костюмом. Завершенность внешнего вида военнотружачих должны были обеспечить национальные элементы верхней одежды: кафтан, опоясанный кушаком (каждый полк имел свой цвет), поярковая (зимой – меховая) шапка с цветным верхом; шаровары (рис. 2). Особое значение автор придавал военным геральдическим знакам (военным гербам)⁵. Дело в том, что в гражданских ведомствах и учреждениях России были введены подобные армейским отличительные знаки, наносившие «ущерб отличию офицерского звания»⁶. В качестве геральдических отличительных знаков и знаков различия военной формы одежды П. Шипов предлагал ввести: герб (черный

двуглавый орел на желтом поле) на правом рукаве верхней одежды; золотой галун на кафтане и на шапке; трехцветный офицерский шарф; нагрудный офицерский знак для особых случаев; погоны и герб на головной убор с лентой «За отличие» только у военнотружачих.

Таким образом, автор считал, что при создании военной одежды нужно было учесть особенности национального военного мундира времен Петра I, единство типа униформы для всех чинов, а также применить военные геральдические знаки, способствующие корпоративному духу военнотружачих.

Однако проект П. Шипова так и не был реализован, как и другие, более ранние предложения. Например, в короткий период правления Павла I известные многочисленные преобразования военного мундира, которые так и не дошли до реализации в большинство русских полков⁷.

ОБЩИЙ порядок изменения военной формы одежды в Советских Вооруженных Силах мало чем отличался по своей сущности от дореволюционного процесса совершенствования русского мундира. Подготовленные специалистами проекты обмундирования, знаков различия и снаряжения военнотружачих Красной (Советской) армии проходили соответствующую экспертизу, рассматривались компетентными комиссиями и утверждались высшими органами государственного и военного управления. Такая система неизбежно накапливала в архивах не востребуемые эскизы военной формы одежды.

Советский военный мундир ведет свою историю с начала 1919 года, когда были установлены образцы нового обмундирования и знаков различия Красной армии⁸. Наряду с обеспечением функционального признака узнаваемости принадлежности военнотружачих к армии Советского государства красноармейская униформа решала задачу сохранения национальной традиционности построения военного костюма. Этого требовал приказ народного комиссара по военным делам от 7 мая 1918 года: проектируемое об-

ИСТОРИЯ российского военного мундира непосредственно связана с геральдической службой России, которая «занималась не только дворянской генеалогией и гербами, но и государственной, земельной и военной геральдикой»².

Существенную роль во внедрении традиций использования геральдических знаков в русской регулярной армии играли официальные геральдисты – иммигранты и отечественные носители импортированных концепций гербоведения³. Благодаря их деятельности возникло понятие «русская геральдика». Весь комплекс основных геральдических представлений и значительная доля характерных знаковых форм были «включены в отечественную эмблематическую культуру извне»⁴. Это привело к тому, что на протяжении двух столетий (XVIII – начало XX в.) шел процесс непрерывного противоборства между сохранением традиций русского военного костюма и влиянием западно-европейской военной геральди-

офицер

унтер-офицер

рядовой

мундирование должно было быть «отвечающим по стилю духу народного творчества»⁹. Для этого ввели кафтан вместо шинели и головной убор, напоминавший богатырский шлем. В дальнейшем при совершенствовании военной формы одежды, ставшей своеобразным символом Красной армии, появились новые традиции¹⁰.

В ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне перед советским руководством встал вопрос укрепления морально-боевых качеств и поддержания наступательного порыва личного состава армии. Для этого были предприняты некоторые меры. Вместе с тем пришло осознание необходимости возвращения к истокам русских воинских традиций и обращения к их внешним атрибутам. «Акт возвращения золотых погон (вместе со словом «офицер») был, конечно, поворотным пунктом»¹¹ в возрождении традиционного мундира — свидетеля славы русского оружия.

В 1942 году, на подготовительном этапе введения новой военной формы одежды Красной армии, встал вопрос о масштабах возвращения качественных характеристик военного мундира русской регулярной армии конца XIX — начала XX века и его приспособленности к реалиям организационно-штатной структуры РККА.

В первоначальных проектах, предложенных на рассмотрение военному руководству страны, новые знаки субординации

предлагались в соответствии с воинскими званиями дореволюционной Русской армии¹². Например, звание лейтенант, приравненное к званию поручик, имело в разработках погоны с одним просветом и тремя звездочками; погоны капитана (с одним просветом) и полковника (с двумя просветами) — без звезд. Особенность Красной армии — наличие политсостава предла-

Рис. 1. Проекты формы одежды 1901 года

галось выделить погонами красного цвета с золотым шитьем и красными звездами.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ образцов нового обмундирования, особенно для высшего командного состава, представляло собой фактическое копирование конструкции и цветового решения внешнего вида военнослужащих дореволюционной армии России. В этом усматривалось желание возродить традиции отечественного военного мундира.

Особого внимания заслуживает проект формы одежды генералиссимуса и Маршалов Советского Союза, датированный 1945 годом¹³. За основу парадного мундира был принят офицерский сюртук. Его цвет, покрой, размещение военно-геральдических знаков и применявшееся снаряжение повторяли свой аналог — форму одежды офицерского корпуса Русской армии. Аксельбант, шитье и эполеты еще больше усиливали впечатление традиционного русского мундира (см. С. 3 обложки).

Окончательно принятые решения высших военных органов управления по изменению обмундирования и знаков различия к середине 1940-х годов лишь в общих чертах приблизились к традиционному русским образцам, существовавшим до 1917 года. Это было обусловлено

Рис. 2. Проект зимней формы одежды 1901 года

сдерживающим идеологическим фактором, новыми условиями функционирования армии, несколько другой системой персональных воинских званий в Красной армии.

В 1956–1957 гг., в период создания опытных образцов формы одежды военнослужащих Советской армии, были предусмотрены различные варианты. Новые виды обмундирования, знаков различия и снаряжения обсуждались непосредственно в войсках. Результатом всех этих мероприятий стало подписание приказа министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова об изменении парадной, повседневной и полевой форм одежды офицерского состава. Их конструкции были подобны униформам командного состава ВВС и автобронетанковых войск образца 1935 года. Однако, несмотря на положительные отзывы, форма не поступила в армию. После организационно-штатных мероприятий новый министр военного ведомства Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский отменил изданный приказ¹⁴.

До конца 1960-х годов деятельность органов государственного и военного управления по совершенствованию военной формы одежды Советской армии (в основном парадной) приобрела эпизодический характер и была приурочена, как правило, к юбилейным датам. Это вызвало некоторое недовольство у сторонников сохранения традиций советской военной формы одежды, сформированных до Великой Отечественной войны. Так, подполковник запаса Г.Н. Кудымов 10 ноября 1957 года отмечал в своем письме министру обороны СССР маршалу Р.Я. Малиновскому: «С некоторых пор в армии все больше и больше офицер отдалается от рядовых солдат... В пролетарской социалистической армии не может быть места разным побрякушкам, свойственным буржуазным армиям. Чем проще одет офицер Советской армии, тем лучше»¹⁵.

В 1965 году управлением вещевого снабжения Министерства обороны СССР были подготовлены предложения по преобразованию формы одежды военнослужащих Советской армии. Эти предложения основывались на коренных изменениях, происшедших в характере ратного труда, возможности нанесения потенциальным противником ракетно-ядерного удара и необходимости защиты военнослужащих от не известных ранее поражающих факто-

ров нового оружия и агрессивных сред. Для рассмотрения проекта министр обороны СССР назначил комиссию¹⁶. Обсуждались два варианта парадной и повседневной формы для маршалов, генералов, офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы: с открытым и закрытым мундиром и кителем, единым цветом тканей для предметов обмундирования всех категорий военнослужащих. Предусматривались значительная унификация формы одежды и единый красный цвет околышей фуражек, кантов, петлиц и просветов на погонах для всех видов и родов войск, кроме авиации, для которой сохранялся голубой цвет. Украсить парадную форму одежды маршалов, генералов, офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы должны были аксельбант и кортик.

Особого внимания заслуживают предлагавшиеся варианты размещения знаков различия по воинским званиям: при открытой форме – погоны существовавшего образца; при закрытой – погоны или знаки различия, размещенные на петлицах и на рукавах наподобие знаков Красной армии довоенного периода¹⁷. Предполагалось вернуться к сложившимся советским традициям военного мундира (см. С. 3 обложки). Предложения по внесению изменений в обмундирование и снаряжение военнослужащих были разосланы для обсуждения во все военные округа и группы войск.

В ноябре 1965 года комиссия после рассмотрения проектов на нескольких своих заседаниях приняла решение, которое не в полной мере соответствовало результатам обсуждения в войсках, не отвечало требованиям унификации военной одежды и не устранило имевшуюся пестроту в цвете обмундирования военнослужащих. Несмотря на проделанную подготовительную работу и обсуждение проекта на коллегии Министерства обороны, введение новой формы одежды было отложено. Вновь к этому вопросу вернулись только в апреле 1967 года — после назначения на должность министра обороны маршала А.А. Гречко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. СПб.: Атлант, 2005. С. 6.

² Российский государственный архив древних актов. Ф. 286. Герольдмейстерская контора, разряд XX; Ф. 248. Дела Военной коллегии, IV Департамента Сената; Российский государственный

военно-исторический архив. Ф. 2. Журнальная часть Канцелярии Военной коллегии; Ф. 314. 1-й Кадетский корпус; Ф. 12. Комиссариятская экспедиция Военной коллегии; *Вилинбахов Г.В.* Геральдика — «...сие дело нового основания...» // 275 лет Геральдической службы России (Материалы конференции). СПб., 1997. С. 10; *Данченко В.Г.* Участие герольдмейстерской конторы, герольдии в разработке русской военной символики в XVIII веке // 275 лет Геральдической службы России. С. 15–17.

³ Например, Л. Хурелич, Ф. Санги, Я. Брос, П. Толстой.

⁴ *Драчук В.С.* Рассказывает геральдика. / Отв. ред. Г.Г. Мезенцева. М.: Наука, 1977. С. 9; *Медведев М.Ю.* Роль профессиональных концепций в формировании российской геральдики // 275 лет Геральдической службы России. С. 36.

⁵ Подробнее см.: *Гербы* // Военная энциклопедия: В 17 т. СПб.: Издание И.Д. Сытина, 1912. Т. 2. С. 258–260.

⁶ *Шипов П.* Русская военная одежда. СПб., 1901. С. 24.

⁷ *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Регулярная пехота: 1698–1801 / История Российских войск. М.: ТК АСТ, 1995. С. 205–211.

⁸ См.: Приказы РВСР № 116 от 16 января 1919 г. и № 628 от 8 апреля 1919 г. Российский государственный военный архив. (РГВА) Ф. 4. Оп. 3. Д. 57. Л. 78–89.

⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 207.

¹⁰ *Бардыго Н.С.* Деятельность органов советского государственного и военного управления по созданию и совершенствованию формы одежды армии в 1918–1991 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 66–118.

¹¹ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 310.

¹² Сборный альбом рисунков по проектированию новых знаков различия — петлиц и погонов для личного состава Красной Армии (1942–1943 гг.). Техническая библиотека 762-й Центральной опытно-конструкторской базы Центрального вещевого управления МО РФ. Инв. № 213.

¹³ Альбом рисунков по проработке формы одежды генералиссимуса, маршалов и описание этой формы (1945 г.). Техническая библиотека 762-й Центральной опытно-конструкторской базы Центрального вещевого управления МО РФ. Инв. № 33.

¹⁴ Военная одежда Вооруженных сил СССР и России (1917 – 1990-е годы). М.: Воениздат, 1999. С. 198.

¹⁵ Материалы по разработке формы одежды для офицеров Советской Армии (к приказу МО СССР № 1185 1957 г.). Техническая библиотека 762-й Центральной опытно-конструкторской базы Центрального вещевого управления МО РФ. Инв. № 523.

¹⁶ Приказ МО СССР № 203 от 7 мая 1965 г. // Сборник приказов министра обороны СССР. Т. 147. Ч. III. С. 8, 9.

¹⁷ Рисунки парадной и выходной формы одежды Советской Армии (проработка) (1965 г.). Техническая библиотека 762-й Центральной опытно-конструкторской базы Центрального вещевого управления МО РФ. Инв. № 498.

Полковник Н.С. БАРДЫГО

ИСТОРИЯ ОККУПАЦИИ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ЛЕТО 1941 – зима 1941/42 г.

ИЗУЧАЯ историю Великой Отечественной войны 1941—1945 г. невозможно обойти вниманием события, происходившие на оккупированных территориях Советского Союза. Любопытными источниками по данной теме являются документы подразделений органов государственной безопасности, занимавшихся зафронтной разведкой.

В них содержатся сведения о деятельности немецких войск, принимавших оккупационными властями мерах, социально-экономической обстановке, настроении и действиях населения. Важно, что в документах используются конкретные факты с высокой степенью достоверности, которые добывались сотрудниками НКВД. Цель получения такой информации не давала оснований для преднамеренного искажения или умалчивания фактов.

Для публикации из фондов Центрального архива ФСБ России и УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области отобраны наиболее интересные и информативные документы, которые относятся к периоду начала войны и до зимы 1941/42 года.

Первый документ (приложение 1) основан на сведениях, полученных разведывательным отделом УНКВД по Ленинградской области и городу Ленинграду через месяц после начала битвы за Ленинград. Здесь прослеживаются весь спектр проводимых немцами на оккупированной территории мероприятий (от чисто хозяйственных до контрпартизанских) и методы их деятельности. Большое внимание уделяется настроению населения, в котором органы безопасности надеялись найти опору для организации сопротивления врагу.

Хотелось бы обратить внимание на абзац, где написано о реакции эстонского населения на приход немцев. Указанный факт существенно дополняет создаваемую многими современными эстонскими историками картину событий борьбы Эстонии за независимость.

Следующий документ (приложение 2) относится к ноябрю 1941 года. К сожалению, делопроизводственный номер и точную дату создания документа установить не удалось. Это особый источник, в котором детально отражены принимаемые немцами административные меры и вопросы организации режима в оккупированных районах. Отрывочно описаны мероприятия пропагандистского характера и борьба с советским подпольем и партизанами.

Последний публикуемый документ (приложение 3) — это спецсообщение января 1942 года, в котором содержатся сведения о действиях оккупационных властей по организации работ населения, противодействию партизанам, положении местных жителей и настроении немецких солдат.

Документы публикуются впервые, их стилистика полностью сохранена, в текст внесен минимум изменений, в основном связанных с приведением его в соответствие с нормами и правилами русского языка, пропущенные буквы и слова даются в квадратных скобках, грамматические ошибки не оговариваются. Делопроизводственные пометы опущены.

Фотодокументы в данной публикации расположены в хронологическом порядке.

Для создания более объемного представления о событиях, происходивших в оккупированных районах, вместе с традиционными источниками здесь публикуются фотографии из включающего 852 снимка фотоальбома, приобщенного в качестве вещественного доказательства к уголовному делу, заведенному на немецкого военного преступника, который с ноября 1940 по март 1943 года служил в 690-м батальоне фельджандармерии¹. Большинство из них сделано на оккупированной территории Польши и Советского Союза.

В альбоме имеются как снимки, не имеющие прямого отношения к военным событиям — пейзажи, виды городов, портреты и групповые снимки родственников и знакомых автора, так и фотографии, запечатлевшие отдельные эпизоды войны: локальные боевые действия и карательные операции, факты мародерства, а также быт немцев на оккупированной территории, пленных и местное население, военную технику (советскую и германскую) и многое другое.

При атрибутировании снимков был использован дневник служащего фельджандармерии, который он вел во время войны и его показания в период следствия с мая 1952 по февраль 1953 года. Отобранные для публикации фотоснимки ценны тем, что сделаны они на оккупированной территории простым немецким военнослужащим. Приведем лишь некоторые подписи к трем фотографиям, сделанные хозяином альбома: «Здесь я сфотографировал момент обыска советских граждан-евреев в г. Минск, которые в августе 1941 года с моим участием были заключены в лагерь»²; «8.II.42 г. Разведывательный дозор. В разрушенной и сожженной деревне находим землянку. Там ютятся 4 человека и один грудной — шестимесячный. Крыша из соломы занесена снегом. К землянке нас привела тонкая струя серого дыма. Мать ребенка была одета только в одну рубашку и пальто, а ребенок голый. Если будет возможность, то я завтра пойду туда и сфотографирую. Аппарата на этот раз при мне не было, хотя я постоянно ношу его при себе»³; «...момент расстрела одного еврейского партизана в селе Мо-настырщина летом 1942 года»⁴.

Сведения, содержащиеся в документах могут быть использованы при исследовании политики нацистов на оккупированной тер-

Допрос пленных советских военнослужащих
Минская область, [август] 1941 г.

Колонна советских пленных
Минск [сентябрь] 1941 г.

ритории, в частности одного из ее аспектов — обезлюживания — целенаправленной очистки этих земель от коренного населения. Кроме того, в них содержится много ранее неизвестной информации об использовании немецкими властями трудовых и материальных ресурсов оккупированных районов, о проводимых пропагандистских мероприятиях, административном режиме и борьбе с партизанами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Спецсообщение начальника
Управления НКВД СССР
по Ленинградской области
и городу Ленинграду
народному комиссару
внутренних дел СССР
о положении в районах
Ленинградской области,
занятых немецкими войсками**

Совершенно секретно

Народному комиссару
внутренних дел СССР
Генеральному комиссару
государственной безопасности
товарищу БЕРИЯ

СПЕЦСОБЩЕНИЕ

О положении в районах,
занятых немецкими войсками

По данным, полученным от разведывательной агентуры, в районах Ленинградской области, занятых противником, осталось значительное количество населения, главным образом из числа колхозников.

Немецкие военные власти, сразу после занятия территории своими войсками, пытались расположить* население на свою сторону.

* Так в тексте.

Основное направление деятельности немецких военных властей среди населения заключалось в ликвидации всех форм социалистического хозяйства, распределении колхозных земель, имущества, инвентаря, оставшегося скота и даже хлеба по принципу единоличных хозяйств.

Этими мероприятиями немецкие военные власти стремились восстановить против социалистической системы хозяйства колхозное крестьянство.

К подобного же рода мероприятиям нужно отнести открытие церквей и раздачу нательных крестов, которые немцы привезли с собой довольно значительное количество.

В большинстве районов эта деятельность немцев успеха не имела. Например, в дер. Почап Лядского района в церковь пришлось немецким офицерам загонять население насильно и заставлять его молиться. Проповедь, произнесенная немецким офицером о ликвидации колхозов и необходимости трудиться на своем единоличном хозяйстве, не имела успеха и колхозники к работам и после проповеди не приступили. Такое же положение оказалось и в других районах.

Население, отказываясь работать, укрывалось в лесах. В некоторых местах население, будучи спровоцировано немецким командованием, приступив к работам, очень скоро убеждалось в истинном смысле желаний немцев поощрять индивидуальные хозяйства. В деревнях М. Лэзи, Григорьевка и Мамотино население возвратилось из леса и скосило клевер, который сразу же был забран немецким военным командованием.

В Плюсском и Лядском районах немцы под угрозой оружия и бомбардировки лесов заставили население выйти из леса и приступить к работам по уборке урожая. Собранный урожай немцами сразу же отбирался.

Не имея возможности сломить враждебное отношение населения, немецкие власти стали применять различного рода репрессивные меры.

В первую очередь начали производиться расстрелы подозреваемых в принадлежности к ВКП(б).

В Осьминском районе немцами повешено 15 человек коммунистов и советских служащих. Через некоторое время немцы в этом же районе расстреляли 6 человек и повесили пропагандиста РК ВКП(б).

В д.Н.Ореховно Лядского района немцы штыками закололи колхозника, выкололи ему глаза и отрезали язык.

Вблизи ст. Плюсса повесили двух раненых красноармейцев — одного на обмотке, другого на ремне.

В дер. Григорьевка Плюсского района немецкие военные власти пропустили сквозь строй мужчин и женщин, избивая их палками за отказ выдать партизан.

Рабочего совхоза Егорова Павла Егоровича, находящегося в этой же деревне, пропустили через строй три раза.

Дер. Малый Сварец Лядского района немцы сожгли, подозревая население в помощи партизанам.

В деревне Иванова Осьминского района во время налета нашей авиации немцы, боясь сигналов, согнали население в сараи, и при попытке выйти из сараев население расстреливалось из пулеметов с танков, находящихся вблизи сараев.

Обыск одного из жителей Минска перед отправкой в лагерь
Минск, [август] 1941 г.

У землянки
[Смоленская область], февраль 1942 г.

Расстрел
с. Монастырщина, лето 1942 г.

Солдаты 690-го батальона полевой жандармерии на марше, во время рейда против партизан
[Северо-западнее Смоленска], август 1942 г.

В дер. Низы Осьминского района немецкие солдаты пытались изнасиловать в присутствии родителей молодую девушку.

В дер. Высокое солдаты насиловали женщин, бесчинствуют, раздеваются до гола и пьяные ходят по улицам.

Наряду с издевательствами, расстрелами и насилием немецкими войсками проводится полевой грабёж населения.

Острый недостаток питания, ощущаемый в частях немецкой армии, вынуждает их частично питаться за счет награбленного.

В деревне Черно Сланцевского района отнятые у населения свиньи и поросята тут же были зарезаны и использованы при приготовлении пищи для солдат.

В пос. Осьмино немцам удалось захватить на мельнице 35 тонн зерна. Зерно было смолото и уже на следующий день хлеб для солдат выпекался из этой муки.

В дер. Б. Монастырки немецкие солдаты вынимали хлеб из

печи у крестьян еще до того, как он был допечен.

Имеющиеся данные и по другим районам говорят о полуголодном положении немецких солдат, особенно за последнее время.

В дер. Низы Усть-Черное немецкие солдаты и офицеры отобрали не только весь скот и продовольствие, но и одежду, домашнюю утварь и детские игрушки.

В большинстве населенных пунктов Осьминского района и части Волосовского района у населения отобрали весь скот, находящийся в индивидуальном пользовании.

В дер. Игомель Лядского района немецких воинских частей нет, но немцы регулярно приезжают и отбирают у населения скот и продовольствие.

В связи с тем что основная масса скота и продовольствия немцами уже отобрана, немецкие воинские части начинают проводить поголовные обыски

В селе Монастырщина
август 1942 г.

Досмотр повозки патрулем 690-го батальона полевой жандармерии

[Смоленская область, сентябрь—октябрь], 1942 г.

Солдаты 690-го батальона полевой жандармерии с изъятой у местных жителей птицей

Демидов, [сентябрь] 1942 г.

на чердаках, в сараях, амбарах, вплоть до взрытия земли в тех местах, где, по их мнению, зарыты запасы продовольствия.

Изобретательство немцев в грабеже доходит до того, что по большинству школ Гдовского района были взяты все учебные карты, наклеенные на коленкоре. Немецкими солдатами отстирывалась бумага и забирался коленкор.

В ряде деревень (Низы, Усть-Черное и др.) немецкие войска сейчас приступили к сбору металлических изделий из железа и особенно цветных металлов. Сбиваются обручи с бочек, отвертываются дверные ручки, скобы и даже оконные ручки.

Политико-моральное состояние немецких войск характеризуется чрезвычайно низко. Грабежи и насилия сопровождаются пьянством и дебошами, причем пьют солдаты вместе с офицерским составом. В дер. Ивановское немецкие солдаты пьянствовали вместе с офицерами в течение двух суток.

В дер. Б. Монастырка была прислана грузовая машина со спиртными напитками. Как солдаты, так и офицеры перепились и вступили в драки с отдельными жителями деревни.

Среди части немецких войск замечается падение дисциплины, развивается пьянство, причем пьяные солдаты мало считаются с офицерами.

Поведение немцев и их отношение к населению усиливает враждебность последнего и усиливает тягу в партизанские отряды.

Даже кулацкие элементы, которые ожидали прихода немцев, изменили свое отношение к немецким войскам.

Особенно это отмечается в Сланцевском и Гдовском районах, где было большое количе-

ство зажиточного эстонского населения, ожидавшего прихода немцев.

В настоящее время эстонское население этих районов после немецких грабежей занимает резко враждебную позицию по отношению к немецким войскам и значительная часть переходит на партизанское положение.

Развивающееся партизанское движение не дает покоя немецким войскам и вынуждает принимать ряд специальных мер.

Насколько серьезно немцы расценивают партизанское движение, говорит появившееся недавно обращение к населению за подписью командующего войсками.

В обращении буквально сказано следующее:

1. Германские военные части нашли рапорт бригадного комиссара Рябтчи** об организации и задачах партизанских отрядов.

2. Каждый, принадлежащий к партизанским отрядам, будет расстрелян.

3. Каждый, оказавший посредственную или непосредственную помощь партизанам, будет расстрелян.

4. Каждый, кто знает, где находятся партизаны и какая их задача и сейчас же не заявит германским властям — будет расстрелян.

5. Каждый, способствующий своим доносом захвату партизан, получит награду деньгами и продовольствием.

Необходимо отметить, что среди населения выявляются предатели, переходящие на службу к немцам и выдающие коммунистов и партизан.

** Так в тексте. Возможно, имелся в виду Рябчий.

Немецкое командование назначает по деревням старост из среды населения и пом[ощников] военных комендантов.

В гор. Гдове пом[ощник]ом военного коменданта назначен учитель школы, б[ывший] белогвардеец Репкин Александр Николаевич.

В дер. Малый Свирец Лядского района эстонец Кузьмо выдал разведку партизан.

В Лядах Морозова выдает коммунистов и комсомольцев и помогает немцам в составлении списков актива.

Все предатели тщательным образом выявляются, берутся на учет и принимаются меры к их уничтожению.

**Начальник Управления НКВД СССР по ЛО
старший майор
государственной безопасности
ЛАГУНОВ**

**Начальник разведотдела УНКВД СССР по ЛО
капитан
государственной безопасности
КОЖЕВНИКОВ**

7 августа 1941 г.
№ 16533
г. Ленинград

Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 3.
Оп. 8. Д. 141. Л. 82—89. Подлинник.
Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив ФСБ РФ. Д. К-98360.

² Там же. Л. 209.

³ Там же. Л. 118, 119.

⁴ Там же. Л. 222.

Д.Ю. ХОХЛОВ

(Окончание следует)

РЕВОЛЮЦИЯ И АРМИЯ

Записки о революционных событиях и Гражданской войне в России в 1917–1922 гг.

В.В. САВИНКОВ

Я НЕ СЛИШКОМ верю в бессилие личности в историческом процессе¹. Большевики, существующие, несмотря на то, что все и все против них, – разительный пример могущества воли отдельных личностей. Мой собственный маленький опыт наблюдений над незначительными и более крупными группами людей убеждает меня в том, что индивидуальная воля может торжествовать не только тогда, когда она совпадает с устремлением массы. Сила индивидуальной воли заключается в ее высоком напряжении и обуславливает возможность преодоления силы масс волею личной. Петр Великий – изумительный пример такого преодоления. Наиболее благоприятное для народа и страны сочетание – совпадение исключительного напряжения личной воли вождя с напряженной волею масс. Последствия же Февральской революции – пример величайшего рассогласования этих двух составляющих и всеобщей растерянности. И личность и коллектив потеряли точку опоры воли и ее выражение, что и обеспечило успех большевистского переворота. Февральская революция – момент, когда должен был явиться вождь, способный определить направление воли личной и воли масс. Он не явился: Временное правительство как источник волевого напряжения – ничто. Это и определило судьбу России.

Государство должно располагать поистине невообразимыми источниками жизненных сил, чтобы одновременно вести такую войну, как германская, и претерпевать революцию. Поэтому с первого же часа существования новой власти надлежало сделать выбор цели: или война, или революция. Третье (война и революция) не было возможно.

¹ Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 1–10.

Если цель – война, февральские события надлежало рассматривать, исключительно как переворот, то есть как переход власти из одних рук в другие. Лозунгом должно было стать: «Все для войны». Все, что так или иначе могло расшатать организм армии, должно было подавляться и даже уничтожаться с полной беспощадностью. Никаких организаций, вторгающихся в дело управления и узурпирующих право власти, никаких сентиментальностей, вроде амнистий уголовным, никаких проявлений бунтарства, вроде своеволия городских гарнизонов. Гражданские свободы – лишь в границах, допускаемых условиями военного времени. Учредительное собрание и коренные реформы – после войны. Если самодержавие просуществовало века и пало от бессилия, оно могло просуществовать еще несколько месяцев в других руках. В силу преемственности Временное правительство унаследовало всю полноту власти самодержавной: оно и законодательствовало, и исполняло принимаемые законы. Долгом его было принести это наследие в Учредительное собрание нерастраченным. Для выполнения этого долга нельзя было останавливаться даже перед террором.

Если цель – революция, то должны были произойти немедленное заключение мира и ликвидация всех обязательств по отношению к союзникам.

Наконец, было еще «компромиссное решение» – война и коренная немедленная земельная реформа. Надлежало одним ударом покончить с крупным помещичьим землевладением, ибо подоплека русской революции – земля. Учредительное собрание могло санкционировать или изменить эту реформу.

Момент растерянности и инерции не был настолько краток, чтобы Временное правительство не имело возможности сделать надлежащий выбор: утвердить власть, стать

вождем. Правда, поначалу казалось, что оно остановилось на безнадежном решении – и война, и революция. На самом же деле даже этого решения не было. Никакого. Ни война, ни революция и... безвластие. Таково реальное выражение безволия Временного правительства, такова основная предпосылка большевистского переворота.

Безвластие породило разложение, разложение – стихийную противогосударственную силу, толпу. Правительство оказалось между нею и государственно и патриотически настроенными элементами. Последним к тому же оно не доверяло, а толпу боялось и ей потворствовало.

Март дал первое резкое деление на два слоя: цель одного – война, цель другого – революция. Первый слой слагался из интеллигенции, буржуазии, служащих и партийных групп, начиная от социалистов-оборонцев и продолжая вправо (монархисты вплоть до образования Добровольческой армии – в нетях). Второй слой – левосоциалистические партии, пролетариат, городские, включая и тыловых солдат, толпы. Тугое на подъем крестьянство по обыкновению молчит (говорящие от лица крестьянства разные Черновы² и Авксентьевы³, произносили только то, о чем, по их мнению, должно было думать крестьянство).

Слой, который «за революцию», нападает. Тот, что «за войну», в положении защищающегося. Борьба этих слоев хаотична и случайна: оба они не имеют вождей. Этим воспользовался тот, кто на слабости врагов построил свою силу, кто из нестройной борьбы аморфных слоев создал себе ступени к власти. Кто хотел, кто мог сметь хотеть, тот и стал вождем – Ленин. Его воля по своей напряженности – колоссальна, его дерзость не знает границ, его презрение – чудовищно.

Ленин знает своих врагов: они недействительны и, значит,

неопасны. В виде опоры своей он из слоя «за революцию» выдвигает немногочисленную, но потенциально активную группу, аппетиты которой за войну и с началом революции разгорелись непомерно, – пролетариат. Он зажигает его лучезарной целью – властью. Систематически и планомерно организуя эту ничтожную численно группу, он ясным сознанием цели и волей своей превращает ее в массу высокого волевого напряжения. Все остальное – разлагает. Расчет Ленина правилен и точен⁴. Учтывая возможное появление враждебного вождя, он во все нейтральные или противные группы вводит своих людей, а через них – разложение. Этим ослабляется воля противника, а следовательно, и его сопротивление.

Самую опасную силу для Ленина представляла армия.

Армия – целительная масса. Армия – крепкий, построенный на системе принуждения организм. И сущность армии и ее воля прямо противоположны задаче Ленина. Не легко было бы Ленину разложить армию, если бы вольно или невольно многие другие не подготовляли для этого почву. Одной из предпосылок разложения армии явились военные неудачи. Они создали в первую очередь у окопников разочарование в войне, усталость и упадок духа. И если момент переворота вне армии был моментом растерянности, то в солдатской массе (я знаю это по свидетельству всех, кого только не расспрашивал) революция вызвала радостное ожидание, легко перешедшее в подъем. Солдат уверовал: измене – конец (изменами солдаты объясняли неудачи войны). Теперь в два-три месяца, полагал он, война окончится торжеством освобожденной России. Таким образом нервный момент революции повысил волевое напряжение армейской массы. Это – с одной стороны, с другой – революция морально ослабила уже обескровленного врага, чьи смятение и опасения отразились даже в немецкой прессе. Согласно данным и нашей и союзной разведок, поражение австро-германцев было бы неизбежным даже в том случае, если бы Русская армия не перешла к активным

действиям. Достаточно было приковать к себе все те войска и технические силы, которые немцы благодаря неудачам и распаду Русской армии перебросили на запад. Таким образом, все данные для успешного и сравнительно скорого окончания войны были налицо. Однако они не были использованы. Наоборот, первые же мероприятия Временного правительства по отношению к армии нанесли ей жестокий удар. Волевого единства армии было разрушено.

В разложении армии виновно не только правительство и совдепы, но и высшее командование. Оно могло (ибо было в армии властью) не допустить приказов Гучкова, вроде № 1. Мало того, могло оказать решительное и твердое сопротивление разрушительным мероприятиям и влияниям Петрограда, ведь оно, командование, меньше всего имело оснований теряться. Разве для него существовал самый вопрос: «война или революция»? Но как правительство для страны, так и высшее военное командование для армии не смогло стать истинным вождем.

Нанесенный революционным Петербургом* удар по армии расслоил ее на те же два лагеря, что и всю Россию. Казалось бы, «за революцию» должны были стать все солдаты. Однако вышло не так. К слою «за войну» примкнули вся артиллерия, часть кавалерии – преимущественно донские казаки, а из пехоты – часть ударников. Генералы и кадровые офицеры обыкновенно объясняют эту разницу в устойчивости различных родов оружия результатом понесенных потерь. Пехота, дескать, потеряла весь свой первоочередной состав; кавалерия – приблизительно половину (кадровая не разложилась, новый состав – большевики); артиллерия же сохранилась почти полностью (10–12 проц. потерь).

Конечно, первоочередные войска были самыми лучшими, но не потому, что великолепно выдрессированы в казарме, и не потому, что руководились кадровыми офицерами. Просто они представляли из себя

* Так в рукописи. Правильно – Петроград.

отбор всего лучшего, что имела Россия. Несомненно только то, что маршевые части, посылаемые на пополнение после революции, приходили на фронт совершенно разложенными (если только доходили до фронта вообще) и вносили разложение в здоровые части.

Генеральское объяснение падает, если принять во внимание, что первоочередными были всего 54 полевые бригады, 5–6 тяжелых дивизионов, а также крепостные и береговые артиллерийские части, отдельные из которых пошли на формирование тяжелой войсковой артиллерии. Все остальное, то есть не менее 75 полевых бригад и 50 гаубичных и тяжелых дивизионов (в расчет не входит казачья, сибирская и конная артиллерия), были призваны из запаса, ополчения и досрочно. Так что причины устойчивости артиллерии и казачьих войск лежат совершенно в другой плоскости – в разнице условий солдатского быта на войне и в мирное время и в разнице взаимоотношений между офицерами и солдатами. Последнее зависит исключительно от офицеров.

Уже война с Японией обнаружила, что наш высший командный состав и офицерство – плохи, заставила понять, что и офицер должен обладать знаниями и интеллигентностью. Значительно шагнуло вперед дело военного обучения в России незадолго до германской войны, которая, однако, показала, что шаг этот был и недостаточен, и сделан слишком поздно. Может быть только теперь начинают понимать, что сложность офицерского дела заключается не только в умении командовать и вести боевые действия, но и в умении владеть массами.

В начале войны в частях играли первые роли люди от 27–30 лет и старше – командиры рот, батальонов, полков, т.е. старое кадровое офицерство. Все они вышли из двух источников. Первый – кадетские корпуса, программа которых начала совершенствоваться только лет двадцать назад. До тех пор о них можно было говорить исключительно как о заведениях, где культивировались невежество и кастовые предрассудки. Второй

источник – «отбросы» гражданских учебных заведений. Каждый мой сверстник, надеюсь, помнит из своей юности: в 9 случаях из 10 выгнанный из 4-го или 5-го класса ученик шел в военную службу, причем – в армейскую пехоту и реже в кавалерию. Так что армейской пехоте доставалось из окончивших первоначальную учебу то, с чего были сняты сливки. К тому же пехотные училища лет 20–25 назад, как известно, давали очень скудный запас специальных знаний, муштра да традиции. Чем же могли похвастать в германскую войну армейские офицеры старше 30 лет? Чем угодно, но только не умением воевать и не интеллигентностью.

В мирное время некультурное пехотное офицерство создало весьма тяжелые условия жизни солдат. Бездна между офицером – белой костью и солдатом – черной. Обучения почти никакого. Сплошная муштра, дрессировка. Никакой возможности развития в солдате сознательного отношения к окружающему, следовательно, – подавление самостоятельности. Да и пехотный строй сам по себе не дает солдату свободы, а служба пехотной разведки развилась только на войне. В результате – полная нивелировка, полное обезличение солдата. Принцип подготовки пехотинца – пре-

вратить пахаря в машину, которая все искрошит, пока мясом своим не заткнет глотки вражеских пушек. Пехотинец готовился на убой и только. При этом – мордобой, возведенный в систему, жестокие наказания, издевательства, злоупотребления властью, а иногда и обкрадывание солдата.

Опять-таки война значительно смягчила отношения между солдатом и офицером: почти одинаковая жизнь в окопах и одинаковая для всех смерть стерли слишком острые грани. Но сколько кадровых офицеров еще задолго до революции погибло от пуль своих же солдат, одному Богу известно. Ведь и на войне порой можно было наблюдать поразительную грубость и жестокость, причем часто не по злобе, а по непониманию. Известно мракобесное наказание, когда солдата ставили на бруствер под вражеские пули, другими словами, произвольно приговаривали к смерти.

Разница между офицерством кадровым и офицерством военного времени в том, что война для первых – цель, воспринимаемая как нечто неизбежное со всеми ее жестокостями. Ради этой цели необходимо было держать солдата в руках, и это кадровым офицерством делалось всеми мерами. Офицерство интеллигентное хотело бы вести войну,

странно сказать, гуманную и, смешно сказать, нежную. Уступая своему мягкосердечию, оно слишком «жалело солдата» и стремилось вывести из употребления принуждение, как таковое. Воображало, что держит солдата в руке именно добротой и мягкостью. Верило в мощь доброго слова и интеллигентской жалости там, где законодательствует смерть.

Таким образом само офицерство готовило в армии почву для разложения. Кадровое, порождая в солдатской массе озлобление и ненависть, интеллигентное, распустившая ее, необразованное, делая и то и другое одновременно. В силу численности пехоты эти обстоятельства имели серьезное значение в судьбах армии.

Пехотинец живет на войне донельзя скучно и томительно: обыкновенно – неважный окоп и угнетающее ощущение слепой неизбежности, перемалывающей людей в грязную смердящую кашу. Когда война неудачна, пехотинца ожидает только смерть. Смерть, и больше ничего, поскольку его не убедить, что умирать за проливы сладко. Ведь пехотинец – самый обыкновенный, едва тронутый казарменной муштрой крестьянин, оторванный от земли, посаженный в грязный окоп, одолеваемый скукой, страхом, упадком духа

ХРОНОГРАФ

(Окончание. Начало на с. 48–49; 52–53)

но последнему под давлением Советов и Временного правительства пришлось отказаться от этого поста и уйти в отставку. Жил в Крыму, откуда в марте 1919 года на английском крейсере эмигрировал в Италию, затем переехал во Францию. Среди белой эмиграции считался претендентом на российский престол, высшим руководителем всех русских заграничных военных организаций, но активного участия в политической деятельности не принимал. Как военачальник Николай Николаевич пользовался популярностью среди офицеров, умел производить впечатление и на солдат. Награжден орденами Св. Андрея Первозванного, Св. Владимира 1, 2 и 3-й степени, Св. Александра Невского, Белого орла, Св. Георгия 2, 3 и 4-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 1-й и 3-й степени и золотым оружием. Умер 5 января 1929 года, похоронен в Каннах (Франция).

19 ноября 1711 года в дер. Денисовке (ныне с. Ломоносово Архангельской области) родился Михаил Васильевич Ломоносов, русский ученый-энциклопедист мирового уровня. Выступал сторонником освоения природных ресурсов Сибири и Северного морского пути, участвовал в составлении «Атласа Российского», в своем литературном творчестве и изобразительном искусстве много внимания уделял военно-исторической тематике, отмечал важное значение создания регулярной армии и флота для защиты страны, выдвинул идею создания морской

академии для подготовки специалистов Военно-морского флота. Умер 15 апреля 1765 года.

21 ноября 1916 года в г. Зарайске (ныне Московской области) родился Виктор Николаевич Леонов, участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года. Воевал на Северном флоте, прославился как разведчик. За героизм и мужество, проявленные в боях за освобождение пос. Петсамо (пгт Печенга Мурманской обл.) и северо-восточных районов Норвегии, лейтенанту Леонову 5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза. 14 сентября 1945 года за боевые отличия при высадке морского десанта Тихоокеанского флота на восточное побережье Северной Кореи старший лейтенант Леонов был награжден второй медалью «Золотая Звезда». В 1950 году окончил Каспийское высшее военно-морское училище. Работал в центральном аппарате ВМФ. С 1956 года капитан 2 ранга Леонов в отставке. Бронзовый бюст установлен на родине.

23 ноября 1916 года родился Б.И. Купенский (г. Очаков ныне Николаевской обл., Украина), кораблестроитель, лауреат Ленинской премии (1966). Главный конструктор боевых надводных кораблей (проекты 50, 61, 1144). Умер 12 мая 1982 года.

23 ноября 1926 года Президиумом ЦИК учрежден Почетный революционный Военно-морской флаг СССР. Этим флагом 2 ноября 1927 года в честь 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции был награжден крейсер «Аврора». Почетный революционный Военно-морской флаг был также вручен Морским силам

и усталостью от проигрываемой войны, понукаемый неспособным помочь душевно и неприятным офицерством. Разве мало, для того чтобы пехота была восприимчива к разлагающим влияниям?

Революция, как всенародная переоценка всех установленных понятий (политических, экономических, правовых, моральных), сумела выявить также все несовершенство системы подготовки кадров и назначений в Русской армии. Если придерживаться точки зрения, трактующей, что изменение государственного строя это и есть выражение революционного процесса, то такой процесс в России начался давно, хотя офицерство кадровое (офицерство военного времени) если где и было им охвачено, так только отчасти, краешком. Больше можно говорить о том, что революционный процесс находился вне поля зрения и вне понимания офицерства. Этим непониманием сути революционных преобразований, этой полной или частичной изоляцией офицерства от происходящих глубинных перемен и определяется взаимоотношение начальников и солдат во время и после переворота.

С первого момента революции растерявшийся солдат кинулся за помощью, за ответом к офицеру. Но что он мог услы-

шать то ли от бывшего аполитичного кадета, то ли от окончившего школу прапорщиков легкомысленного гимназиста, то ли от только что надевшего на плечи офицерские погоны вчерашнего столичного студента, обладающего лишь специальными знаниями в рамках сброшенных с тех же плеч экзаменов? Да ничего вразумительного и нового. Оказалось, что слушать присланного совдепом оратора мужику-солдату намного полезнее. По его разумению, если офицер не сумел или не захотел ответить на самые животрепещущие мужицкие вопросы, то нет никакой разницы между ним и офицером, по существу, за исключением положения, которое нужно незамедлительно исправить. Офицер вел себя просто как барин, присвоивший себе право бить солдата по морде, гнать на убой. Так не справедливее ли отобрать у барина-офицера это право, передав его мужику-солдату?

Февраль впервые заставил офицерство определить свое отношение к революции, которую, как переворот, оно восприняло безоговорочно. Привычка к порядку и инстинкт члена органического целого – армии влекли офицерство к государственности, и оно вскоре после революции тоже прониклось идеей, что госу-

дарство должно строиться на интересах большинства. Вместе с тем вооруженное столкновение с немцами, пролитая кровь, затраченная энергия утверждали его во мнении, что насущнейшая и первейшая русская государственная задача – победное окончание войны. Отсюда все, что способствует решению этой задачи, – хорошо, что мешает – плохо. Является ли революция для России благом или злом, офицерство, не способное на политические размышления, объективно оценить, конечно, не могло. Оно отождествляло революцию с сопровождавшим ее процессом разложения армии. Отсюда и вывод: революция – зло, а кто так считал, по мнению их оппонентов, тот – контрреволюционер. Парадоксально, но факт: если рассматривать отношение офицерства к словесно выраженной программе Временного правительства, к самому правительству, к ожиданию решений Учредительного собрания и к связанной с этими предполагаемыми решениями будущей власти, в какой бы форме она не установилась, – офицерство ко всему этому было лояльно. Таким образом, о контрреволюционности офицерства, по существу, не может быть и речи.

Дифференциация в офицерстве, до Октябрьского перево-

Балтийского моря (БФ), награжденным 23 февраля 1928 года орденом Красного Знамени за революционные и боевые заслуги. Флаг просуществовал до 1935 года.

24 ноября 1941 года Исполком Моссовета принял постановление о выдаче прокарточек на декабрь, которым был определен контингент на выдачу карточек – 2 455 000 человек, из них рабочих – 908 000; служащих – 351 000; иждивенцев – 830 000; детей – 366 000 человек.

26 ноября 1926 года – принятие первой программы военного судостроения СССР на 1926–1932 гг. Программой предусматривалась постройка 12 подводных лодок, монитора, 18 сторожевых кораблей, 36 торпедных катеров, капитальный ремонт линкора «Октябрьская революция» (бывший «Гангут»), достройка крейсеров «Червона Украина» и «Красный Кавказ» и четырех эсминцев. Впоследствии эта программа была пересмотрена, и в феврале 1929 года утверждена новая программа военного судостроения на первую пятилетку (1928–1933), по которой намечалось построить 18 больших и 4 малых подводных лодки, 3 эсминца, 18 сторожевых кораблей, 5 охотников за ПЛ, 2 речные канонерские лодки, значительное число торпедных катеров – всего 98 боевых кораблей и 37 вспомогательных судов. В 1927–1932 гг. вступили в строй 7 сторожевых кораблей, 6 подводных лодок типа «Декабрист» и «Ленинец», 59 торпедных катеров, а также было начато строительство 59 подводных лодок, 3 лидеров, 12 сторожевых кораблей и др.

26 ноября 1941 года опубликован приказ Наркомата обороны о преобразовании 2-го (командир генерал-май-

ор П.А. Белов) и 3-го (генерал-майор Л.М. Доватор) кавалерийских корпусов соответственно в 1-й и 2-й гвардейские кавалерийские корпуса; 78-й стрелковой дивизии (полковника А.П. Белобородова) – в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию; 5-й (генерал-майора В.К. Баранова), 9-й (полковника Н.С. Осликовского), 50-й (генерал-майора И.А. Плиева) и 53-й (комбрига К.С. Мельника) кавалерийских дивизий – в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские кавалерийские дивизии.

28 ноября 1581 года во время третьего похода Стефана Батория на Русь в ходе Ливонской войны 1558–1583 гг. безрезультатно завершилась осада польскими войсками Печерского монастыря под Псковом. В течение двух недель гарнизон монастыря из 200 стрельцов и местные монахи успешно отражали многочисленные приступы неприятеля, которым командовал датчанин Георг Фаренбек.

29 ноября 1941 года в дер. Петрищево Верейского р-на Московской области гитлеровцами была казнена З.А. Космодемьянская, а между деревнями Яшкино и Головково – В.Д. Волошина, обе – разведчицы в/ч 9903 особого назначения. З.А. Космодемьянской звание Героя Советского Союза (посмертно) присвоено 16 февраля 1942 года, а В.Д. Волошиной звание Героя Российской Федерации (посмертно) – 6 мая 1994 года.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

рота объединенном, началась только в период Гражданской войны. Стремясь к сохранению целостности армии и русской государственности, умеющее повиноваться, в меру своего разума выполнять приказы и доблестно умирать, оно, однако, как никакая другая социальная группа, нуждалось в вожде. Не находя же его, впервые захваченное революционным процессом, впервые вступив в период переоценки ценностей, колеблющееся, не знающее, куда идти, к чему и к кому примкнуть, с кем и как объединиться, давимое развращаемыми солдатами, офицерство оказалось, можно сказать, в одиночестве, лицом к лицу с грозными явлениями распада. Могло ли оно внутри себя найти силы для борьбы с ними, с этими явлениями?

Долго и безуспешно офицерство искало точку опоры для своей коллективной воли во Временном правительстве и в Керенском, по мере падения авторитета которых все больше терялось, становясь беспомощным. Негодность правительства толкнула офицерство в сторону Корнилова, прибегнувшего к политической авантюре, что вылилось в характернейшим выражением воли того же офицерства и его психологии: честные и патриотические намерения переплелись с наивностью, легкомыслием и неумением. Разве без предварительной организационной работы, без обработки и подготовки масс, без каких бы то ни было реальных средств, но с одной лишь верой в сакральную силу приказа производится попытка грандиознейшего предприятия? Ведь одновременно с выступлением Корнилова большевики тоже готовили переворот. Но какая разительная несхожесть в путях и средствах! Не легкомыслие, а точный расчет, своего рода стратегия, лежали в основе их работы. К перевороту приступают только тогда, когда всюду: в армии, в городах для каждой организованной массовой единицы — имеются сильные волей вожаки; когда все враждебное разложено до неспособности к сопротивлению; когда везде и всюду есть свои агенты и

адепты; когда не только контроль передвижений, но и сами передвижения (перевозки) находятся в твоей зависимости; когда нестройные и разложенные толпы уже объединены одним устремлением; когда вождь опирается пусть на стихийную, пусть на слепую, но могучую, подвластную ему, вождю, силу масс. Всего этого добились большевики, все это у них имелось, в том числе и вождь — Ленин.

Февральская революция вспыхнула стихийно, может быть, от умышленно поднесенной спички. Октябрьская контрреволюция создана исключительно волей большевиков и безволием их противников.

Большевики подняли меч. Что противопоставил им слой «за войну»? — Царское Село, Гатчину — последние очаги сопротивления бессильного правительства, забастовку, саботаж, словесные протесты, вопли — последние судороги временщиков. Вместе с тем они даже не примкнули к истинно своей последней надежде — к горсточкам офицеров, юнкеров и учащихся, оберегая свои драгоценные жизни, дали тем погибнуть, запершись в спасительных норах.

Вождю, чтобы проявиться, нужно время. У Ленина было его сколько угодно. Наверное, тотчас же, а может быть, даже и до Октябрьского переворота на русских просторах уже были люди, из песчинок складывавшие основы будущей борьбы. Только Ленин их всех опередил: и этих, спешно собиравших песчинки, и тех, у кого времени было столько же и даже больше, чем у Ленина. По сравнению с ним, с Лениным, все остальные претенденты в вожди оказались негодными. Тот же Керенский — первое лицо в России. Тот же Чернов — председатель Учредительного собрания. Подумать только — Всероссийского! Какие головокружительные высоты! Но кто обосновался на этих высотах — пигмеи, обесчестившие мечты поколений. Да и само Учредительное собрание, более чем наполовину составленное из революционеров и во главе с профессиональным революционером, как выражение высшей воли и власти на-

родной, оказалось ложно: восторжествовала кучка насильников. Да и остальные, если бежали, если только «отказывались сотрудничать с захватчиками, если не взялись за оружие и не пошли умирать и побеждать, как это делали большевики, значит, покорились большевикам. Значит, недостаточно любили Россию, ибо любовь, как и вера, без дел мертва.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Завершающая XII глава «Записок» В.В. Савинкова в «Военно-историческом журнале» извлечена, как и предыдущие, из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 5901. Оп. 1. Д. 6). При ее подготовке понадобилась наибольшая по сравнению с другими главами редакторская правка. Чем это можно объяснить? Думается, топорливостью автора. Если судить по пометке в конце «Записок» (февраль—июль 1922 г.), то не исключено, что их автор, проявляя спешку, намеревался именно в этот промежуток времени отправить свой труд в Берлин, где готовилась к выходу очередная книжка (5–6 т.) «Архива русской революции». Возможно, В.В. Савинков представлял в редакцию Г.В. Гессена, издававшую «Архив», лишь эту, XII главу, приурочив ее к 5-й годовщине Февральской революции. Как бы там ни было, только увидеть напечатанными свои «Записки» даже фрагментарно, ни в 1922-м, ни в последующие годы ему так и не довелось.

² **Чернов Виктор Михайлович** (1873–1952) — один из лидеров партии эсеров, ее теоретик. В 1917 г. — министр земледелия Временного правительства, председатель Учредительного собрания (1918).

³ **Авксентьев Николай Дмитриевич** (1878–1943) — один из эсеровских лидеров. В 1917 г. — председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел Временного правительства. Возглавлял также совещательный орган при своем министерстве, официально именуемый Временным советом Российской республики, более известный как предпарламент.

⁴ Здесь В.В. Савинков сделал в рукописи следующее примечание: «Я не считаю Ленина немецким шпионом. Он действовал, отнюдь не имея ввиду интересы германского правительства или командования. Совпадением (случайным и временным) целей двух сторон Ленин лишь воспользовался».

Публикация В.А. АВДЕЕВА

• НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ •

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ РОССИЙСКИХ КОРАБЕЛОВ С.И. ПЛЕЩЕЕВА И А.С. КАТАСАНОВА В ШВЕЦИЮ В 1777 ГОДУ

Предлагаемая читателям статья привлечет внимание всех, кто интересуется историей появления и строительства новых кораблей для Российского регулярного военно-морского флота. Особенно примечательно в ней освещение приемов, которые использовались еще в XVIII веке для получения секретных сведений о флотах государств, с которыми России приходилось неоднократно вести войны, в данном случае — Швеции. Несомненная ценность статьи заключается также в том, что она написана в живой и непринужденной форме, содержит богатый архивный материал, исследованный автором.

МОРСКИЕ победы Петра Великого и сухопутные операции русской армии в ходе Северной войны (1700—1721) привели к тяжелому поражению Швеции. Она потеряла почти всю Финляндию, ключевые острова на Балтике, недавняя мощь ее флота была сокрушена. Предпринятая ею в 1743 году попытка вернуть утраченное привела к тому, что она лишилась еще и части оставшихся финских владений. Однако надежды на реванш продолжали жить в умах шведских аристократов.

С одобрения риксдага в 1750-е годы в стране началось интенсивное строительство боевых гребных судов, подчиненных сухопутным войскам и поэтому составивших так называемый армейский флот, в командование которым вступил генерал-майор А. Эренсверд. Он же и представил план дальнейшего усиления корабельных сил, исходя из чего главный судостроитель королевского флота полковник Фредерик Чапман начал в 1760 году проектирование, а затем и строительство гребных судов разного типа с мощным артиллерийским вооружением.

Русской императрице Екатерине II по гласным и тайным каналам то и дело поступали сведения

**5 ноября —
День военного разведчика**

о строительстве боевых кораблей на шведских верфях, о чем ей хотелось знать более досконально. Так, она письменно уведомляла морскую коллегию, что поступающие к ней сведения о новом типе шведского корабля, занимающего промежуточное положение между фрегатом и шебекой, достойны внимания и изучения¹.

Уведомление императрицы было равносильно приказу, поэтому

в Адмиралтейств-коллегии попытались добыть необходимую информацию с помощью старого испытанного метода — купить секрет нового судна. Выполнение этого плана сначала было возложено на полномочного посла в Швеции И.М. Симолина. У него имелись и связи среди влиятельных людей, принадлежавших к прорусской «партии колпаков», и своя агентура. Но время шло, а все усилия так и не приносили успеха, о чем посол докладывал по инстанции после очередного запроса ему о новом типе корабля: «Меня обещали снабдить чертежом и описанием турумы, но до сих пор не сдержали слова. Это будет трудно, поскольку из этого делают большой секрет. Я не пожалел ни трудов, ни расходов, чтобы получить их, если это будет возможно»².

Тогда было решено попробовать внедрить в качестве ученика в мастерскую создателя судна — мастера Чапмана тайного агента. В соответствии с этим российский посол в Стокгольме получил в июле 1777 года сообщение о том, что в Швецию направлен для обучения на местных верфях «для лучшего примечания и обучения корабельной архитектуры и прочего принадлежащего по оной тиммерманский ученик Афанасьев на три года с жалованьем по триста рублей». В корреспонденции, на первый взгляд, не содержалось ниче-

В ДЕЙСТВИЕ вступил третий вариант охоты за «шведской тайной» — за ней отправили специально подготовленных людей, способных провести разведывательную операцию

го необычного: посол должен знать обо всех подданных его империи, прибывающих в страну, где он исполняет свои обязанности. Насторожить пронизательно-го чиновника могло лишь то, что эту корреспонденцию подписал лично вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф И.Г. Чернышев, лично же хлопоча за будущего кораблестроителя перед послом, упрасивая оказать некоему Семену Афанасьеву «всяческую протекцию» и сделать все возможное, чтобы тот попал в мастерскую именно мастера Чапмана³. Однако и эта попытка, предпринятая послом, не привела к желаемому результату — шведский мастер отказался учить русского корабельщика.

ВДЕЙСТВИЕ вступил третий вариант охоты за «шведской тайной» — за ней отправили специально подготовленных людей, способных провести разведывательную операцию и определить, насколько опасны для флота России новые образцы иноземных судов. Выбор пал на одного из ближайших и преданных двору людей из окружения цесаревича Павла Петровича капитан-лейтенанта Сергея Ивановича Плещеева и майора корпуса кораблестроителей Александра Семеновича Катасанова. За плечами у последнего, в отличие от напарника, не было учбы за рубежом, но на галерном дворе, где строили ластовые суда, он объявился в тринадцатилетнем возрасте. Операция по отправке двух офицеров в Швецию внешне была организована так, что со стороны не могла вызвать какого-либо подозрения.

1 августа 1777 года в Адмиралтейств-коллегию одновременно поступили два рапорта, содержащие просьбу о разрешении выехать в Швецию. В годы правления Екатерины II поездки за границу с целью пополнить свое образование приветствовались, и ничего необычного в этих пожеланиях не было. Автор первого рапорта — капитан-лейтенант Сергей Иванович Плещеев сообщал, что «по склонности своей к морской службе и дабы приобрести в оной большее познание и совершенство, имеет желание съездить в Швецию для сведения примечания флотской службы»⁴. Второй рапорт написал корабельный мастер майор Александр Семенович Катасанов, который «по склонности своей к корабельному искусству и для достижения в оном совершенства желает сделать наблюдения в корабельном строении»⁵.

Вид Свеборга в 1809 году

Художник М. ВОРОБЬЕВ

СОБЫТИЯ развивались стремительно, и оперативность чиновников превосходила все ожидания: в день написания рапортов сразу же последовали

были ориентированы о местах дислокации кораблей шведского флота. Информаторы, кроме того, достаточно подробно обрисовали общую характеристику секретно-

В ДЕНЬ написания рапортов сразу же последовали «высочайшее благоволение» императрицы и одновременно указ «об отправлении» обоих заявителей в Швецию

«высочайшее благоволение» императрицы и одновременно указ «об отправлении» обоих заявителей в Швецию с назначением им жалованья на время пребывания там по пятьдесят рублей ежемесячно.

На третий день после подачи рапортов вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф И.Г. Чернышев обратился к вице-канцлеру графу И.А. Остерману, который недавно покинул Швецию, прослужив там 14 лет, за рекомендательным письмом для командироваемых к «полномочному министру России в Швеции господину Симолину»⁶. В тот же день, 4 августа, он отправил еще одно письмо — Катасанову, который находился в Кронштадте. «Государь мой! Коллегия сделала все нужное ко отправлению вашему и капитан-лейтенанта Плещеева по желанию вашему в Швецию, — извещалось в послании, — и осталось теперь приметить вам туда отъезжающее судно как наискорее, что можете препоручить кому-либо в Кронштадте, и сами извольте приехать сюда»⁷.

Очевидно, медлить было нельзя, и, не дождавись отбывавшего в Швецию судна, офицеры отправились «сухим путем». Перед поездкой разведчики, надо полагать,

го объекта. О том, к примеру, свидетельствует «Записка для памяти о морских шведских силах», сделанная датским морским офицером Левенрёром. Согласно ей шведский флот во второй половине XVIII века состоял из двух частей: «морская сила», находившаяся в Карлскроне (фрегаты и линейные корабли), и малая, так называемая армейская, куда входили гребные суда нового типа, сосредоточенные большей частью в Гельсингфорсе. В Стокгольме же базировалась флотилия из 32 галер, устаревших, но содержавшихся в хорошем состоянии.

9 августа, обгоняя путешественников, ушло к российскому послу в Стокгольм личное послание графа Чернышева, где о цели поездки Катасанова и Плещеева говорилось очень туманно. «Я со своей стороны, — писал вице-президент Адмиралтейств-коллегии, — рекомендую их в особливую милость вашему превосходительству и надеюсь, что споспешествуете им к достижению до желаемого предмета»⁸. О «желаемом предмете» — ни слова. О значении «желаемого предмета» можно было лишь догадываться по сумме, выданной каждому командируемому, — 250 руб-

Один из упоминаемых в статье судостроительных доков постройки XVIII века

Суоменлинна (Свеаборг), 2005 г.

лей (немалые деньги в то время). Сверх того, граф Чернышев просил господина Симолина по первому требованию посланцев выдать им любые нужные суммы, которые тотчас будут переведены в Стокгольм. В самом конце письма как бы вскользь упоминалось, что рекомендуемым офицерам желательно увидеть построенные и строящиеся доки да познакомиться с ведущими корабельными мастерами Швеции – Чапманом и Тунборном⁹.

Вероятнее всего, Адмиралтейств-коллегию интересовало развернутое строительство крытых доков, спроектированных еще

Модель 14-пушечного корабля «Перун», построенного в Кронштадтском адмиралтействе в 1780 году под руководством А.С. Катасанова

при Карле XII, о чем сообщали информаторы после окончания строительства первой очереди столь важного объекта.

Время поездки разведчиков в Швецию было выбрано удачно. Только что завершился, как уже

упоминалось, визит в Санкт-Петербург шведского короля, с которым у цесаревича, не исключено, мог встречаться и С.И. Плещеев – приближенный к Павлу Петровичу. Вполне логично было надеяться хотя бы на формально радужный ответный прием, что и произошло. Стоило российским офицерам пересечь границу, как их известили о приглашении в королевский замок Дронненгольм, где королевской семье и всем присутствовавшим на приеме гостям они были представлены как знатные любознательные россияне, которые решили посмотреть мир и следуют проездом в Копенгаген.

СЕРГЕЙ Иванович Плещеев был интересным собеседником, обладал обширными познаниями по многим вопросам, изящными манерами и свободно изъяснялся на английском и французском языках. К тому же он

встретил и давних знакомых, с которыми сотрудничал еще во времена плавания на английском флоте, что в свою очередь возымело действие на короля. Последний тут же дал распоряжение президенту шведской адмиралтейской коллегии барону Талкенгрейну подготовить распоряжение главнокомандующему в порту Карлскрона предоставить возможность русским гостям «увидеть все то, что любопытства достойно там увидеть»¹⁰.

Воспользовавшись такой высокой благосклонностью, С.И. Плещеев вновь поднял вопрос об определении на учебу к Чапману русского корабельщика мастера Катасанова. Эту просьбу шведский сенатор барон Фалкенгрейн направил полковнику Чапману, и тот на следующий же день дал вежливый, но отрицательный ответ. Посетовал, что не способен принять для обучения «русского тиммермана» по состоянию собственного здоровья: ухудшилось зрение, начали дрожать руки; выразил сожаление, что не может выполнить просьбу сенатора и по поводу консультации¹¹.

И все же определенная удача сопутствовала русским разведчикам: по прибытии в Гельсингфорс

СПОСОБСТВОВАЛО сбору ценных сведений и посещение Свеаборга. Прогулки на яхте, общение с моряками позволили точно установить состав финляндской флотилии

они увидели в местном порту столь желанные турымы. В последующем отчете С.И. Плещеев отмечал, что мастер А.С. Катасанов практически сразу смог сделать «надлежащее примечание» о конструктивных особенностях нового типа боевых судов. Они, по заключению Катасанова, вооруженные «тяжеловесной» артиллерией, представляли серьезную опасность в условиях множества узких проходов, где другие суда, кроме гребных, не могли действовать. Когда же гости выразили желание подняться на борт турымы, сопровождавший их комендант Свеаборга граф Спарр учтиво отклонил это намерение. Не помогло и упоминание о рекомендациях барона Талкенгрейна.

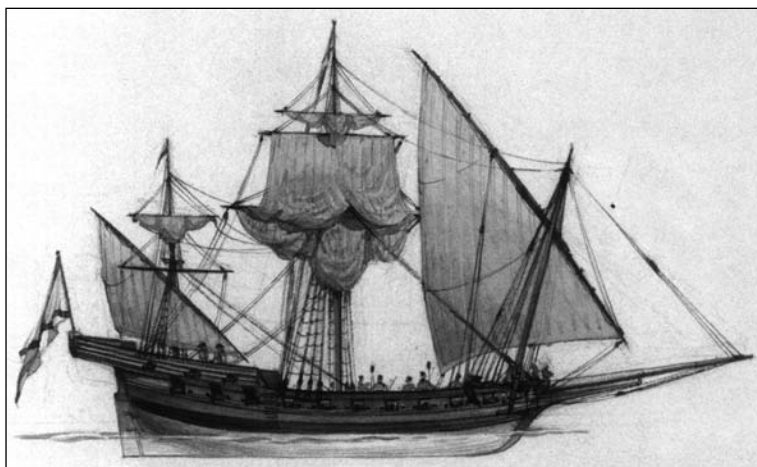
Способствовало сбору ценных сведений и посещение Свеаборга. Прогулки на яхте, общение с моряками позволили точно устано-

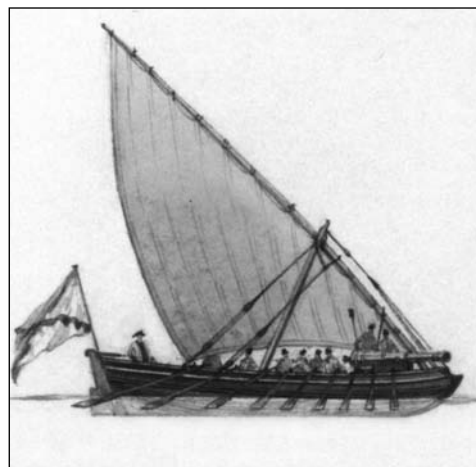
вить состав финляндской флотилии. В числе 78 больших и малых судов находились не только 7 турум, но, как отмечалось в отчете Плещеева, также иные типы неизвестных боевых гребных судов, которые назывались «пошьяммы», «уденмамы» и «гененмамы». Свои названия они получили по наименованиям оставшихся в составе Швеции провинций Финляндии¹².

маном-младшим, что открывало возможность близкого знакомства с ним. Деньги на совершение «стратегической» сделки Плещеев получил у посла по расписке следующего содержания: «Через сие засвидетельствую, что я принял от его превосходительства Ивана Матвеевича Симолина денег девять сот пятьдесят рублей, которые взял здесь у банкира по вексе-

торой они здесь и оказались, но и остальных секретных боевых гребных судов. Как он определил, эти суда «в корпусной своей конструкции и в оснастке мало между собой различаются». Основное отличие крылось в расположении весел, которых насчитывалось по двадцать по борту, а на каждом из них находились по четыре человека. Команда судна состояла из 200 человек.

Русская шебека «большого» типа
Художник А. ТРОНЬ

Русская канонерская лодка «малого» типа 1788 года
Художник А. ТРОНЬ

Кроме того, удалось получить данные о численности «морского вербованного войска» (400 волонтеров и 80 юнг), размере финансовых вложений на содержание флотилии (в 1775 г. они превышали 175 тыс. таллеров)¹³, особенностях обороны свеаборгского порта.

И все же какой бы внушительной ни являлась собранная информация, главные данные отсутствовали, а именно: сведения по конструкции секретного судна в подтверждение и уточнение наблюдений майора А.С. Катасанова. Вот почему особой заботой С.И. Плещеева по-прежнему являлась попытка завязать знакомство с корабельным мастером полковником Чапманом. Настоячиво собиравшиеся сведения о нем позволили объяснить его отказы помогать русским: он, как отмечал Плещеев, «издревле отменно ревностен к противной нам партии»¹⁴. При тщательном знакомстве с местными верфями удалось также узнать, что младший брат Чапмана являлся собственником одной из них, где строились достаточно надежные небольшие суда. Разведчики решили купить яхту, которая была недавно заложена Чап-

лю, данному на имя его светлости графа Ивана Григорьевича Чернышева в С. Петербурге, в чем своеручно и подписуюсь флота капитан-лейтенант и кавалер Сергей Плещеев»¹⁵.

ЗАКАЗЧИК оказался очень скрупулезным человеком: он снова и снова посещал хозяина верфи, уточняя малейшие детали конструкции. Со временем отношения между ними переросли в товарищеские, и русские моряки стали постоянными посетителями дома Чапмана-младшего. Но вскорее и старший брат присоединился к их компании: обаяние Плещеева преодолело и его враждебность. В своем отчете капитан-лейтенант достаточно сдержанно рассказал о том: «Наконец по неотступной, но с искусством предлагаемой просьбе мы достигли до желаемого предмета и довели его показать нам свою модель камеру, из которой мы довольно могли почерпнуть сведений о конструкции разных судов, им проектированных и опробованных впрямь к строению»¹⁶.

После этого к исполнению главной роли приступил Катасанов, сумевший уяснить все тонкости устройства не только турумы, ради ко-

Катасанову показалось странным, что на судне одного из классов, как записано в отчете, «откидывают в сторону почти всю длину обоих бортов и имеют свои пушки посредине нижнего дека, так что, не опустивши сих бортов, пушки, стоя посредине судна, не могут действовать». Стрельбу можно было вести только тогда, когда гребцы «сушили весла». На судах другого класса «откидывают ради того отвесы, из деревянных брусьев и железных сектуров составленные, возвышенные по шкафуту и движущиеся на вертлюгах или петлях, которые по опущении имеют вид крыльев, во всю длину коих поставлены железные сектуры для весел».

Установлены были вооружение и другие конструктивные особенности этих судов: пушек «12 фунтовых имеется 24, стоящие на нижнем деке, из коих 2 в носу, у самого форштевня, для которых порты прорублены гораздо шире всех прочих, ради лучшей способности в наводнении сих погонных пушек на верхнем деке». Кроме пушек, имелись фальконеты, «поставленные на деревянные лафеты и поворачивавшиеся на вертлю-

• НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ •

гах»; «длина сих судов около 124 или 125 шведских футов... ширина около 31 или 32 футов, в грузу же находится около 11 футов. Что же касается до оснастки, то все оные о трех мачтах»¹⁷.

Катасанов благополучно прибыл в Санкт-Петербург. Он доставил отчет для Чернышева и послание генерал-адмиралу цесаревичу Павлу Петровичу, о чем Плещеев сообщал графу в постскрипту

строить по добытым в 1777 году чертежам, обозначенным в документах как «секретные». Уровень секретности был настолько высок, что до сих пор не удается установить, кем и на какой верфи Санкт-Петербурга указанные удемы строились. В 1788 году было спущено на воду «секретное» судно «Осторожное», а в 1789-м – «Наступательное» и «Охранительное». Их действия в войне со Швецией 1788–1790 гг. тоже оказались малоэффективными, и они были переоборудованы в плавучие батареи²⁵.

Сведения о шведских гребных судах новой на то время конструкции, добытые русскими военными разведчиками по заданию императрицы Екатерины II, в последующем были также использованы адмиралом А.С. Шишковым при составлении «Морского словаря»²⁶.

СВЕДЕНИЯ, добытые А.С. Катасановым и С.И. Плещеевым, вошли в основу представленных императрице «Рассуждений о корабельном флоте» Швеции...

Разведчики смогли собрать сведения и о галерном флоте. Находившиеся в Стокгольме 32 галеры и 5 полугалер А.С. Катасанов нашел в ветхом состоянии. Как удалось выяснить у моряков, последнее пополнение галерной флотилии состоялось лишь в 1749 году, а существовавшие в городе три верфи строили в основном транспортные суда для Ост-индской компании.

В сборе материалов по прибрежным районам Швеции и внутренним водным коммуникациям, «от Стокгольма по разным рекам и озерам простирающимся», С.И. Плещеев использовал связи с английскими купцами, а также знакомство с датским бароном Геленкроном, находившимся при шведском дворе в должности «представительного министра». Последний согласился поделиться сведениями о шведской крепости Карлскрона, но из предосторожности планы дока, порта и крепости согласился передать Плещееву только в Копенгагене¹⁸.

ЧТОБЫ быстрее доложить о результатах миссии, Катасанов направился с отчетом в Санкт-Петербург, а Плещеев продолжил ранее объявленное путешествие в Копенгаген. Кроме получения там важных сведений от барона Геленкрона, он также надеялся «покрыть себя от подозрения здешних людей», так как почувствовал повышенное внимание к своим передвижениям и контактам. Поездкой в Данию он хотел подтвердить ранее сделанное заявление о следовании через Швецию в Копенгаген¹⁹.

Посол Симолин по своим каналам 26 сентября 1777 года продублировал донесение Плещеева о выполнении разведчиками задания. В частности, он сообщал: «Катасанов достиг цели, для которой эти господа офицеры были направлены сюда... Сначала Катасанов увидел корабль, затем смог изучить модель, выполнить чертежи и описание рангоутов»²⁰.

отчета: «Я препровождаю с господином Катасановым письмо к его высочеству, о поднесении которого я осмеливаюсь просить ваше сиятельство; содержание оного сходствует с тем, которое я здесь имел честь вашему сиятельству донести»²¹.

Сведения, добытые А.С. Катасановым и С.И. Плещеевым, вошли в основу представленных императрице «Рассуждений о корабельном флоте» Швеции... но более десяти лет не были востребованы, и лишь в декабре 1787 года послужили толчком для принятия конкретных решений, в частности императорского указа о постройке гребного, оснащенного «тяжеловесною артиллериею судна» по опыту шведских кораблестроителей. В соответствии с этим указом на Галерной верфи Санкт-Петербурга мастером Масальским с использованием технических характеристик шведских турум, полученных Катасановым и Плещеевым, был осуществлен подобный проект. Судно квалифицировали как шебеку специальной постройки и спустили на воду 1 сентября 1788 года под названием «Летучая». Оно имело на вооружении четыре 18-фунтовых и двадцать 12-фунтовых пушек.

Шебека участвовала в Роченсальском сражении²² в составе эскадры генерал-майора И.П. Балле, но показала себя не с лучшей стороны при действиях в шхерах. Ее тяжелая артиллерия затрудняла маневрирование, из-за чего судно получило 83 пробоины и потеряло 7 пушек²³. Построенные в период Русско-шведской войны 1788–1790 гг. еще четыре судна этого типа и все погибли. Дольше всех из подобных им в составе Балтийского флота находилась шведская турума «Биорн-Эрнсид», взятая в плен во время Роченсальского сражения. Ее затопили для заграждения Кронштадтского фарватера в 1808 году²⁴.

Более 10 лет таились сведения и о шведских удемах, которые стали

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот новый тип гребного судна, появившийся в шведском флоте и получивший название «Тоугошта», озвучивался русскими агентами, а затем исследователями по-разному: «турума», «туреума», «турема».

² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 187. Л. 11.

³ Там же. Д. 315. Л. 80.

⁴ Там же. Д. 187. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Д. 315. Л. 80.

⁷ Там же. Л. 81.

⁸ Там же. Л. 83.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 17, 18.

¹² Там же. Л. 1 об.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 5 об.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 8.

²² Сражение между гребными флотами России и Швеции, состоявшееся 13(24) августа 1789 г. в Финском заливе в ходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг. Российский флот атаковал вражеский на Роченсальском рейде (вблизи нынешней Котки) с двух направлений, нанеся противнику ощутимый урон. Шведы потеряли 13 кораблей и 24 транспорта, русские – 2 корабля.

²³ Чернышев А.А. Российский парусный флот. М.: Воениздат, 2002. Т. 2. С. 270.

²⁴ Там же. С. 273.

²⁵ Там же. С. 299.

²⁶ См., например: Морской словарь, содержащий объяснения всех названий, употребляемых в морском искусстве. СПб., 1832. С. 158, 159.

*Полковник в отставке
А.Г. КУЧИРЬ*

ЮБИЛЕЙ ПЕРВЕНЦА СОВЕТСКОГО ПОДВОДНОГО ФЛОТА

*К 75-летию подводной лодки Д-2
«Народоволец»*

5 МАРТА 1927 года состоялась торжественная закладка на ленинградском Балтийском судостроительном заводе первых трех подводных лодок советской постройки: «Декабрист», «Народоволец», «Красногвардеец». Их главным конструктором был Б.М. Малинин (1889—1949). 12 октября 1931 года «Народоволец» вошел в состав Морских сил Балтийского моря.

В годы Великой Отечественной войны Д-2 свой первый боевой поход под командованием капитана 3 ранга Р.В. Линденберга совершила с 23 сентября по 4 ноября 1942 года. Прорвавшись в Южную Балтику, Д-2 торпедировала у о. Борнхольм транспорт «Якубус Фризен» водоизмещением 4090 т, а еще через пять дней атаковала немецкий конвой, в состав которого входили два железнодорожных парома (на одном из них погибло более 600 солдат и офицеров противника). Преследуемая противолодочными кораблями, лодка благополучно вернулась в Ленинград, где ее встречал главком ВМФ Н.Г. Кузнецов. Всего на боевом счету лодки — 12 торпедных атак, четыре вражеских транспорта. Свой последний боевой поход лодка совершила в апреле—мае 1945 года.

В послевоенный период лодка Д-2, которая в то время называлась Б-2, командир — капитан 3 ранга И.М. Хомич, участвовала в испытаниях систем микроклимата для наших первых атомных подводных лодок, в частности, для АПЛ проекта 627. Перед испытаниями корабль был переоборудован. На лодке смонтировали опытные образцы новых средств регенерации воздуха, фильтры очистки воздуха, воздухоосушительные установки с регенерируемым поглотителем влаги. Были внесены и другие изменения, позволявшие экипажу находиться под водой не менее 60 суток. В испытаниях активное участие принимали специалисты Научно-исследовательского морского медицинского института (17 НИИ ВМФ) и отдела регенерации воздуха Научно-исследовательского химического института (10 НИИ ВМФ).

В 1956 году Д-2 была выведена из боевого состава флота, до 1987 года она использовалась как учебно-тренировочная станция (УТС-6) и базировалась в Кронштадте.

В конце 1980-х годов было принято решение о создании мемориального комплекса, посвященного героям-подводникам Великой Отече-

**Мемориальный комплекс—филиал ЦВММ
подводная лодка Д-2 «Народоволец»**

ственной войны, ученым, конструкторам и судостроителям отечественного подводного флота. Для этой цели была избрана лодка Д-2. Ее переоборудовали на Балтийском заводе с участием ЦКБ МТ «Рубин» и Центрального военно-морского музея (ЦВММ). Председателем координационного совета по восстановлению подводной лодки был академик И.Д. Спасский.

На лодке частично были сохранены действующие механизмы и системы, в том числе машинный телеграф, системы, подающие сигналы боевой тревоги и срочного погружения, перископы, а также две артиллерийские установки и восемь торпедных аппаратов, а в отсеках развернута экспозиция, посвященная истории корабля, героическим подвигам моряков-подводников и делам тружеников советской судостроительной промышленности. Как филиал Центрального военно-морского музея подводная лодка Д-2 «Народоволец» была открыта для посетителей 2 сентября 1994 года.

Сегодня филиал ЦВММ Д-2 «Народоволец» является не только носителем боевой истории, но и значительным культурным центром Санкт-Петербурга. Здесь работают люди, искренне любящие флот, много делающие для военно-патриотического воспитания юношества. Это старший научный сотрудник капитан 1 ранга запаса А.А. Нестеров, младший научный сотрудник капитан 1 ранга в отставке Б.А. Архипов, капитан 1 ранга в отставке Р.В. Рыжиков, капитан 3 ранга запаса А.Г. Ласков. Добрых слов также заслуживают сотрудники Т.В. Носова, Н.Г. Фролова, М.В. Корнилова, участвующие в организации экскурсий, содержание музеев в отличном состоянии.

За 12 лет работы музеев посетили около 300 тыс. человек. Люди приходят не только за тем, чтобы взглянуть на первенца отечественного подводного флота, но и приобщиться к его славному прошлому, героической истории советских подводников.

*Капитан 2 ранга в отставке
А.К. САВЧЕНКО*

ТРАГЕДИЯ БРИГА «ФАЛЬК»

СЛУЧИЛОСЬ это в 1818 году. На исходе октября, заканчивая морскую кампанию, 18-пушечный бриг «Фальк» отправился из Кронштадта в Свеаборг, чтобы остаться там на предстоящую зиму. Переход самый обыденный и ничем не примечательный. Мало ли плавали и до, и после «Фалька» наши корабли по Финскому заливу?

Командовал бригам лейтенант Семен Щечкин. Помимо командира на бригае находились мичманы Димитрий Жохов и братья Александр и Василий Абрятины, штурман Калашников, 35 матросов и одна пассажирка с сыном-подростком.

Осень 1818 года вообще выдалась на Балтике на редкость ненастной. От штормов за считанные недели погибло сразу несколько крупных судов: английский купеческий корабль «Индастри», любекское торговое судно «Гофнунг» и российское судно «Магдалина», которое было выброшено на берег прямо у Кронштадта. Количество поврежденных, потерявших мачты и якоря судов исчислялось в несколько десятков.

В пути «Фальк» был задержан сильным штормовым ветром. А тут и еще одна беда. У Стирсудена при отдаче якоря одной из лап пробило борт. Так как пробоина оказалась на уровне воды, вскоре началась сильная течь. Щечкин принял вполне разумное решение: выбросить бриг на пологую отмель, чтобы, исправив повреждения и удалив воду, можно было без особых усилий снять корабль с отмели. Ближайшая подходящая отмель имелась у Толбухина маяка. Туда и направился терпящей бедствие бриг. Однако из-за прибывавшей в трюм воды судно глубоко осело в воду и не смогло подойти к берегу на необходимое расстояние. Вечером 20 октября бриг уткнулся в отмель в ста саженях от береговой черты. При этом вода доходила уже до самой верхней палубы. Штормовые валы перехлестывали через нее. Относительно безопасными оставались лишь шканцы и ют. Из опасения быть снесенными ветром лейтенант Щечкин распорядился срубить мачты. После этого вся команда собралась на юте, то и дело обдаваемая бушующими волнами. К этому времени ударил еще и сильный мороз. С брига выстрелили несколько раз, привлекая к себе внимание находящихся на берегу, однако из-за сильного шторма звука выстрела никто не слышал, и помощь с берега так и не пришла.

Из свидетельств очевидца: «22-го числа, по утешении немного сей бури и по прочи-

щении пасмурности, с Толбухина маяка, отстоящего от Кронштадта верст на четырнадцать, сделан был телеграфом сигнал, что от него к западу военное судно терпит бедствие. Вследствие сего сигнала приказано было от военного губернатора и главного в Кронштадте командира вице-адмирала фон Моллера отправить с дальней брандвахты гребное судно с офицером, чтоб разведать, где стоит это судно, и для подания ему помощи».

О том, что произошло на терпящем бедствие бригае в течение штормовой ночи с 20 на 21 октября, оставил свои воспоминания один из лейтенантов флота, не пожелавший раскрыть свою фамилию и обозначивший себя «Н.А.Б-в». Позднее выяснилось, что за этими буквами скрывался известный впоследствии историк флота и декабрист Николай Александрович Бестужев. Именно он был одним из первых, кто утром 21 октября, несмотря на все еще продолжавшийся шторм, поспешил к стоящему на отмели «Фальку».

Чтобы с возможно большей точностью передать картину увиденного, мы приведем ниже описание Н.А. Бестужева: «Подъезжая ближе, мне казалось, что люди, в оном [бриге] находящиеся, протягивали руки и просили о скорейшей помощи, и потому я поспешил перегрести расстояние ста сажен или немного более от маяка до судна, удивляясь, однако, каким образом маяк, дав

С БРИГА выстрелили несколько раз, привлекая к себе внимание находящихся на берегу, однако из-за сильного шторма звука выстрела никто не слышал, и помощь с берега так и не пришла

знать сигналом о судне, сам не подает доселе помощи, видя людей сих в таком положении. Но какой ужас объял меня, когда, приближаясь к судну, увидел я множество людей, замерзших и обледенелых в разных положениях: одни лежали свернувшись, другие в кучках, третьи держались за борты, как бы прося о спасении. Первый предмет, поразивший меня, был лейтенант Щечкин,

товарищ и приятель мой с самого малолетства, коего узнал я в ту же минуту, распостертый навзничь, с обмерзлыми волосами и одеждой. За руку его держал денщик и, казалось, желал согреть оную своими руками. Прочие люди лежали кучами, как бы в намерении согреть друг друга взаимною теплотой. Под одною кучею лежащих людей признал я молодого офицера Абрютина, коего, вероятно, матросы хотели согреть собою. Унтер-офицер подобным же образом был обложен. Другой офицер, облокотясь

УЖАС объял меня, когда, приближаясь к судну, увидел я множество людей, замерзших и обледенелых в разных положениях

на борт, казался спящим. Все вообще имели вид спящих или умоляющих Небо о своем спасении. Одна мертвенная оцепенелость удостоверяла меня, что люди сии уже умерли, и я едва мог опомниться от нового мне чувства — большего, нежели страх, и сильнейшей жалости. Крепив, однако, сердце, я думал было осматривать, нет ли еще живых людей, как приехала с маяка лодка, с коей меня известили, что старания мои будут бесполезны и что двое из сих несчастных, в живых найденные, сняты давно уже с судна. Осмотрев, однако, хорошенько и не найдя ничего, я вышел на маяк, дабы разведать о сем приключении, и нашел там двоих спасенных: комиссара Богданова и унтер-офицера Изотова, столь слабых, что едва были в состоянии отвечать на мои вопросы. Они объявили следующее: никакого знака не можно было подать на маяк; пушки и пороха были в воде; огня достать было невозможно; крик не помогал им, тщетны были все усилия, чтоб их услышали на маяке: рев волн, разбиваемых о камень, маяк окружающие, и свист ветра в снасти телеграфа, при маяке стоящего, препятствовали им быть услышанными. Темнота осенней ночи, увеличиваемая снегом и светом самого маяка, препятствовали часовым с оного видеть на несколько сажен вдале. Таким образом, несчастные страдальцы принуждены были из боязни волн держаться друг за друга, оставаясь так без всякого движения, могшего их сколько-нибудь разогреть и избавить от холодной смерти. С 9-ти часов вечера до самого рассвета оставались они в сем положении. Холод увеличился до 5 градусов. Многие из них уже замерзли, многие снесены были волнами. Остальные едва дышали,

оцепенев от холода. В исходе седьмого часа, лишь только можно было различить предметы, с маяка усмотрели несчастных и поспешили отправить небольшую лодку с семью человеками. Другого судна не можно было послать по чрезвычайности волнения, о камни разбивающегося. Но лодка опрокинулась на камнях, и семь человек вброд едва спаслись сами. Однако, поймав лодку и исправив оную, по возможности пустились опять. Часа два или более прошло дотеле, пока лодка могла добраться до судна, так что подъехав туда, нашли уже только двоих живыми и то без всякого движения, с едва заметными знаками жизни. Прочие поодиночке умирали прежде, нежели могли дожидаться спасения. Искав долго между мертвыми и не находя ни одного человека в живых, люди сии с великой радостью возвратились на маяк, где, подав возможную помощь двум несчастным, к исходу только дня привели их в состояние рассказать все обстоятельства сего пагубного случая».

Из показаний оставшихся в живых комиссара Богданова и унтер-офицера Изотова: «Военный бриг «Фальк», нагруженный мукой... вышел из Кронштадта с благополучным ветром, вскоре получили противный. Дувшие непрерывно западные ветры заставляли бриг несколько раз спускаться в разные места и останавливаться там на якоре. Дважды он стоял за Гогландом, дважды в Биорке, раз за Сескаром и раз за мысом Стирсуденом. Лейтенант Щечкин, желая по назначению скорее попасть в Свеаборг и выполнить во всей мере долг свой, рассчитывал, что с первым, хотя немного благоприятным ветром, он гораздо легче может сняться с якоря от Стирсудена, нежели из Кронштадта, из коего не при всяком ветре удобно выходить. В сем положении он стоял около шести или семи дней.

20-го числа началась буря; в 7 часов пополуночи порыв северо-западного ветра, дувшего со снегом и морозом, был столь велик, что судно, стоявшее на одном якоре, потащило. Мичман Жохов, бывший на вахте, видя, что при достаточном количестве выпускаемого каната судно не перестает тащить, хотел бросить другой якорь на помощь первому, и для этого якорь сей, обыкновенно привязываемый горизонтально вдоль судового борта, был отвязан и оставлен вертикально висячем положении подвешенным к кран-балке.

Лейтенант Щечкин, уведомленный о сем в ту же минуту, вышел наверх, отменил было кидать другой якорь, но, узнав, что якорь висит уже на кран-балке, и зная опасность сего положения при качке, тотчас велел его бросить.

Не напрасно было опасение Щечкина, вследствие коего он велел отдать якорь: обледенелая веревка, на коей он висел, не могла в скорости быть развязана, надлежало ее рубить, и в это время якорь, раскачиваемый жестоким волнением, ударяя беспрестанно одним из своих рогов в судно, пробил обшивку, и вода хлынула в большом количестве по всему трюму.

ОТЧАЯНИЕ овладело всеми. Увещевания начальника не действовали: близкая смерть и неизвестность, в состоянии ли будет судно дойти, не затонув, до маяка, сделала всех глухими к приказаниям

Спустить якорь на кран-балку, обрубить мерзлую веревку было делом одной минуты. Шкиперский помощник первый увидел течь и известил об этом начальника. Все меры против оной оказались тщетными; наконец, после многих бесполезных усилий решено было, отрубив якорь, спускаться прямо на Толбухинский маяк, видимый от Стирсудена, и стать там на мель, чтобы, по крайней мере, можно было поблизости к берегу спасти людей. Отрубили канаты, распустили паруса, пошли. Течь начала усиливаться.

Отчаяние овладело всеми. Увещевания начальника не действовали: близкая смерть и неизвестность, в состоянии ли будет судно дойти, не затонув, до маяка, сделала всех глухими к приказаниям. Начали прощаться между собою; все побежали переменять на себе белье по старинному русскому обычаю. Наконец вода в судне так распространилась, что переменявшие внизу белье — иные, не успев выскочить, остались там, другие выбежали в одних рубахах, и судно, не дошедши саженой сто до маяка, село на дно, так, однако, что вода не покрывала верха судна.

Со всем тем волнение столь было жестоко, что бриг начало сносить с мели. Щечкин, опасаясь, чтоб судно не потонуло на глубине, велел бросить остальной якорь и верп*, чтобы удержаться ими на мелком месте; велел срубить мачты, на коих незакрепленные паруса более и более сдвигали судно с места. Повторяемые удары о камень отбили руль, киль и наконец нижняя часть судна начала разбиваться в щепы. Бочки и про-

чие вещи выносило из люков или выходов наверх, судно погрузилось совсем, одна только задняя часть оставалась сверх воды. Баркас, стоявший на палубе, был мгновенно оторван стремившимися уже через верх волнами и, онными, поднимаясь, перебил многих людей, собравшихся на корме».

Оставшиеся же в живых были обречены на мучительную и долгую смерть от замерзания. Комиссар Богданов обязан был своим спасением двум шубам, а унтер-офицера Изотова прикрыли своими телами трое матросов. «Какой пример любви к начальству в людях наших!» — так отозвался об этом поступке матросов адмирал В.М. Головнин.

Все погибшие с судна были сняты. В числе команды не доставало 9 матросов и одного офицера. Часть из них остались внизу, в том числе и пассажирка с сыном, еще несколько человек смыло волнами.

У тридцатилетнего Щечкина в Свеаборге осталась молодая жена. Двое Абрютиных, старший восемнадцати, а младший семнадцати лет, бывшие на «Фальке», являлись родными братьями жены командира. Отец их служил плац-майором в Свеаборге. «Удар слишком жестокий для отца и матери в один раз потерять двух сыновей и зятя!» — восклицал об этой семейной трагедии один из современников.

Разбитый волнами бриг «Фальк» в строй больше не вводился. Остатки его позднее разобрали на дрова. Никогда более в российском флоте не было с тех пор корабля с этим именем. В истории же нашего флота бриг, на котором произошла такая страшная трагедия, еще долго назывался не иначе, как «корабль мертвых».

Погибшие с «Фалька» были похоронены на одном из кронштадтских кладбищ. К сегодняшнему дню не осталось ни могил, ни самих этих кладбищ.

Адмирал В.М. Головнин так отозвался на гибель брига и почти всей его команды: «Страшна и жестока должна быть участь странника, погибающего среди снегов отдаленной пустыни, где нет никакого для него убежища, ниже селений, откуда мог бы он надеяться получить помощь; но стократно ужаснее и мучительнее гибель несчастного, который замерзает, так сказать, на пороге собственного дома и для спасения которого стоило бы отворить двери, если б домашние его, покоящиеся в сладком сне, знали о месте его пребывания. Подобную сей горькую чашу суждено было испить злосчастному экипажу брига «Фальк», разбившегося при самом входе в главный наш порт Кронштадт».

* Верп — малый якорь.

КОНКУРС

Викторина «К 150-летию окончания Крымской войны»

Вопросы

1. Назовите термин, обозначивший возникшие в XVIII — начале XX века международные противоречия, связанные с началом распада Османской империи, ростом национально-освободительного движения населявших ее народов и борьбой европейских стран за раздел владений империи.

2. Перечислите основные события войны в 1853 году.

3. Что атаковал союзный флот:

а) город на Черном море, не имевший никаких укреплений, подвергавшийся жестокой бомбардировке англо-французской эскадры в апреле 1854 года;

б) монастырь на Севере России, по которому в течение двух дней в июне 1854 года два английских парохода вели обстрел; проявив героизм, монахи открыли ответный огонь из пушек времен царя Алексея Михайловича;

в) портовые города на Азовском море, где не было ни пушек, ни солдат, в мае 1855 года расстрелянные союзной эскадрой (в основном английскими кораблями);

г) городок на Балтике, который летом 1855 года в течение 4 часов бомбардировался английским винтовым корветом за отказ жителей отпустить англичанам провизию;

д) города (один — на Балтике, другой — на Тихом океане), усилиями русских кораблей и береговой артиллерии успешно отразившие нападения англичан и французов в 1854—1855 гг.?

4. Кто командовал всеми русскими войсками в районе Керченского пролива? В начале мая 1855 года при подходе союзных кораблей он приказал взорвать все береговые батареи, затопить корабли Керченской флотилии, полевым частям отступить в глубокий тыл. Поэтому вражеская эскадра беспрепятственно вошла в Азовское море.

5. Какие события, совершившие революцию в военно-морском деле, произошли осенью 1855 года при бомбардировке союзным флотом крепости Кинбурн?

6. Кто во время осады Севастополя в 1854—1855 гг. состоял главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму, а в 1855 году был уволен со всех должностей за поражение на Альме, под Балаклавой и Инкерманом?

7. Назовите главнокомандующего войсками в Крыму (с февраля по декабрь 1855 г.).

8. Вид оружия, впервые использованный союзниками 8 сентября

Высадка английских войск

Гравюра СИМПСОНА, 1856 г.

1854 года в сражении на реке Альме. Это позволило англичанам и французам при численном перевесе выбить русские войска с сильной оборонительной позиции даже фронтальной атакой.

9. Когда и где англо-французские войска высадились в Крыму?

10. С чем были связаны большие небоевые потери русских частей?

11. Где на Черном море базировались английская и французская эскадры?

12. Что представляла собой ударная сила русского флота и каковы были последствия этого?

13. Когда англо-французский флот атаковал Севастополь с моря и состоялось боевое крещение севастопольских батарей?

14. Какое фортификационное сооружение Севастополя не имело себе равных во всех приморских крепостях России и протянулось на 460 м между Южной и Артиллерийской бухтами?

15. Тактика англичан и французов в Крымской войне. Как она учитывалась русскими частями?

16. Кто с мая 1855 года командовал французской армией в Крыму и руководил последними штурмами Севастополя?

17. Назовите возвышенность в окрестностях Севастополя, ставшую сильнейшим опорным пунктом, 11 месяцев стойко оборонявшимся русскими солдатами и матросами.

18. Кому адмирал П.С. Нахимов передал эскадру, когда официально был назначен командиром Севастопольского порта и военным губернатором города, сосредото-

чив основное внимание на его сухопутной обороне?

19. Кто осенью 1854 года после высадки шестидесятитысячной десантной вражеской армии в Крыму стал фактически руководителем обороны Севастополя, а при первом общем обстреле города 5 октября 1854 года был смертельно ранен?

20. Кто при обороне Севастополя командовал 4-й оборонительной дистанцией? Он стал героем обороны Севастополя и погиб на укреплениях в 1855 году.

21. Назовите руководителя инженерных работ при обороне Севастополя, героя его обороны.

22. В каком из «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого, в то время артиллерийского офицера на одной из севастопольских батарей, есть такие строки: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»?

23. В чем заключаются политический и военно-технический аспекты Крымской войны 1853—1856 гг.?

24. Где и когда были подведены итоги закончившейся в 1856 году войны?

25. Назовите главные положения договора, подписанного по окончании Крымской войны.

*Автор викторины
полковник в отставке
А.С. ЖДАНОВСКИЙ*

Уважаемые читатели!

Победитель викторины получит приз — книгу: *Геевский И.А., Иванов Р.Ф.* Клан Кеннеди и убийство XX века. М.: Вече, 2003. 448 с., ил.

Просим указывать фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес (для школьников, студентов и курсантов дополнительно — адрес учебного заведения и фамилию, имя, отчество его руководителя).

Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на криптограмму «А.В. Суворов о воинской дисциплине и воинском порядке» (Воен.-истор. журнал. 2006. № 7) — в № 12 (декабрь), чайнворд «Страницы военной истории (Древний мир — XIX век)» (№ 8) — в № 1 (январь) 2007 года, викторину «Фельдмаршал М.И. Кутузов как талантливый дипломат» (№ 9) — в № 2 (февраль), чайнворд «Страницы военной истории (Древний мир — XIX век)» (№ 10) — в № 3 (март), викторину «К 150-летию окончания Крымской войны» (№ 11) — в № 4 (апрель).

Ответы на викторину «Военная история Новгородской республики (XII—XV вв.)» (Воен.-истор. журнал. 2006. № 6):

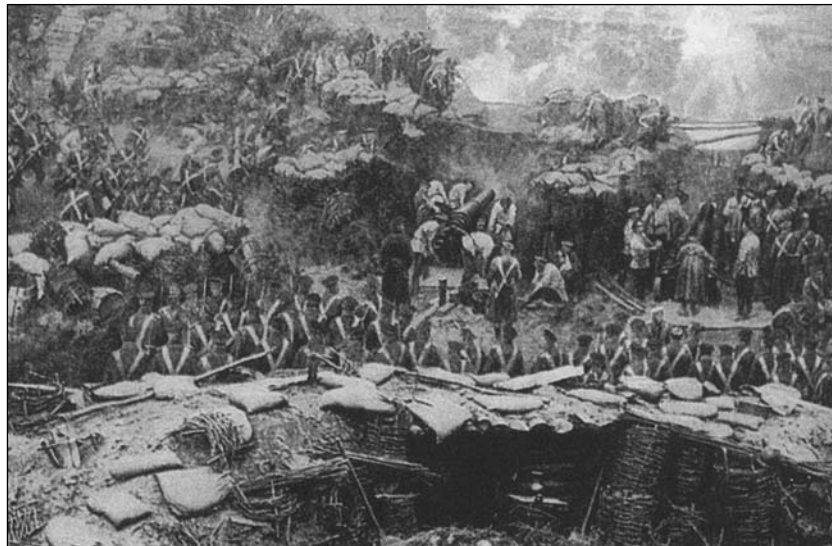
1. Новгородская земля; 2. Балтийское, Белое, Каспийское, Черное; 3. Крестьянская и ремесленная пешая рать; 4. «Кованная рать»; 5. Только на один определенный поход; 6. а) боевые топоры; б) палицы; в) короткие копья; г) рогатины; 7. а) копья с крючками; б) ножи «засапожники»; 8. а) длинные ка-

Затопление кораблей Черноморского флота на Севастопольском рейде. 11 сентября 1854 г.

Художник И. ВЛАДИМИРОВ

валерийские копья; б) мечи; в) кончары; г) булавы; 9. «зажитники»; 10. «полчный ряд»; 11. а) сторожевой (передовой) полк; б) «чело»; в) «крыло» правое (полк правой руки); г) «крыло» левое (полк левой руки); 12. а) бой начинал сторожевой полк; б) затем в атаку шла пешая рать; в) за ней в бой вступали конная рать и княжеская дружина; 13. Стяги; 14. Трубы, накры, бубны; 15. Биргер; 16. Гаврило Олексич; Сбыслав Якунович; Яков; Миша; Савва; Ратмир; 17. Изборск; 18. Копорье; 19. Повесить изменников, разрушить до основания крепость; 20. Брата Андрея из Переяславля, а также дружины из Суздаля и Владимира; 21. Северо-западная граница Новгородской земли была надежно обеспечена как раз к тому времени, когда татаро-монголы возвращались из похода в Западную Европу; 22. Эти победы обеспечили безопасность юго-

западной границы Новгородской земли; 23. В области стратегии: а) задачи обороны решались быстрыми наступательными действиями; б) стратегические цели достигались последовательными ударами, обеспечивавшими фланг и тыл новгородского войска в каждом последующем походе. Так, разгром шведов был необходим для успешной борьбы с немецко-рыцарской агрессией, а победы над немцами создали необходимые условия для борьбы с литовскими феодалами... В области тактики: а) широкое и умелое применение внезапности, быстрого действий; б) умелое использование местности при построении боевого порядка в «Ледовом побоище»; в) построение гибкого боевого порядка («полчный ряд» при наличии резерва), что обеспечило окружение противника, боевой порядок которого являлся малоподвижной массой; г) применение тактического окружения немецко-рыцарского войска русской ратью, что стало единственным фактом всего феодального периода ведения войны.

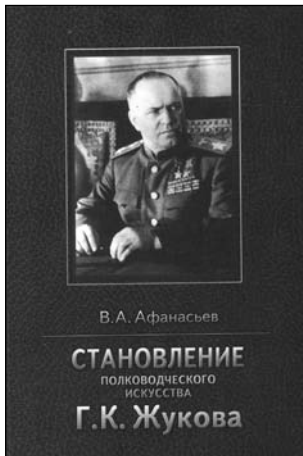
Оборона Севастополя (фрагмент панорамы)

Художник Ф. РУБО

Победителем этого конкурса стал **Захаров Вадим Владимирович**, студент 2 курса Челябинского металлургического колледжа (директор — Глазнов Игорь Александрович, преподаватель истории — Зырянов Борис Сергеевич), который получает приз — книгу: Карпов В. Генерал армии Хрулев. Все для Победы. Великий интендант. М.: Вече, 2004. 384 с.

Поздравляем!

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛКОВОДЦА Г.К. ЖУКОВА

Обложка
книги

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫМ комитетом памяти Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в начале нынешнего года выпущен фундаментальный научно-исследовательский труд*, приуроченный к 110-летию юбилею выдающегося полководца. Автор книги полковник запаса В.А. Афанасьев скрупулезно прослеживает на документальной основе процесс профессионального становления и развития Г.К. Жукова от солдата до начальника Генерального штаба Красной армии, показывает этапы его роста как командира и военачальника высшего ранга.

Многие военные историки началом полководческой деятельности Г.К. Жукова считают успешно проведенный под его руководством разгром японских войск в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Не умаляя значения этой победы, В.А. Афанасьев утверждает, что многие полководческие качества Георгия Константиновича приобретались и проявлялись им гораздо раньше. Так, большое влияние на процесс командирского становления Г.К. Жукова оказал боевой опыт, добытый им еще в годы Первой мировой и Гражданской войн. Существенное влияние на развитие полководческих качеств Георгия Константиновича оказали годы его службы в Белорусском военном округе, куда он вернулся в 1933 году после пребывания в течение нескольких лет в Центральном аппарате РККА и вступил в должность командира и военкома 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознаменной ди-

* Афанасьев В.А. Становление полководческого искусства Г.К. Жукова. М.: Святитор, 2006. 320 с., ил.

визии. С 1937 года Г.К. Жуков, командуя сначала 3-м, а затем 6-м кавалерийским корпусом, большое внимание уделял отработке вопросов боевого применения конницы в составе конно-механизированной армейской группы. При этом, по свидетельству автора книги, он продолжал упорно совершенствовать свою военно-теоретическую подготовку и полководческое мастерство даже тогда, когда занял пост заместителя командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии, когда исполнял более ответственные и объемные обязанности в последующем.

Таким образом, делает вывод автор книги, к своему первому серьезному экзамену на полководческую зрелость Г.К. Жуков подошел, досконально зная армейскую службу, имея солидный багаж военных знаний, богатый опыт командования частями и соединениями, хорошо освоив на учениях и маневрах практику управления войсками в сложной обстановке. Эти качества в совокупности с природным глубоким аналитическим умом, самостоятельностью и твердостью характера послужили основой, для того чтобы в недалеком будущем в монгольских степях взойшла его полководческая звезда.

Много места в книге В.А. Афанасьева уделено предвоенному времени, когда Г.К. Жуков командовал самым крупным приграничным военным округом – Киевским Особым (КОВО). Центральное же и, естественно, главное место в книге отведено событиям, происходившим в годы Великой Отечественной войны. Именно здесь ясно и убедительно обозначена выдающаяся роль, которую сыграл маршал Победы в разгроме сильного и жестокого противника – гитлеровского вермахта. При этом автор особо подчеркивает важность пребывания Георгия Константиновича на посту начальника Генерального штаба. Эта деятельность, по его утверждению, что созвучно с мнением многих других исследователей, была исключительно полезна для дальнейшего профессионального роста полководца. Существенно в тот период расширился стратегический кругозор военачальника: он окупился в стратегическое планирование, получил возможность лучше понять мобилизационные возможности страны, досконально познать организационную структуру Вооруженных сил, глубже изучить будущего противника. Все это очень помогло ему впоследствии, в суровые годы Великой Отечественной войны, когда настала пора сложного и ответственного экзамена на полководческую зрелость, который он выдержал с честью.

Книга, несмотря на ее строгий историко-научный характер, написана весьма популярно. Ее инте-

ресно и полезно читать всем, кто желает знать правду о жизни и военно-стратегической деятельности выдающегося полководца XX века, внесшего неоценимый вклад в разгром немецко-фашистских войск.

*Полковник в отставке
С.М. БОРЗУНОВ*

* * *

Обложка
книги

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ О СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ В АВСТРИИ

ПОД ПАТРОНАТОМ Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) в серии «АИРО — первая публикация» издан сборник документов о советской послевоенной политике в Австрии*.

В течение пяти лет Г. Бордюгов, профессор Норман Неймарк (Стенфордский университет), академик Арнольд Суппан, председатель Исторической комиссии Австрийской Академии наук, директор Института восточно-европейской истории Венского университета и доктор Вольфганг Мюллер, координатор проекта, научный сотрудник Исторической комиссии Австрийской академии наук собирали документы преимущественно в различных федеральных архивах, в основном в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Архиве Президента РФ (АП РФ). Результатом их усилий и стал подготовленный на двух языках (в русском оригинале и немецком переводе) труд, куда во-

* Советская политика в Австрии. 1945—1955 гг. Сборник документов. Публикация Г. Бордюгова, В. Мюллера, Н. Неймарка, А. Суппана. М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 656 с.

шло свыше 100 документов. В Австрии книга вышла в октябре 2005 года (Sowjetische Politik in Oesterreich 1945—1955. Dokumente aus russischen Archiven. Verlag Der Oesterreichischen Akademie Der Wissenschaften, Wien. 1120 S.), в России — в мае 2006 года.

В книге представлены документы, отражающие перипетии советской политики в Австрии, включая решения Политбюро ЦК ВКП(б) — КПСС и Совета Министров СССР, доклады советского высшего командования о политической ситуации в Австрии, протоколы встреч советских офицеров с австрийскими официальными лицами, письма руководителей компартии Австрии (КПА) И.В. Сталину.

Особый интерес представляет переписка между бывшим руководителем Коминтерна Георгием Димитровым и Сталиным по вопросу миссии австрийских коммунистов, выехавших в апреле 1946 года из «московской ссылки» на родину. Советское руководство продолжало поддерживать КПА и в последующие годы. Однако к обоюдному разочарованию руководства КПА и КПСС австрийским коммунистам так и не удалось завоевать популярность у населения, и они не смогли сыграть решающей роли в жизни республики.

Ряд документов сборника посвящен такой малоизвестной стороне советской послевоенной внешней политики, как деятельность СЧСК — Советской части Союзнической комиссии по Австрии и аппаратов Верховного комиссара и Политического представителя СССР в Австрии.

В книге рассмотрены также внутрисоветские механизмы принятия решений и роль И.В. Сталина в определении советской внешней политики, приведен обзор ее основных принципов, отношение Сталина к государственному договору с Австрией. Книга будет востребована не только специалистами, но и широкой научной общественностью России.

Я.И. БУРЧАК

* * *

«ДОБЛЕСТЬ НИКОГДА НЕ ИСЧЕЗНЕТ, ОНА БЕССМЕРТНА»

МОЖНО сказать, этими словами начинается предисловие к книге*, вышедшей в свет в 2005 году и уже довольно высоко оцененной всеми, кто интересуется отечественной военной историей. Речь идет о давно ожидаемом российской научной общественностью справочнике о российской гвардии, так как из-

данные еще в 1878 и 1910 годах справочники «Императорская Российская гвардия» (составитель В.В. Штейнгель) и «Императорская гвардия» (редактор В.К. Шенк), во-первых, неполны и устарели, а, во-вторых, в немалой степени тенденциозны.

Новый справочник «Российская гвардия. 1700—1918» подготовлен весьма компетентным авторским коллективом — научными сотрудниками Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) А.М. Вальковичем, А.П. Капитоновым (ответственные составители), А.А. Бочаровым, Т.Ю. Бурмистровой, А.А. Васильевым, кандидатом исторических наук Б.Б. Давыдовым, Н.В. Ильиной, И.В. Карпеевым, Л.Я. Сае, Ю.А. Трамбицким, В.М. Шабановым.

Будучи результатом долголетней и масштабной исследовательской работы по поиску и введению в научный оборот неизвестных прежде архивных источников, освещающих различные аспекты истории российской гвардии, справочник по праву является весомым вкладом в отечественную историческую науку, ибо содержит тысячи новых фактов боевого прошлого гвардейских формирований за более чем 200-летний период их существования и возвращает нам сотни славных имен наших соотечественников.

В предисловии, написанном ученым секретарем Государственного исторического музея А.А. Смирновым, раскрыты важнейшие этапы истории российской гвардии — элиты вооруженных сил России с XVIII века по 1918 год. Справедливо указав, что гвардия всегда являлась символом российской государственности, автор выделяет выдающуюся роль Петра Великого в ее создании. Блестяще выдержав испытание Северной войны 1700—1721 гг. с сильнейшим противником, петровская гвардия с 1721 года получила статус Императорской Российской. Последнее подчеркивалось и тем, что большинство этих элитных формирований получили наименования лейб-гвардейских, т.е. состоящих непосредственно при особе императора.

Примечательной особенностью нового справочника является всестороннее освещение истории гвардии, в то время как предшествующая литература, как правило, посвящалась лишь отдельным полкам или боевым операциям гвардейских соединений. Данный справочник отличается четкой структурой, широтой и глубиной охвата исторических событий, основательным потенциалом разнообразных указателей. Так, только именной указатель включает в себя более 1200 фамилий и имен полковников и шефов полков, полковых командиров (с пояснениями о времени их пребывания в должности). Чрезвычайно ценные данные содержат также публикуемые боевые формуляры полков с описанием всех военных операций, в которых они участвовали (время, место, характер боевых действий).

Справочником довольно легко пользоваться: он разделен на три ча-

Обложка книги

сти: гвардейская пехота; гвардейская кавалерия; гвардейская артиллерия, куда включен лейб-гвардии Саперный полк, собственный Его императорского величества Железнодорожный полк и Гвардейский экипаж. Завершают издание приложения с подробными указателями гвардейских формирований, войн и вооруженных конфликтов с участием гвардии, географических названий и указателем имен. В целом книга содержит подробные сведения о 18 полках гвардейской пехоты и роте дворцовых grenadier, 16 полках гвардейской кавалерии и 12 артиллерийских бригадах, дивизионах, батареях, парках. Если же иметь в виду гвардейские формирования в целом, то читатель найдет ценнейшую информацию о почти 600 таких частях, которая распределена для удобства пользования в исторических справках по следующей структуре: наименование, старшинство, полковой праздник, хронология преобразования и переименований, знаки отличия, полковники и шефы, командиры, боевой формуляр. Достоинством рецензируемого труда является и подробный учет войн и вооруженных конфликтов с участием российской гвардии: от Северной 1700—1721 гг. до Первой мировой в 1914—1918 гг.

Имеющиеся недочеты ни в малейшей степени не снижают ценности справочника. К ним можно отнести, например, отсутствие в именованном указателе хотя бы кратких биографических сведений о генералах и офицерах, командовавших гвардейскими формированиями. Весьма полезны были бы и данные о численном составе формирований и их структуре, а также изменениях в них в период существования включенных в справочник гвардейских частей.

В целом же читателям, интересующимся историей Русской армии и флота в дореволюционный период российской истории (XVIII — начало XX века), преподавателям военно-учебных заведений и историкам-исследователям новая книга окажет неоценимую помощь.

А.И. КОМИССАРЕНКО

* Российская гвардия. 1700—1918. Справочник. М.: Новый хронограф, 2005. 447 с.

Сведения об авторах номера

АВДЕЕВ Валерий Александрович — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

АФНАСЬЕВ Андрей Викторович — PR-директор мужского баскетбольного клуба «Динамо» (Москва)

БАРДЫГО Николай Сидорович — заместитель начальника кафедры культурно-досуговой работы Военного университета МО РФ, полковник, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

БОРЗУНОВ Семен Михайлович — заслуженный работник культуры Российской Федерации, писатель, участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке (Москва)

БУРЧАК Ярина Игоревна — студентка Московского гуманитарно-экономического института (Москва)

ВИНОГРАДОВА Ольга Васильевна — старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных сил (Москва)

ГАРЕЕВ Махмут Ахметович — президент Академии военных наук, генерал армии, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

ЖУРБЕНКО Владимир Михайлович — генерал-полковник в отставке

ИМИНОВ Владислав Таирович — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала», генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

КОВАЛЬЧУК Андрей Иванович — старший преподаватель кафедры оперативного искусства Военно-воздушных сил Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник (Москва)

КОЗЛОВ Денис Юрьевич — заместитель начальника отдела Института военной истории МО РФ, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

КОЛОМИЙЦЕВ Анатолий Яковлевич — старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных сил (Москва)

КОМИССАРЕНКО Аркадий Иванович — профессор кафедры истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, старший лейтенант в отставке, доктор исторических наук, профессор (Москва)

КОРОБИЦЫН Сергей Леонидович — начальник отдела организации военно-исторической и научно-информационной работы Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, полковник (Москва)

КУЧИРЬ Анатолий Георгиевич — доцент Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ЛЕОНОВИЧ Федор Тимофеевич — главный инженер-инспектор Воздухоплавательной службы ВВС, полковник запаса (Москва)

ЛОТА Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович — заместитель начальника Центрального военно-технического института МО РФ, генерал-майор, доктор военных наук (Москва)

САВЧЕНКО Анатолий Кузьмич — начальник мемориального комплекса ПЛ Д-2 «Народоволец», капитан 2 ранга в отставке, заслуженный работник культуры Российской Федерации (Санкт-Петербург)

СТУПНИКОВ Владимир Иванович — начальник Воздухоплавательной службы ВВС, полковник (Москва)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ХОХЛОВ Дмитрий Юрьевич — аспирант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (г. Люберцы Московской обл.)

ЧАБАНОВА Анна Николаевна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ШИГИН Владимир Виленович — редактор по отделу литературы и искусства, критики и библиографии редакции журнала «Морской сборник», капитан 1 ранга (г. Железнодорожный Московской обл.)

Материалы номера рецензировали: заслуженный работник культуры РФ И.О. Гаркуша (Российский государственный военно-исторический архив); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольтюков (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макар (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат педагогических наук адмирал В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); доктор военных наук, профессор генерал-полковник Н.Е. Соловцов (Командование РВСН); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник полковник И.И. Басик (Институт военной истории МО РФ); кандидат политических наук, доцент генерал-полковник А.С. Скворцов (Генеральный штаб ВС РФ); кандидат технических наук, старший научный сотрудник генерал-лейтенант В.П. Володин (Военно-научный комитет Генерального штаба ВС РФ).

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объемом не более одного авторского листа, набранного в Word 95,97,2000 через два интервала с постраничными сносками и концевыми ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение несет ответственность Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать, публиковать присланные материалы помимо печатной версии в интернет-издании «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» (www.mil.ru). Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется почтовый адрес автора, ученая степень, ученое звание, номера телефонов, указаны его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 157-84-50.

Компьютерная верстка —
А.А. БАРАНОВА

Электронные версии «Военно-исторического журнала» и интернет-приложений «Военно-исторического журнала» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 157-84-50 (факс), 157-87-19.

Сдано в набор 20.09.2006
Подписано к печати 27.10.2006
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж 5050 экз. Зак. 2382

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2006.

Учебный воздухоплавательный парк на параде в присутствии Николая II по случаю окончания Курских маневров
5 сентября 1902 г.

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА РОССИИ

90 ЛЕТ назад приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 7 декабря 1916 года была создана Служба штаб-офицера по воздухоплаванию полевого генерал-инспектора Военного воздушного флота. Эта дата приказом главнокомандующего ВВС от 2 августа 2000 года объявлена Днем создания Воздухоплавательной службы ВВС.

За годы своего существования служба проделала большую работу по созданию и применению аэростатических средств. Во время Первой мировой и Гражданской войн аэростаты использовались для наблюдения и корректировки артиллерийского огня. В годы Великой Отечественной войны воздухоплавательные части находились в четырех родах войск и выполняли в каждом из них свои задачи. После войны, в период бурного развития автоматических аэростатов (АА) за рубежом, Воздухоплавательная служба ВВС в оптимально короткие сроки организовала создание АА, многие из которых и по настоящее время состоят на вооружении ВС РФ. Она принимала участие в организации и проведении испытаний ядерного оружия, организовывала применение аэростатных ретрансляторов связи в ходе ведения боевых действий на территории Афганистана и Сирии, организовывала, формировала расчеты и непосредственно принимала участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В настоящее время основная деятельность Воздухоплавательной службы ВВС направлена на сохранение и развитие отечественного военного воздухоплавания, создание современных воздухоплавательных комплексов, позволяющих более эффективно и оперативно решать возлагаемые на воздухоплавательные части задачи.

Подробнее об истории создания и деятельности Воздухоплавательной службы ВВС читайте в статье начальника службы полковника В.И. Ступникова и полковника запаса Ф.Т. Леоновича.

Иллюстрации из кн.: Кибовский А.В., Степанов А.Б., Цыленков К.В. Униформа российского военного воздушного флота: В 2 т. М., 2004. Т. 1. 248 с.

Начальник Воздухоплавательной службы ВВС полковник В.И. Ступников

К 90-летию отечественного военного воздухоплавания

Метеоролог В.В. Кузнецов (в центре) среди офицеров и солдат Учебного воздухоплавательного парка

Около 1905 г.

Подъем привязного аэростата

Унтер-офицер (сидит) и рядовые Варшавского воздухоплавательного отделения
Варшава, 1896 г.

Старт автоматического аэростата

Читайте в номере

О МАРШАЛЕ ПОБЕДЫ

Г.К. Жуков
Скульптор В.А. СОНИН, 1990 г.

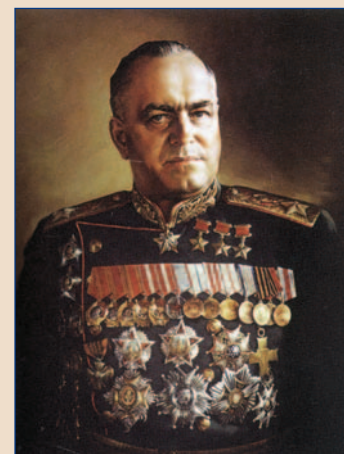

Медаль лауреата Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова

Первые награды Г.К. Жукова — за участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны

Личные вещи Г.К. Жукова

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков
Художник С.Н. ПРИСЕКИН, 1989 г.

В экспозиции — уникальный экспонат — партийный билет Г.К. Жукова

Дочь Г.К. Жукова Элла Георгиевна поздравляет кадетов-жуковцев с принятием торжественной клятвы
Школьники на экскурсии в кабинете-музее

Орден Жукова
Автор эскиза В.Н. БАЛАБАНОВ, 1997 г.

Члены семьи маршала Г.К. Жукова знакомятся с новыми материалами экспозиции. На фото слева направо: старшие научные сотрудники кабинета-музея О.В. Виноградова и А.Я. Коломийцев, зять Г.К. Жукова В.А. Ерохин, дочери — Эра и Элла

Георгий Константинович с женой Галиной Александровной и дочерью Машей
1967 г.

ВОЕННАЯ ТЕМА ГЕРАЛЬДИЧЕСКОГО

▲ Обложка книги

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Всероссийского геральдического общества (ВГО) за 15 лет его существования рассказывает вышедшая в свет богатая иллюстрированная научно-популярная книга*. В ней помещены разнообразные материалы по геральдике, фалеристике, вексиллологии, генеалогии и другим родственным им историческим дисциплинам. Здесь можно найти: очерк истории геральдики в России; историю Всероссийского геральдического общества; списки всех членов ВГО; информацию о международных генеалого-геральдических научных конференциях ВГО; указатели к научно-популярному журналу «Гербовед» и к газете «Геральдические ведомости»; печатные геральдические издания членов ВГО; Гербовый матрикул Русской геральдической коллегии (РГК); Фалеристический реестр РГК; Общий вексиллумарий РГК; несколько серий геральдических значков; «геральдические художества» членов ВГО; биографический справочник «Кто есть кто в геральдике». Отдельный раздел книги посвящен организациям, с которыми сотрудничает ВГО, в том числе Военно-геральдической службе ВС РФ. Члены ВГО Е.В. Пчелов, Г.В. Ражнев, В.Б. Храпков, А.Б. Хрусталев и многие другие активно сотрудничают с «Военно-историческим журналом».

Издание предназначено для широкого круга читателей, содержит обширные иллюстрированные очерки, краткие сообщения и мобильные рекламные модули. Всего в нем 600 цветных иллюстраций, многие из которых публикуются впервые.

Публикацию подготовил
А.В. АФАНАСЬЕВ

По вопросам приобретения книги обращайтесь во Всероссийское геральдическое общество по адресу: 141170, Москва, Момино, а/я 1; тел.: (495) 502-25-42; 8-478-212-10-73.

* Сметанников И.С. и др. Под знаком Золотой Пчелы: Всероссийское геральдическое общество. 1991—2005. М.: Всероссийское геральдическое общество; ООО «Лидер», 2006. 1056 с., ил.

▲ **И.С. Сметанников** — председатель Всероссийского геральдического общества, президент Русской геральдической коллегии, главный редактор журнала «Гербовед»

О.В. Кузнецов — начальник Военно-геральдической службы Вооруженных сил РФ — главный военный геральдмейстер, член геральдического совета при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук полковник

Знамя 1-го Маршала Жукова Московского Георгиевского кадетского корпуса

Внесено в Общий вексиллумарий РГК 23 февраля 2000 г.

Эмблема Вооруженных сил РФ

Большие эмблемы (гербы) воинских формирований

Московский военный округ

Отдельный парашютный дивизион

Министерство обороны РФ

Генеральный штаб ВС РФ

Тыл ВС РФ

Военно-воздушные силы

Е.В. Пчелов

Г.В. Ражнев

В.Б. Храпков

А.Б. Хрусталев

В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

▲ **Флаг Военно-морского флота Гойс и крепостной флаг**

Учреждены Указом Президента РФ от 21 июля 1992 г. № 798 «О военно-морских флагах и вымпелах Российской Федерации». Внесены в Общий вексиллумарий РГК 29 августа 1994 года

▲ **Геральдические работы**
Художник Юрий Юров (Москва)

◀ Из гербового матрикула РГК:

1 — Первый Московский кадетский корпус; 2 — Костромской государя и великого князя Михаила Федоровича кадетский корпус; 3 — Тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», Северный флот; 4 — Гвардейская Двинская ордена Александра Невского бригада реактивной артиллерии; 5 — Корабельный противолодочный вертолетный полк, Северный флот; 6 — Ордена Кутузова пулеметно-артиллерийская дивизия Дальневосточного военного округа; 7 — Главное управление кадров и военного образования Министерства обороны РФ; 8 — Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба Вооруженных сил РФ; 9 — Главное управление международного военного сотрудничества; 10 — Эскадра надводных кораблей Северного флота; 11 — эскадренный миноносец «Безудержный», Северный флот

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

▲ Обложки журнала «Гербовед» № 79—85, 2005 г.